

Литературный альманах

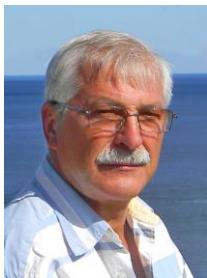
**ТРИУМФ
КОРОТКОГО
РАССКАЗА**

№ 7

Garomont
•STUDIOU DE PRODUCERE•
Studio
•EST 2004•

*Кишинэу
2025г.*

"" " " "

Альманах «Триумф короткого рассказа» подготовлен
при творческом участии Союза писателей Молдовы
имени А.С. Пушкина.

Редакция литературного альманаха «Триумф короткого рассказа» приглашает талантливых русскоязычных авторов, пишущих прозу, опубликовать свои работы в восьмом номере. Наша цель – дать возможность выпускаться тем, кому есть, что сказать. Лучшие работы будут номинированы на ежегодную премию « » »

Адрес редакции: /o c h~~h~~igprkarpBo c h~~h~~w/

Перепечатка материалов без разрешения редакции альманаха «Триумф короткого рассказа» **запрещена**.

Присланные рукописи не рецензируются. Редакция не имеет возможности вступать в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своем решении.

@Еленин Н.С. 2025"

“

Этот выпуск литературно-художественного альманаха был задуман редакцией, как напоминание читательской аудитории о событиях периода 1941-19450г. (ВОВ). Наш народ понес большие потери в этой жуткой войне, которая унесла много миллионов человеческих жизней, а героизм советского солдата, да и просто труженика тыла, поражали своим величием!

Сборник состоит из двух разделов: «Рассказы о войне» и «Сюжеты послевоенного времени»! В отношении, первого раздела у редакции была большая доля сомнения, смогут ли писатели нынешнего поколения, которые родились уже после Великой Отечественной войны, вразумительно и полно осветить те далекие победные и трагические события. Однако, прочитав уже первые полученные рассказы, мы поняли, что многие авторы СМОГЛИ! СДЮЖИЛИ! Они всем сердцем восприняли судьбоносные события 1941-1945 годов и, можно сказать, трепетно отнеслись к ним при написании своих рассказов, найдя для этого проникновенные слова и продемонстрировав тем самым верность идеалам героев того времени, преемственность благородных традиций поколений и патриотизм!

Во второй, более обширный раздел альманаха вошли рассказы авторов о разных моментах повседневной жизни людей в мирное время, о поиске и обретении себя как личности, о природе и о «братьях наших меньших».”

“

“ “ .
“ “ “ ”

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

(Россия)

Оксана Соснина – филолог, преподаватель, переводчик. Пишет лирику, стихи для детей, прозу, делает литературные переводы с западно-европейских языков, прозу. Закончила УдГУ в городе Ижевск Удмуртской республики. Лауреат и дипломант многих лит. конкурсов.

Смотритель маяка

В мае 1979 года ошеломительная новость потрясла мир: в океанских водах возле штата Мэн (США) нашли тело смотрителя маяка. Вскрытие показало, что утопленник не кто иной, как нацистский доктор Ханс Химке, умерший от внезапного кровоизлияния в мозг. После Второй мировой разведка искала преступника долго и безуспешно. "Доктор" должен был предстать перед судом и ответить за все свои "действия", коих было немало. Химке проводил чудовищные эксперименты над людьми в концлагерях фашистской Германии, умертвив, таким образом, огромное количество заключённых. Но нацистскому преступнику, жившему тридцать четыре года в Бразилии под вымышленным именем, удалось уйти от возмездия и в этот раз...

– Разрешите? – в приёмную заглянул мужчина по виду старше сорока пяти лет. Импозантный, подтянутый, стройный. Из тех, кто обычно имеет частную практику – в адвокатуре или в медицине – и большое количество состоятельных клиентов; из тех, кто давно определился с выбором

профессии, и новую работу уже не ищет. Но иногда первое впечатление бывает ошибочным.

– Сюда на собеседование? – уточнил он, обращаясь к секретарше, разбиравшей в это время кипу деловых бумаг на столе.

– Да, да, сюда, захо..., – начала было говорить она, пока не оторвалась от неотложных дел и не взглянула на претендента на вакантную должность. Оглядев посетителя с головы до ног, девушка застыла от удивления, какое-то время о чём-то усиленно думая своей хорошенькой секретарской головкой. Придя, наконец, в себя, она набрала номер шефа.

– К Вам соискатель на место смотрителя, приглашать? – спросила девушка в трубку и, одарив незнакомца дежурной улыбкой, одобрительно кивнула.

Много раз, уже работая смотрителем маяка, Ханс Химке вспоминал этот момент. Ему даже показалось, что молоденькая секретарша его узнала. Мир мог рухнуть у него на глазах, опознай она его тогда... Несколько лет по его следу отчаянно шли полицейские ищёйки, «нюхачи», как называл их он, и, кажется, не собирались останавливаться. Случайно подвернувшаяся работа смотрителя маяка, казалась ему выходом из создавшегося положения, спасением, дверью на «черную» лестницу. И тут явно не обошлось без божьего или дьявольского промысла, как на это посмотреть. Сколько раз он, Химке, был на краю гибели, когда полиция кружила возле небольшого дома в Бразилии, на мансардном этаже которого он арендовал комнату, выбрав её нарочно для того, чтобы загодя видеть непрошеных гостей и иметь фору перед ними в случае внезапного бегства. Тогда в тече-

ние трёх лет он вообще редко выходил на улицу и то только после тщательной маскировки. Накладные усы и небольшая бородка, тёмные очки, специальная одежда, невероятно изменившая его фигуру и даже добавлявшая ему пару лишних кило, а ещё сопровождение двух хорошо натасканных немецких овчарок.

Химке, казалось, предусмотрел всё для спасения собственной жизни. Его можно было принять за профессора университета или писателя, настолько благообразно он выглядел. На самом деле Химке всего лишь присматривал за кофейной плантацией своих хозяев и редко с кем знался. Говорил, что общение с людьми его сильно тяготит, поэтому практически безвылазно сидел в своей комнате наверху и всё, чем он занимался в свободное от работы время, сводилось к чтению стихов Гёте и прослушиванию музыки Штрауса.

Доктор Химке решал судьбы узников концлагеря довольно просто. При первом осмотре вновь прибывших в Заксенхаузен он подходил к ним с жёлтым карандашом в руке, указывая, кому из заключённых следует отойти налево – для сохранения жизни в качестве подопытных, а кому сразу же идти направо – таких было большинство – годны разве что для топки в крематории или удушения в газовой камере. Химке просил конвоиров будить его даже по ночам, когда в лагерь прибывали эшелоны с заключёнными. Ему очень нравилось быть в такие минуты немного Богом. Осматривая людей, нацист улыбался, довольный собой. Оставшиеся в живых ещё долго помнили карандаш в руке палача, решивший раз и навсегда их судьбу.

Однажды с партией евреев из Австрии прибыла она, семидесятилетняя старуха, с маленьким чемоданчиком – в одной руке и с тёплой кофтой – в другой. Фашисты требовали не брать с собой много вещей, только самое ценное. В её чемоданчике ПОСЛЕ, среди немногочисленных семейных фото Химке обнаружил и письма её сына Франца. По горькому стечению обстоятельств Франц Химмельлихт был сокурсником Химке на медицинском факультете немецкого университета, но успел уехать из Германии до того, как началась травля евреев. Франц и мать свою уговаривал поменять место жительства и перебраться в нейтральную Швейцарию, власти которой были лояльны к людям разных национальностей, но женщина наотрез отказалась это делать. Порой старики так упрямы!

И сейчас, глядя на мать Химмельлихта, Химке вспомнил, как они с Францем, будучи студентами, начали разрабатывать теорию устойчивости человеческого организма к любым жизненным обстоятельствам, даже самым невыносимым, под влиянием фармацевтических препаратов. Испытания новых лекарств проводились на подопытных крысах и дали отличные результаты. Но Химмельлихт уехал и продолжил заниматься наукой в лабораторных условиях, Химке же с началом войны очень надеялся продолжить исследования в лагере на живых людях. Тем более вермахт предоставил ему такую возможность – Заксенхаузен с тысячами заключенных был полностью в его распоряжении. Верный идеям нацизма, он планировал применить результаты исследований для создания универсального солдата-наци, невосприимчивого к погодным условиям, усталости,

боли и голоду на войне. И тогда их армия будет самой непобедимой в мире! И тогда, тогда...

Нацистский доктор совершенно не ожидал увидеть знакомую фамилию в списках, прибывших в лагерь и даже какое-то время думал, что эта женщина – всего лишь однофамилица его сокурсника. Мало ли разных Химмельлихтов в Германии... Но, увидев её, он сразу понял: перед ним – мать Франца. В довоенное время ему не раз приходилось бывать в их гостеприимном доме и обсуждать результаты их с Францем экспериментов за воскресным обедом. Родители Франца с радостью принимали в гостях друзей своего сына. К счастью, Химке, подслеповатые глаза фрау Химмельлихт не сразу узнали его. И какое-то время ему не приходилось притворяться великодушным. Хотя, сойдя с поезда, она сразу же бросилась именно к нему.

– Простите, господин доктор, вероятно, все эти люди ошиблись: я слишком стара и не гожусь для сельскохозяйственных работ. Вот, посмотрите мои документы, пожалуйста. Мой сын – известный в Германии учёный, временно работающий в университете в Швейцарии. Ну, вы знаете, там хорошие лаборатории. А тут – война..., – и она протянула Химке паспорт.

Пока лагерный доктор делал вид, что читает протянутые ему бумаги с особым усердием, женщину, всё это время с надеждой наблюдавшую за ним, вдруг осенило:

– Господин доктор, простите, ради бога, старуху, за вопрос. Ваше лицо кажется мне невероятно знакомым. Уж не друг ли Вы моего дорогого Франца? Помните его, Франца Химмельлихта? Он учился в медицинском университете в 1933 году...

Химке бесцеремонно перебил её:

– Уважаемая фрау Химмельлихт, в суматохе, которая творится кругом, что поделать – война всё-таки! – невозможно не натворить ошибок. Прошу прощения за доставленные Вам неудобства. Я, действительно, друг Вашего сына, поэтому с радостью помогу Вам. И вот как мы поступим, – Химке, начав говорить тише, наклонился чуть ли не к самому уху матери Франца, – сейчас я распоряжусь, чтобы Вас отвели в гостевой домик. Вы переночуете там, а утренним поездом мы отправим Вас к сыну в Швейцарию. Я лично позабочусь о покупке билета первого класса. Договорились? Обещаю, скоро всё закончится. Вы непременно увидите Вашего дорогого Франца и сразу забудете про весь этот кошмар. Кстати, если Вас не затруднит, передайте ему привет от меня. А пока можете принять душ с дороги и немного отдохнуть.

Бедная женщина не знала, как отблагодарить своего «спасителя». Фрау Химмельлихт закивала часто-часто, из её глаз непроизвольно полились слёзы. Едва справившись с ними, она тихо произнесла:

– Храни Вас, Господь, господин офицер, за Ваше великодушие! Я стану молиться за Вас!

Химке кивнул и тут же дал знак одному из солдат охраны подойти. Тот, взяв женщину под локоть, увёл её направо. Спустя полтора часа от партии людей, непригодных для сельхозработ – в основном стариков и больных – нацисты не преминули избавиться. Хладнокровия "доктору" было, как всегда, не занимать.

На странности своего нового наёмного работника его хозяева смотрели сквозь пальцы. Свою работу тот выполнял

добросовестно. Но, несмотря на все предпринятые Химке меры предосторожности, те всё-таки узнали в нём нацистского преступника. Всему виной был пресловутый телевизионный «ящик»: о ком-то, невероятным образом похожем на Химке, постоянно сообщалось в новостях. Кроме того, властями Бразилии было назначено нехилое вознаграждение за его голову. Не каждый устоит перед соблазном хорошо заработать на выдаче нацистского преступника... Но владельцы кофейной плантации, где он работал, сообщили о своих догадках первым делом ему, а не полицейским ищёйкам, за что тот был им очень благодарен. Благодарность Химке выразилась тогда в гораздо большем денежном эквиваленте, чем те смогли бы получить от властей в случае его выдачи. Бывший доктор легко отделался, хоть и сполна заплатил за молчание своих работодателей. Но его свобода стоила, несомненно, дороже: речь шла не просто о тюрьме. За все «заслуги» перед человечеством Химке полагался расстрел – никак не меньше!

Деньги у него, конечно, водились: ещё с тех самых пор, когда он работал в лагере и имел привилегию забирать из огромных куч добра, ликвидированного у заключённых, всё самое лучшее, в первую очередь, конечно, для себя. Евреи нередко везли в своих чемоданчиках и дорожных саквояжах фамильные драгоценности – колечки, серьги, крестики – пытаясь подкупить охранников лагеря, в том числе и его, доктора Химке, предлагая золото в обмен на свободу. Химке, как правило, обещал, бессовестно отбирая и то, и это.

Горы обуви, очков, зубных протезов, обручальных колец... И это всё, что осталось от тех, кто некогда ещё был

живым и назывался человеком. Горы росли, росли, росли с каждым днём. А бухгалтеры Заксенхаузена подсчитывали, записывали, переписывали – от их цепкого взгляда не ускользнул ни один камушек, ни одно колечко не осталось без присмотра... Бывший доктор вдруг вспомнил пару моментов, когда к нему приводили заключённых, и он лично без анестезии вырывал им зубы с золотыми коронками и даже приказывал отрезать пальцы, с которых не снимались золотые перстни или дешевенькие обручальные кольца. Зачем им, отправляющимся в небытие, всё это золото? Пусть оно полежит в закромах великого рейха! Ну, или в его, Химке, личном сейфе. Пригодится.

Золото, и правда, пригодилось. И не раз. Впервые в 1946-ом, когда Заксенхаузен был освобождён союзниками Советов – американцами. Тогда его вместе с другими эсэсовцами схватили и посадили под надзор для проведения дальнейших разбирательств. Тогда, сидя в импровизированной тюрьме, ему удалось во время приёма пищи незаметно подсыпать яд – сказывалась многолетняя практика работы лагерным доктором – своему бывшему сослуживцу, немецкому солдату из охраны, переодеться в его форму и ждать смягчения своей участи. Пошло в ход и золото: с помощью лишь небольшой части награбленного у заключённых Заксенхаузена ему удалось убедить американцев, что он простой немецкий солдат, всего лишь выполнявший приказы своего командования в концлагере, не более того.

Развалившись сейчас в большом широком кресле на маяке, нацистский преступник Химке вспоминал своё прошлое и горько сожалел об упущенном с прекращением войны возможностях. Сколько всего он мог бы сделать для нацистского рейха, продлил война еще лет пять! Но война на Восточном фронте была немцами безнадёжно проиграна. И американцы, к удаче Химке, не разобравшись толком, кто перед ними на самом деле, тут же выпустили его, не заподозрив ни в каких преступлениях. Иначе бы у этого маяка на маленьком острове был другой смотритель...

Они часто снились ему. Всё-таки он был их палачом. Мужчины, женщины, старики, дети, карлики, близнецы... Все они, передвигаясь в его воспалённом мозгу как в ленте немого кино, заставляли даже по прошествии стольких лет после войны думать о них, вспоминать всё, что он вытворял над их истощенными голодом, холодом, нечеловеческими условиями содержания истерзанными телами. И во сне жертвы Химке тянулись к своему палачу костлявыми руками, пытаясь увлечь в ту бездну, в которую с улыбкой на лице на протяжении четырех военных лет отправлял их он...

Химке прекрасно помнил, как в середине октября 1944 года группа женщин-заключённых из лагеря принудительных работ Плашов прибыла в Заксенхаузен. Плашов ликвидировали совсем, а оставшихся в нём людей расформировали по разным гетто. Их везли в телячих вагонах долго, несколько дней, как скот, хуже, чем скот, без возможности присесть и сходить в туалет. Кормили изредка, кидая в толпу жидкие протухшие помои – и то те доставались не всем, а, по большей мере, тем, кто стоял у самых дверей. Пить практически не давали. Поливали вагоны водой из шлангов.

Женщины кричали и съёживались от ледяных потоков, но отчаянно ловили ртом спасительные водяные струи, пили впрок – когда напоят ещё и напоят ли? – и молились, чтобы побыстрее приехать, неважно куда.

На перроне в лагере их встречал лай овчарок и крики эсэсовцев. Всем приказывали построиться в шеренгу. Ослабленные за время пути женщины еле держались на ногах, с трудом поддерживая друг друга под руки. Они знали, что слабым – дорога в газовую камеру, и изо всех сил старались стоять прямо. Напротив них в начищенных до блеска сапогах – эсэсовцы, готовые в любой момент спустить своих откормленных собак на толпу слабых женщин из Плашова. Все ждали только его, нацистского доктора Химке. Польские еврейки были уже наслышаны о Докторе Смерть, и, завидев его, приготовились к худшему. Чтобы обратить на себя его внимание, надо было чем-то выделяться. В руке у него был жёлтый карандаш, которым он методично и хладнокровно указывал, кому в какую сторону идти. И, как обычно, правая группа женщин подлежала немедленному уничтожению, в них, по мнению нацистского доктора, не было особой надобности – ни для работы, ни для участия в его медицинских опытах они не годились. Но в этот раз что-то неуловимое мелькнуло в толпе, из-за чего Химке решил перепроверить стоявших справа еще раз. Почему он это сделал, позже он никак не мог вспомнить.

Эта девчонка ничем из всей толпы не выделялась и, по логике Химке, не могла заинтересовать его вовсе: у нее не было ни сестры-близнеца, ни физических уродств, ни бросающихся в глаза особенностей. Долго не думая, он с лёгкостью отправил её направо. Но тринадцатилетняя Иона

Штайлер, уже готовая смириться со своей участью, вдруг увидела дым из красной кирпичной трубы крематория, почувствовала запах горелого мяса, совершенно чётко представила себе свою дальнейшую судьбу...

«Нет, только не это, не здесь, не сейчас!» – мелькнула в её голове решительная мысль, и она, мгновенно развернувшись, опять встала на своё место в группе.

И когда нацистский доктор подошёл к ней вплотную, Иона – откуда только смелость взялась у малолетней пигалицы? – посмотрела на него в упор и неожиданно для самой себя произнесла: «Отпустите меня, доктор!» Твёрдо и решительно. Безо всяких «пожалуйста» и «прошу». И он запомнил её уверенный твёрдый голос, прищур серых миндалевидных глаз, угловатую хрупкую фигурку и волосы пшеничного цвета... Эх, если б не война, он позволил бы именно такой как она повелевать собой, делать с ним всё, что она захочет! Но в тот момент Химке даже оторопел немногого, не ожидая такого поворота, и только махнул рукой идти ей в левую сторону. Девчонка, схватив на ходу своё платье, пулей выбежала из толпы женщин, опасаясь, что тот передумает, и закричала: «Доктор только что подарил мне жизнь!»

Иона, как только попала в лазарет к Химке, видела много всего: и смерти маленьких детей, и операции без наркоза, и впрыскивания ядов в глаза и вены... Но решила для себя, что выживет в этом аду во что бы то ни стало. А, когда выберется из лагеря, всему миру расскажет о творящемся в Заксенхаузене, Плашове и других гетто. Она сконцентрировалась на одной этой мысли, всем своим суще-

ством ненавидя немцев, думала только о жизни, собрала всю свою волю в кулак, и не расслаблялась ни на секунду.

Девочка и сама не раз становилась объектом жутких экспериментов нацистского доктора по переливанию крови и долгое время оставалась на грани между жизнью и смертью. Химке проверял, какое максимальное количество крови можно выкачать из детских тел. Кто-то, не выдержав издевательств, умирал. Иона пыталась в этом аду, несмотря ни на что, держаться.

Каждый день в пять утра доктор Химке и весь медперсонал лагеря проводили селекции – отбор людей, непригодных для работы. Травмированных, больных и попросту слишком слабых убивали, делая смертельные инъекции или отправляя их в газовую камеру. Появление в женском лазарете доктора Химке наводило ужас на его обитателей. Не зря Химке прозвали в лагере «Доктором Смерть» – в любую минуту десятки и сотни узников могли бесследно сгинуть в беспощадной воронке смерти по одной только прихоти этого улыбающегося, довольного жизнью молодого нациста.

– Я выживу, я обязательно выживу, я должна, я смогу! Я приказываю себе выжить! – шептала про себя на смеси польского и родного идиша иссохшими, тысячу раз искуянными в кровь губами Иона Штайлер. Шептала тогда, когда переносила нечеловеческую нагрузку во время работы в Плашове, шептала во время пеших переходов так называемых «маршей смерти», когда их переводили из одного лагеря в другой, шептала во время многодневной перевозки из гетто в Заксенхаузен в тую набитых женщинами, подростками и малышами телячьих вагонах, практически без еды и воды, и даже во время медицинских опытов самого доктора

Химке... Шептала тогда, когда теряла сознание и тогда, когда очухивалась невероятным образом. Держалась каким-то невероятным усилием воли, несвойственным девочке-подростку.

Один раз на правой руке Ионы, чуть выше ладони, медики сделали разрез около десяти сантиметров длиной и двух сантиметров шириной. Намеренно без анестезии и нестерилизованными инструментами. Для того, чтобы вызвать инфекцию. Нацисты постоянно меняли бинты, пропитывая их различными мазями и жидкостями, каждый день исследуя разрез. Но как только рана начинала затягиваться, снова делали разрез, и всё начиналось сначала. Эксперимент состоял в том, а смогут ли заключённые работать с такими ранами. Девочке повезло: одна из медсестёр, что Химке взял к себе на работу из таких же польских евреев-заключённых, как Иона, смазывала ее руку особой, быстро затягивающей раны мазью. И рука быстро зажила. Доктор вскоре потерял к ней интерес и выбрал для этого эксперимента какую-то взрослую женщину.

Иона помнила, как Химке её и других девушек и женщин заставлял бежать, а сам спускал в это время на них, еле державшихся на ногах от голода, своих выхолощенных, хорошо откормленных овчарок, зубы которых были смазаны специальным ядом. Некоторые заключённые бежать уже не могли, и собаки рвали их плоть, выдирая куски мяса и выплёвывая их через зубы. После зверской экзекуции нацистские врачи хладнокровно обследовали раны оставшихся в живых и брали кровь на анализ. Ничем не лучше своих собак, они просто... вырывали куски мяса из ран заключённых и осматривали их. Вся левая нога Ионы Штайлер была

разорвана собаками и "врачами". А после освобождения из лагеря на ней обнаружилась раковая опухоль. Онкологию пришлось долго лечить, к счастью, успешно. А потом ей и ещё одной девушке доктор Химке стал ставить уколы в матку, от чего возникали страшные боли внизу живота. Обезболивающих им не давали. Иона безумно страдала, кажется, готова была залезть от боли на стену или кинуться на колючую проволоку под напряжением, одним словом, сдаться всё, чтобы её мучения прекратились.

Но и тут Ионе снова повезло: в составе нескольких человек, что доктор отобрал для экспериментов, она попала на фабрику металлической посуды. Один немецкий предприниматель, владелец фабрики, купил их в качестве рабочей силы. А там на его территории – о, счастье! – не было никакого рабства, никаких опытов, никаких избиений и издевательств. Наоборот, их кормили, даже давали выспаться по очереди, забросав сверху ветошью, чтобы немецкие офицеры, приводившие бесплатную рабсилу на работу, не заметили такой «непорядок» и не расстреляли за «непослушание». Сразу заметив, что Иона корчится от боли во время своей смены, работодатель показал её одному из лучших гинекологов Германии, своему знакомому. Пожилой врач осмотрел девушку и немедленно назначил лечение. А потом хозяин фабрики оставил Иону у себя под предлогом того, что она систематически не успевает с выполнением своей нормы. Пришлось договариваться с Химке – попросту выплачивать тому внушительные отступные. А доктор и не сопротивлялся – деньги он любил ничуть не меньше своих бесконечных экспериментов над заключёнными. И до освобождения армией союзников девушка находилась на терри-

тории фабрики, как и сотни других польских евреев, спасённых немецким предпринимателем.

Химке узнал её, не мог не узнать: уверенный твёрдый голос, хоть и слегка осипший с годами, прищур серых миндалевидных глаз, угловатая хрупкая фигурка, пшеничного цвета волосы с лёгкой проседью... Она изменилась, но не так, чтобы невозможно было не узнать. Хоть и не один десяток лет минул с тех пор, как он видел эту девочку в последний раз. После освобождения она уехала в США и вышла замуж за американского солдата, долго лечилась от последствий его медицинских опытов и даже родила двоих сыновей.

Она стояла прямо напротив него по ту сторону телевизора и, глядя ему в глаза, словно гипнотизируя, говорила:

– Перед лицом всего мира я, Иона Штайлер, сегодня прощаю нацистских преступников, принесших невыносимую боль и безутешное горе мне и моим родным и ещё миллионам таких, как я. Прощаю нелюдей в человеческом обличье, на протяжении четырёх лет беспощадно сжигавших нас в печах крематориев, травивших нас в газовых камерах, проводивших чудовищные эксперименты над нами, заставлявших голодать и выживать в невыносимых условиях... Почему я это делаю, спросите вы?

И тут женщина вдруг замолчала на мгновение, опустив голову. Ей трудно было говорить: слова застревали в горле, вставали поперёк него, превращались в твёрдые камни. А их надо было сейчас, в эту самую минуту, находясь под прицелом сотен теле-и фотокамер всего мира, непременно вынуть из своего нутра, сказать так, чтобы услышали

все... Особенno Он, Доктор Смерть, где бы сейчас ни находился, в какой бы глубокой норе ни прятался...

— Я смогу, я должна, надо! — произнесла она еле слышно одними губами, сказала самой себе и продолжила свою обвинительную речь.

И в этот момент Химке, не отрывая взгляда от телевизора и боясь того, что раскатом грома прозвучит ЕГО ИМЯ из её уст, всем своим нехильм телом, с отросшим пивным животом, вжался в кресло, превратившись в маленького затравленного зверя, припёртого к стенке. И ждал, ждал... Вот сейчас, вот именно сейчас эта девчонка произнесёт его имя. И тогда... И тогда его найдут, достанут из-под земли, бесцеремонно схватят и, не дав передохнуть, совершат над ним правосудие. И даже маяк, это спасительное пристанище, на котором ему так легко отгораживаться от всего сумасшедшего мира, не поможет ему.

....Прощаю, потому что..., — продолжила говорить уже не неизвестная Химке взрослая женщина с твёрдым взглядом стальных серых глаз, а та, тринадцатилетняя девчонка, какой её запомнил он, Доктор Смерть, и чётко продолжал видеть сейчас только её. — ...однажды сказала себе: «Инге, невозможно тратить свою единственную драгоценную жизнь на ненависть к своим врагам! Я не хочу больше так жить! Я хочу освободиться от тяжёлого груза воспоминаний и начать жизнь с чистого листа! И в этой моей новой жизни не будет места ни скверным людям, ни плохим мыслям, ни чудовищным воспоминаниям.

Пока она говорила, тупая и невыносимая боль хитрой змеей заползала в мозг Химке, постепенно заполняла собой

всё пространство в нём, заставляя вены на лбу увеличиваться и вздыматься.

—.... Пусть содеянное нацистами судит не земной суд, а Божий! Мы все в руках Господа, всех нас он видит оттуда, и каждый из нас, уходя в Вечность, получит по заслугам. В это я свято верю. Не может быть и не должно быть по-другому! — продолжала говорить Иона, и, казалось, ни конца, ни края её обвинительной речи не будет.

А в это время боль чувствовала себя полновластной хозяйкой в черепной коробке Химке: пульсировала каждой клеточкой мозга, окрашиваясь в ярко-красный цвет. Она росла, росла, росла и вдруг перестала помещаться в его голове. Ещё чуть-чуть и боль выползет наружу: разорвёт его барабанные перепонки и польётся из ушей, заполнит горло и хлынет изо рта, обойдёт носовые перегородки и начнёт стекать через ноздри... А он захлебнётся в этом беспрерывном алом потоке, задохнётся, за...

— Нет, нет, нет, не сейчас, не здесь, не надо! — Химке пытался крепко зажать уши руками, чтобы ни одно слово этой девчонки больше не прорывалось в его сознание. Но слова прорывались, звучали набатом в его ушах, в его воспалённом мозгу, отдавались нестерпимой нарастающей болью в левой стороне груди...

— Если я не прощу их, вершителей зла, я сама уподоблюсь им, перейду на их сторону, сторону зла. Сегодня я, Иона Штайлер, прощаю нацистов и призываю всех вас, людей разных национальностей, рас, вероисповеданий, всех, кто пострадал от фашистского режима, сделать то же самое вместе со мной, снять с себя грех возмездия. Не переходите опасной черты, не становитесь на сторону зла! Я прощаю

нацистов ради мира на земле, ради счастливого будущего последующих поколений. Пусть суд Божий воздаст им сполна за все их земные прегрешения! Да будет так! Аминь.

Договорив, Иона Штайлер ещё раз пристально посмотрела в объектив камеры, словно заглянула в самую глубь души нациста Химке, если та у него, конечно, была. Не одному ему в душу. Сейчас на неё, бывшую заключённую концлагеря Заксенхаузен смотрели, внимая каждому слову те, кто всё-таки смог избежать правосудия, те, кто успел уехать из поверженной Германии за океан, кому удалось укрыться от возмездия в других странах.

Одним рывком он заставил себя подняться с кресла, медленно, опираясь о стены, выползти на свежий воздух, судорожно схватился за железные ограждения на смотровой площадке маяка, опустил голову, успев увидеть, как внизу шумит ночной прибой, солёные брызги которого стремились, но не достигали той высоты, где стоял он, Химке, бывший лагерный доктор. «Как жжёт в груди!» – едва подумал он, и в тот же миг всё его существо пронзила острая боль, границ которой, казалось, не было совсем. Он слабо вскрикнул и, перегнувшись через ограждения, всей своей массой рухнул с большой высоты в океан. Воды океана сомкнулись над ним, бескомпромиссно приняв эту жертву, поглотили её целиком... Словно сама Земля с содроганием сбросила с себя чудовище, принёсшее неисчислимые страдания тысячам ни в чём неповинных людей.

(Россия)

Дмитрий Воронин, 63 года, родился в 1961 г. в г. Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России. Автор четырех книг прозы. Лауреат многих премий.

Заруська

За уютным столиком летнего кафе на старой могилёвской улице сидели два пенсионера и тихо беседовали.

— А помнишь, Паша, девчушку такую смешную, что прибилась к нам в тумане за сутки перед тем, как мы на тутошней окраине окопались? Маманя у неё где-то в отступлении при бомбёжке потерялась, а папаша вроде как тоже воевал. Сама росточка маленьского, худенькая и косички в разные стороны, а в них ленточки то ли синие, то ли зелёные, не помню уже, вплетены.

— Красные, Семён, красные.

— Может, и красные. Нос задран и весь в веснушках, да и имя такое странное, на Маруську схожее.

— Заруська.

— Во-во, Заруська, она самая, — засмеялся Семён. — Заруська-беларуська. Мы её еще все пытали, какой она национальности. А она все хохлилась да так удивлённо выговаривала: «Ну что ж вы глупые-то такие! Беларуська я, кто ж еще?». А мы смеялись: «Так вроде нет таких имён среди белорусов». А она в ответ с возмущением: «Ну как так нет, если вот она я, Заруська!» — «А может, всё же Дуська? Спутала ты?». — «Сами вы Дуськи, — обижалась. — Ну как спутала, коли мамка так звала и тянька. Совсем уж вы глупые!».

— Да, было дело, — улыбнулся Павел.

— А ведь ей сколько было-то тогда, лет тринадцать-четырнадцать? Интересно, какая она теперь, Заруська эта?

— Какая? — посупровел взглядом Павел. — А такая же. Ни-чуть не изменилась.

— Это как так?

— А вот так. Слушай, — закурил папиросу старик. — Как немец-то на Могилёв двинул, тебя вроде в тот же день подра-нило, так?

— Так, — согласно кивнул Семён, — в правое плечо. Оч-нулся в госпитале дня через три.

— Свездо тебе. Днём-другим позже — всё, захлопнулась бы калиточка, и мышь не проскочила бы. Взял в кольцо нас немец, плотно взял.

— Знаю, — погрустнел товарищ. — Как сам выбрался-то?

— А вот об том и речь, — примял первую папиросу старый солдат и закурил вторую. — Сколько раз на прорыв пытались чуть ни всей дивизией, и все без пользы, только смертей полнё-хонько. И тогда приказ вышел — прорываться малыми группами. Нас ротный собрал, кто остался, человек двадцать, да с дру-гой роты столько же, ну и двинули в ночь. А утром, когда до очередного леса десять шагов осталось, на нас немцы и выка-тили. А, может, мы на них сдуру нарвались, без разведки ведь шли, всё на глазок да на авось. В общем, плохо дело приключи-лось. Немцев-то не так уж и много чтобы, но ведь у каждого автомата, да ещё с танком впереди. А у нас что? Окромя винто-вок да гранат эрпэгэшных и нет ничего. Так с гранатой еще до танка добежать надо, а кто ж позволит-то? Вмиг на гашетку — и всё, аллес капут. Залегли в поле в траву, ждём. А чего? Смерти, наверное. И тут глядь, Заруська наша встала в полный рост и к

немцам пошла. Не побежала, нет, а так, спокойно пошла. Идет и руку вверх подняла.

— Сдаваться, что ль? — ахнул Семён.

— Да слушай ты, — рассердился Павел. — Какой сдаваться? Одну руку подняла, вторую, полусогнув, на пояске держит. Идёт так и ладонью помахивает из стороны в сторону, ну вроде как то ли приветствует немцев, то ли останавливает. Немцы и остановились. Ждут, смотрят на неё удивлённо. Им, видать, как и нам, непонятно стало, что происходит. Заруська-то издали ребёнок ребёнком. Вот так она почти в полной тишине до них и дошла. Мы молчим, не понимаем, они молчат, не понимают, и только мотор у танка работает. И вот когда до него пара-тройка метров осталась, Заруська руки опустила и тут же правую снова подняла, но уже с гранатой.

— Как так? — поразился Семён.

— А так! Сами обалдели, — нервно затушил папиросу Павел. — В этот-то момент наш ротный да как заорёт таким голосом, вроде как удивлённым и упреждающим, мол, что ты, зачем: «Зару-у-ська-а!». И тут же взрыв, да такой — башню от танка напрочь, словно косой по траве на утренней зорьке. Немцев вокруг всех разметало, как осеннюю листву ветром. Куда уж она умудрилась попасть той гранатой, совсем уж непонятно, чтобы вот так, как былинку, башню смело.

— Да быть такого не может, чтобы от гранаты какой-то и машина такую снести! — присвистнул Семён.

— Конечно, не может. А вот снесло. У нас у всех от невидали такой глаза на лоб повылазили да волосы дыбом встали. И вот тут-то началось, тут-то с нами что-то и вышло. Поднялись мы с земли как один, без всякой команды, да с какими-то дикими, пожалуй, звериными криками — и вперёд. Кто орёт: «За

Руську!», кто: «За Русь!», кто: «За Белоруску!», кто: «За Беларусь!». В миг до немцев доскочили, а они, как чумные, будто из ваты, без всякой воли оказались. Смяли мы их и ушли...

Павел замолчал.

— А как же Заруська? — осторожно прервал затянувшееся молчание однополчанина Семён.

— Погибла, конечно, — тяжело вздохнул Павел. — Взрывом какой был, мы ведь её так и не нашли. Но имя-то, имя — Заруська! Как оно на нас, у-ух! И сегодня мураски по телу. Вышли мы из окружения, и пока нас особисты проверяли, всё про танк да про девчонку нашу героическую говорили. Каждый день к ней разговорами возвращались. И про то, как она к нам нежданно прибилась, и про то, как ушла от нас. Ведь ничего-шеньки не нашли, даже ленточек тех самых, красных, такой плотный туман вдруг после нашей атаки всё кругом окутал. И про имя её необычное всё догадки строили: а как полностью? Никто же не спросил у неё, как по метрике величать. А что, если б просто Маруськой девчонку звали, встали бы мы, совладали с немцем? И ещё один факт, хошь верь, хошь нет. Узнавал я после войны судьбу тех, кто тогда со мной из окружения вышел. Так вот, ни один не погиб, все домой целыми вернулись, будто всем нам Заруська ангелом-хранителем оказалась, а может, и вся Русь вместе с ней.

(Россия)

Юрий Москаленко, Почётный член Международной Литературной Ассоциации «Творческая Трибуна». Российский писатель, поэт и драматург, живет в Калининграде. Автор 6 поэтических сборников, повестей, мюзиклов и 4 современных романов.

Михайлов день

Солнце падает на хвоинки сосен, запутывается в них, словно зеркальный карп в сетке-путанке, и медленно опускается дальше, приподнимаясь над кромкой горизонта где-то в другом полушарии. Там, где влюблённые встречают рассвет. Почему-то считается, что наше светило с трудом пробивает себе дорогу в лохмотьях туч. Но это не так. Они – декорации, которые солнце со своей высоты не замечает. Как и сосны. И тучи, и деревья к нам ближе. То-то и делов. В Михайлов день зима вступает в свои права, а медведи идут в спячку. Так говорят старые люди. А ещё напоминают, что праздник нужно встретить в изобилии – осенних припасов много, так что можно себя побаловать: и хлебцем, и сытной овсяной кашей, и борщом.

Степанида горько вздыхает... Пятеро её детей с Макеем редко чувствуют себя счастливыми. На лесном хуторе, конечно, раздолье: воздух всегда свеж, наполнен кислородом по самые лёгкие, каждая травинка, пичужья трель, хрусткий огурец в пупырышках с грядки – все это наполняет душу радостью. Но жизнь круто повернулась, когда Макей ушел

на войну. На очень непонятную. Какое дело здесь, в лесах Смоленщины, до этих непонятных финнов, которых Степанида и в глаза не видела...

Юная еще женщина, которой едва-едва за тридцать, нутром понимает, что война, смерти, слезы, плач, потери не нужны ни русским, ни финским бабам. Их предназначение давать новые жизни, заботиться о детях, делиться всем, что имеешь и умеешь.

...Они с Макеем мечтали о дочке, о няньке. А родился сын, Тимоха. Краснолицый, голосистый, что молодой кочет, старающийся перекричать старого петуха. В чём-то Тимоха и напоминает шустрого кочета: юркий, вечно гомонящийся, непоседа, каких сыскать. Он, чуть повзрослев, старается командовать младшими. И они никогда не спорят: мать вечно занята, а старший брат всегда рядом, следит за тем, чтобы малыши никуда ни сунулись, не поранились. И только год спустя после первенца на свет появилась Машута. И не пойми, кто кого нянчил?

Сейчас любой день, как в тумане. И не в поздней осени дело – на Макея ещё в середине февраля пришла похоронка. Пал смертью храбрых. А ей Степаниде, какая разница? Остался героем или просто погиб. На их нешибко широкой супружеской кровати с Макеем вечно копошатся пятеро ребят. Младших, она, как квочка, старается на ночь подгрести под «крыло», чтобы не озябли, а Тимоха с Машутой вечно воюют за пространство. Каждому хочется спать у стенки, но она одна, а их двое. Поэтому в их постоянную возню приходится вмешиваться матери...

Михайлов день – это и день рождение Машуты

Она уже почти взрослая – ей 10 лет. Оглянуться не успеешь, как заневестится. То-то Тимоха обрадуется, когда его вечный раздражитель «съедет со двора» ... А вот и она, легка на помине. Залетает, словно шумный ветер в верхушках деревьев. Гулко задвигает на двери массивную доску-засов. И сразу к матери:

– Там у нас, – громко выдыхает она и с шипением втягивает очередную порцию воздуха в легкие. Потом, почти без перерыва, продолжает, – огромный паучище. Ползёт к нам. Через минуту здесь будет. Мамочка, не открывай...

– Глупая ты, – улыбается Степанида, – таких гигантских пауков не бывает. Померещилось.

– Да уж, – возражает дочь. – Не бывает. Сама видела. Станный такой. Весь мохнатый, а лапы разные. Передние светлые, а задние – тёмные.

– А как же Тимоха? Он же где-то на дворе. Сожрёт его твоё чудище...

И тут же раздаётся какой-то тревожно-утробный вопль мальчишки. Машута, отталкивая мать, снова бросается к двери и хватается за засов. Но силёнок у неё маловато. Подскочившая родительница рвёт на себя деревяшку, сбивая в кровь ногти. Но после вопля из-за двери раздается членораздельный крик:

– Папка!

Степанида распахивает дверь и видит на фоне сгущающихся сумерек два силуэта: один побольше, другой – поменьше...

– Тише, шалый, с ног собьёшь!

У молодой женщины подкашиваются ноги. Она прислоняется к косяку. Сбоку орёт на всех парах неугомонная

Машута, распугивая задремавших воробьёв счастливым вскриком!

— Макей, — шепчет Степанида, ещё не веря своему счастью, — живой...

Спустя несколько минут, умывшийся с дороги, отец, весело тискает малышню, а Машута сорокой скачет вокруг него и стрекочет в ухо:

— Ты самый дорогой мой подарок на день рождения! Дай я тебя поцелую. Ну пустите же, мелюзга!

А потом, после ужина, Тимоха с Машутой даже не протестуют против того, что их отправляют спать на лавку валетом. Они даже не брыкаются ногами, не хотят больнее ударить друг друга. Жадно ловят шепот родителей. Слышно далеко не всё, но улавливают главное — у отца открытая рана головы, долго был без сознания, поэтому и похоронку послали. Но сейчас всё будет хорошо... Дети радостно затихают, впереди — счастливая жизнь...

Следующие полгода не описать словами. Отец старается помочь по хозяйству, хотя и слаб. Но однажды утром Тимоха под большим секретом шепчет сестре: «Сегодня мамка призналась отцу, что стала тяжёлой. Стало быть, к осени, у нас кто-то ещё появится...» И оба засыпают в предвкушении радости...

Осень всё ставит с ног на голову. Сначала самолёты с чёрными крестами бомбят Смоленск. Потом женщины отправляются рыть окопы. Однажды Степанида берёт с собой Машуту, роды, возможно, будут преждевременными из-за волнений, глядишь, дочь успеет кого-то позвать.

— Мама говорит, что будет мальчик, — доверительно сообщает сестра брату. — Она рассказала тёте Ане. Вроде бы

у неё живот выпирает по-мальчишечьи. То ли кругло, то ли остро, я в этом не понимаю...

Они ждут братика. Но в это время налёты фашистов становятся интенсивнее. Гул канонады сменяется сухим треском автоматных очередей. Бои в воздухе прекращаются. Не хочется в это верить, но, наверное, на их земле орудуют фашисты. Хутор, затерянный в лесах, из дальней дали превращается в спасение. Гитлеровцы опасаются партизан. Не суются...

Михайлов день. 1941 год. Воздух взрываются сухим треском. То ли канонада, то ли хрупкие заиндевевшие ветки звонко ломаются под ногами на ноябрьском морозце. Сегодня очередь Машуты собирать хворост. Даже несмотря на день рождения. Она вносит в избу небольшую охапку и осматривается. Мама суетится возле печки, отец прилёг на кровать. У него ещё в сентябре на голове открылась старая рана. Перетрудился. Рано почувствовал себя готовым к трудовым подвигам. В новолуние и полнолуние ему приходится особенно тяжко...

– Как ты, Макей? – реагирует на слабый стон Степанида.

И вдруг облапливает вздувшийся живот натруженными ладонями и быстро выбегает из избы.

– Рожает? – задаёт бестактный вопрос Тимоха

– Может быть, – пожимает худеньким плечиком Машута и забрасывает в полуживое чрево печки сухой хворост. Он вспыхивает, языки пламени становятся ярче, но тепло чуть прогреет избу минут через пять-семь. А пока Машута опускает высохшую тряпичку в ковшик с ледяной

водой и, наскоро отжав, бережно укладывает её на лоб отцу. Авось, полегчает...

... Степанида продвигается по двору не спеша, старается не зацепиться за коряги, чтобы не упасть.

Потом, хватаясь за стволы сосёнок, бредёт, как пьяная, на лесную опушку, метрах в пятистах от избёнки. Здесь они с лета вырыли окоп, где можно спрятаться от разрывов бомб.

Время тянется вечностью. Она чуть ли не падает в углубление земли и тут же теряет сознание.

... Возвращает её к жизни тонкий писк младенца...

Степанида зубами перегрызает пуповину, бережно поднимает ребёнка, видит, как он тужится для очередного крика, похожего на скрип половицы

– Господи, прости меня грешную, – она едва шевелит полумёртвыми губами. – И так у нас уже пятеро ребят, муж больной. Прокормлю ли?

Новорожденный затихает, словно ожидая решения. Это мальчик. Лицо его синеет, писк постепенно слабеет.

– Прости меня грешную, – вздыхает роженица.

Снимает всю в прорехах душегрейку. Укутывает сына.

Последний раз смотрит на него, бережно кладёт на дно окопа. Вскакивает на бруствер. И убегает, пока малыш в очередной раз не напомнил о себе...

До избы бредёт медленно. Полегчало ли, избавившись от бремени? Или стало тяжелее? Время от времени останавливается. То прислушиваясь к малейшему звуку, то стирая тыльной стороной ладони горькую слезу. Он вроде бы затих, не подаёт голоса. И она не оборачивается. И только ввалившись в избу, прислонившись к печке, начинает плакать... К ней тут же подскакивает Тимоха.

– Мама, а Вася где?!

– Какой ещё Вася? – его голос добирается в сознание через пелену...

– Братик наш, – подступает с другого бока Машута.

– Ты же убегала с большим животом, а вернулась с пустым. Значит родила?

– Отстаньте от меня, – слабо отмахивается Степанида и тут же проваливается в забытье...

Макей из последних сил приподнимается на кровати.

– Идите. Ищите, – два слова Тимохе с Машутой.

Они высекают. А он ползёт по полу. Как тот огромный паучище. Надо успеть. Вернуть в сознание жену...

Дети, пройдя с десяток метров, решают идти разными дорогами. Разделиться. Чтобы было больше шансов. Найти братика. Спустя почти час они почти одновременно встречаются возле окопа, о нём они подумали в последнюю очередь. Видят какой-то ком.

...Машута открывает дверь в избу. Пропускает Тимоху со свёртком. Степанида уже бережно уложена в постель, её дыхание ровно, родильная горячка вроде бы не страшна. Васю брат с сестрой укутывают в своё одеяло. Малыш тоже вроде бы успокаивается...

Михайлов день. 1943 год. Гитлеровцы уже выбиты с родной земли. Канонада отступила. Батя окончательно слёг с весны, и так и не поднялся. В аккурат перед днём своего возвращения перестал дышать. Вася ещё до этого тяжело заболел. Судя по всему, круп. Шансов никаких. Степанида осталась с ним. Верит до последнего. Повзрослевшая именинница Машута по буеракам медленно везет на санках домовину, в которой лежит отец. До поселкового кладбища километров семь.

Тимоха ей не помощник. Несколько месяцев назад он с остальными подростками посёлка был угнан в Германию. Что с ним? Вернётся ли? Пропадёт?

Машута время от времени худеньким плечиком подталкивает застрявшие в выбоинах сани. Путь не близкий. А у нее в кармане лежит одна— единственная потрепанная книжка. Сказки Льва Николаевича Толстого. Детям. Когда-то Машута их очень любила. Теперь бы выменять на горбушку хлеба. Поддержать маму, Васю, мелюзгу. Мама совсем уже отцвела от горя. Сначала Тимоха, потом болезнь Васи, теперь – отец.

Главная кормилица в семье со вчерашнего дня 13-летняя Машута. Вот только папу похоронит...

Медведи идут в свои берлоги, надеясь проснуться яркой весной 1944-года. Может быть, к тому времени война закончится. Хотя в это верится с трудом...

(Израиль)

Юрий Табачников Родился во Львове. Академик МАРЛИ (Международная академия развития литературы и искусства), член Союза русскоязычных писателей Северной Америки, Международной актерской ассоциации ЭМИ, драматургической лаборатории при СТД. Член корреспондент МАРС (Австралия) С 1991 года в Израиле.

Рахель

Неимоверно болело тело. С трудом, словно крот, проковыривая сантиметр за сантиметром рыхлую землю, Аарон медленно пробивался наружу сквозь обвивающие, как цепкие лианы жуткого дерева, мёртвые тела. Шаг за шагом. Наконец, смог судорожно, до боли в лёгких, глотнуть немного воздуха и приоткрыть запорошенные землёй глаза, продолжать своё восхождение из небытия. Вверх, медленно, но с упорством не разума или логики, а одним лишь дико заложенным каждым живым существом инстинктом – жить. Наконец, и ночное небо, размазанная луна и тысячи мерцающих звёзд, расплываясь, отрылись ему в своей нереальной жизненности и заставили судорожно ползти вверх, цепляясь за тела, клочки выступающих корней, напрягая последние силы переползти через край оврага. Он выполз. Выполз из недр Ада. Минут пять лежал и бессмысленно смотрел в небо. Такое красивое, и такое бездушно отстранённое в своём безразличии к живущим под ним. Затем, пошатываясь, встал и побрёл вглубь чернеющего неподалёку леса. Куда?

Зачем? Он не думал, не знал, просто, спотыкаясь, шёл, влекомый инстинктом, прочь. В никуда. Всё дальше и дальше, глубже и глубже в густые дебри.

Поезд, стучал колёсами, трясясь на ухабах, обволакивая густым смогом, увозил его. Но разве может он увезти прочь от памяти? От неё не сбежать, не скрыться даже в себе самом. Она нагоняет и настойчиво требует впустить, разрывая мозг, разъедая душу.

Калоши. Старые резиновые калоши. На которые многие смотрят со снисходительной ухмылкой, как на пережиток. Аарон стеснялся надевать их в слякоть и лишь в небольшой двор надевал, как домашние, вернее «уличные» тапки. Эти неказистые резиновые калоши, как он затем понял, спасли ему жизнь. Зачем? Он этого не понимал, не хотел принять. Теперь понял, зачем Судьба или сам Бог дали ему такой шанс. Понял. Когда в Польшу вошли немцы, он с женой и маленькой дочерью Рахэль бежали на восток. Сначала Советы впускали беженцев. Поселились у дальних родственников в небольшом смешанном местечке, где церковь и синагога, много лет уживаясь друг с другом, стояли почти рядом недалеко от небольшого майдана, местной площади с её шумом в праздники и выходные дни. Сжимается сердце. Пронзает тысячами игл воспалённый мозг. Но он должен. Он, не имеет сейчас особенно, права на слабость. Теперь не имеет.

За пыльным окном поезда проплывали унылые пейзажи, редкие глинобитные домики, гордо проплывали и оставались в мареве одиночные верблюды, да сорванные кусты верблюжьей колючки иногда, сорвавшись, летели навстречу рычащему поезду. Редкие полустанки, вдруг возникающие

ниоткуда с пёстрой, разноликой толпой на почти условном перроне. Медленно тащится поезд. Стремительно проносится жизнь.

Но вот и в их мирное местечко докатилась война. Утром толпа полицаев под хохот немногочисленных смеющихся немцев ворвалась в их дом. Под крики и ругань погнали на местный майдан, маленькую местечковую площадь. Аарон только и успел сунуть ноги в эти резиновые калоши и схватить на руки испуганную Рахэль. Жена в ночной сорочке испуганно бежала рядом, цепляясь за плечо мужа. Шум выбрасываемых из домов людей заполнял всё, казалось пространство. Ярко светило утреннее солнце.

Стоит только прикрыть глаза, все детали вновь и вновь отчётливо в своей зловещей отчётиности возникали из небытия, сжимались до скрежета зубы. Но слёзы давно иссохли, ушли. Даже они, казалось, забыли о нём.

Их погнали к большому рву на окраине леса, где они с женой и кудрявой, всегда улыбающейся Рахэлькой любили часто проводить субботнее время. Но в тот день птицы молчали, вороны и те улетели прочь. Только люди не могут ни улететь, ни зарыться в землю. Им это не дано.

Поезд медленно, но всё же продолжает движение. Едет и едет. Казалось бы, в будущее, а мысли возвращаются в прошлое. Наверное, так и должно быть. Ведь будущее неразрывно связано с прошлым. Даже с таким, которое хочется и нельзя забыть. Которое не имеем права забыть.

Перед оврагом беспорядочная толпа остановилась. Металлический настил с множеством электропроводов стоял прямо на краю оврага, вёл к самому краю. Обезумевших людей погнали к нему, и они от подключённого высокого

тока стали валиться на дно оврага. Тех, кто пытался разбегаться, догоняли пули. Словно гигантская скотобойня вдруг из самих глубин Ада, пожирала и пожирала людей. А солнце ярко светило, и ему было всё равно, что Апокалипсис уже спустился на землю. Ему было всё равно. Вот упала в пожирающую бездну жена, а он лишь крепче прижал к себе дочь, которая дрожала все своим маленьким тельцем, прижимаясь к нему. И... удар тока окунул его в небытие. А когда очнулся, судорожно пытался отыскать руками среди мёртвых тел свою маленькую Рахэль, звать её осипшим голосом. Но лишь тишина, ни звука не раздавалось вокруг. Пока, как зловещая насмешка из глубин чернеющего леса, задорно не закуковала кукушка.

Кому она пророчит годы жизни? Кому?! Ни одна слезинка не показалась на его глазах. Сердце словно окаменело. Не прячясь, во весь рост побрёл вглубь леса. Вглубь самого себя. Ни мыслей, ни эмоций. Они придут позже. А пока под светом луны шёл, пошатываясь, седой, словно отстранённый от жизни, старик. В котором он вряд ли узнал бы самого себя. Мелькают унылые пейзажи за окном душного вагона. Проносится череда воспоминаний.

Он не помнил, сколько бродил по лесу, как выживал. Когда последние силы, казалось, вот-вот покинут его и дадут, наконец, долгожданное забвение, на него обессилившего наткнулись разведчики партизан и доставили в лагерь. Допрос длился недолго. Командир и партизаны, молча, выслушали его сбивчивый рассказ.

-Что, всех? – мрачно спросил командир.

-Всех, -Аарон молча опустил совершенно седую голову. Но и теперь ни одна слезинка не покатилась из глаз.

Заледенели слёзы.

– Вот что, – решил командир. – Толку он этого доходяги тут никакого, а рассказать людям об этом надо. Пусть гадов сильнее бьют. Верно, комиссар? Политически?

Тот молча кивнул. Так, значит. Скоро должен прилететь самолёт с грузом. Отправим его с ним. Пусть там, где надо, об этом узнают. Только вот побрить его и помыть бы.

– Нет, – Аарон словно очнулся. Нельзя брить. Траур это... по вере.

– Ты что, верующий? – спросил комиссар.

Городок за линией фронта. Придирчивый допрос осо-биста. Уточнение данных. Всё это проходило, как во сне. Липком, однообразном сне. Аарон отвечал бесстрастно, как бы со стороны, как из автомата, из которого вытряхнули душу. Получив какие-то бумаги, он плохо читал на рус-ском, но понял одно, его, как польского гражданина, совет-ское гражданство он получить не успел, его отправляют в Узбекистан, куда-то под город Коканд. Да ему, впрочем, было всё равно куда. Всё равно. И лишь на переполненном перроне, осаждающем редкие поезда толпой, зайдя в гряз-ный, заплёванный привокзальный туалет, мерзко пахнущий мочой и хлоркой, что-то пробило, сдавив грудь. Затем рез-кий, сиплый крик выплеснулся в пространство впервые за всё время скитаний. Неудержимо полились слёзы, которые, казалось, навсегда покинули его душу. Голова закружилась, и ослабли вдруг ноги, и он в изнеможении сполз прямо на загаженный пол.

– Что с ним? – спросил какой-то мужик. – Контужен-ный небось.

– А может припадочный.

Они выволокли Аарона на воздух.

– Нехай полежит малость, оклемается.

А поезд всё едет и едет, медленно наматывая километры дорог. Лизу, так звали его жену, он старался не вспоминать. Отгонял видения. Он боялся видений. Но почему—то её голубая газовая шаль всё время возникала из небытия его памяти и манящая его куда-то рука улыбающейся жены. Куда? За ней? Почему он выжил? Разве после всего он имеет право на жизнь?

Аарон смутно помнил свой путь на восток. Картины разбивались на мелкие осколки, как в детском калейдоскопе. Только не радостно-яркие, а серые, однообразные, не оставляющие эмоций. И вот он уже на заброшенном полустанке. Жара, скудный колючий кустарник. Лениво прохаживающие верблюды и крик ишаков.

– Ты, евакуированный? – прокопчённый стариk в когда-то цветном, вылинявшем на солнце халате с выступающими клоками ваты и засаленной тюбетейке тронул его за плечо. – Садись в телегу. Мне на тебе бумаг есть. Садись. К Фатима тебя отвезу.

За всю дорогу возница больше ничего не сказал. Только уныло, на одной казалось ноте, что-то тихо напевал, да пожёывал какие-то листья, то и дело сплёвывая зелёно-коричневую слону на пыльную разбитую колею. О чём он пел? Да кто его знает. Возле небольшого покосившегося строения остановил телегу.

– Вылезь. – Файма, – закричал он. Тебе евакуированный подселили.

— Давай, иди. Бумаг ей дай. Не дожидаясь хозяйки, взобрался на козлы своей управляемой двумя изморёнными ишаками, поехал дальше.

Подселили его к Фатиме, но и у той четверо детей и муж на фронте. Многие семьи, как могли, приютили у себя скитальцев. Домик из кизяка был мал, и его поселили в сарайчике. Да ему и всё равно. Благо, рядом протекал мутный арык, принося относительную прохладу, и тутовое дерево оттеняло нынешнее жильё Аарона. Фатима работала недалеко в прачечной, а Аарон, как мог, помогал по хозяйству. То воды из колонки принести для хозяйственных нужд, то сучьев принести. Сделает и уходит, молча, в свой угол. Не общаясь, не заводя знакомств, да и в дом к Фатиме не заходил. Молча сидел под деревом, погруженный в себя. Не замечая даже назойливую духоту, которая, впрочем, пошла на пользу его больным лёгких, из-за чего его и в армию не мобилизовали. Шумные дети Фатимы сначала надсмеялись над ним, но затем привыкли к странному замкнутому старику с лохматой седой бородой. Так жизнь и текла, пока однажды он не увидел, как хозяйка вынесла из дома потёртый скрипичный футляр.

— На базар что ли отнести?

Может кто-то и купит. Впервые за время проживания у Фатимы Аарон проявил заинтересованность. Медленно подойдя, неуверенно провёл рукой по крышке футляра, взглядом попросив разрешение открыть, аккуратно взял простую ученическую скрипку. Долго смотрел на неё. Нет, он не скрипач. У него иная профессия. Но не зря долгие годы по настоянию отца в Лодзи, как и многие еврейские дети, учился в музыкальной школе, которую, если откровен-

но, терпеть не мог. Но вот в его руках сначала неуверенно скрипка зазвучала. Фатима изумлённо опустилась на порог. А безалаберные, шумные дети застыли, раскрыв рты. Закончив играть, Аарон бережно сложил скрипку обратно в футляр и протянул Фатиме.

— Знаешь, не буду её продавать. Да и вряд ли её кто купит. Кому она сейчас нужна, когда еды мало. У меня до тебя люди из Ленинграда жили. У них мальчик на ней играл. Помер затем, рядом и схоронили. Мать с дочкой переехали, тяжело им тут оставаться было. Девочка лет пяти, тихая совсем. Рахэлька, молчит и молчит. Ох, время.

Аарон осталбенел.

— Когда? — наконец хрипло спросил он

— Ну, да.

— Знаю хозяйка. Учился когда-то.

— Я с чайханщиком Али поговорю, может там играть сможешь, или на свадьбе. Люди ведь и сейчас женятся. Не так, как раньше, конечно. А что? И копейка, какая-никакая, и плов или лагман. Сейчас не так, как раньше, но всё же. Так я поговорю?

— Фатима, — решился Аарон, — а можешь узнать, где эта семья живёт... девочка.

— Зачем это тебе?

— У меня родственники были, похоже... потерялись мы.

— Могу. У нас тут пригород почти, не Коканд, аул почти. Может и узнаю. А с чайханщиком говорить? Вот и хорошо. Ты лепёшку то возьми, а чай я сейчас поставлю. Сыграешь ещё.

Аарон в душном сне-забытьи видел свою Рахэль, её мягкие кудряшки золотили лучи солнца и теребил лёгкий ветерок. Вот они все трое идут по мощёной мостовой их родного города. Он боялся и отгонял эти сны, но они не отпускали, терзали, изматывали душу.

— Простите, простите меня! — кричал он им вслед. Возьмите меня! Но он сам, жена и дочь лишь улыбались, махали рукой и уходили всё дальше и дальше, а он так и не мог догнать ни их, ни самого себя.

Шли дни. Аарон стал играть в чайхане. Хоть не обуза для Фатимы. И вот дней через девять Фатима, заглянув в коморку Аарона, рассказала о своих бывших жильцах.

— Мама девочки тоже умерла. Детского дома у них нет. В Коканд везти некому, да и денег стоит. Хозяйка девочку пожалела и оставила у себя жить, хоть и своих у неё немало, да и старики родители. Но ведь не кошка, на улицу не выкинешь. А тебе она зачем? Ведь не родня, а?

И тут впервые за долгое время он медленно поведал хозяйке свою историю. Вот так и сидели они долгое время, молча, пока ранние восточные звёзды не простили на низко опущенном, резко почерневшем небе. Утирая обильно текущие, слёзы Фатима поднялась.

— Аллах велик. А горе ещё больше. Как там мой Мурад? Давно писем нет. Ты её забрать хочешь, эту сиротку? Но кто ты ей?

— Такой же сирота, — горько выдохнул Аарон

— Но что ты можешь ей дать, сам себя еле прокормить можешь? Чужая она тебе. Свою не вернёшь.

— Нет своих и чужих, — Аарон поднял свои измученные глаза, — все мы дети Бога... или Сатаны.

— Ой, молчи, — испуганно замахала руками Фатима. — Нельзя такое говорить. Аллах накажет.

— Что же он невиновных-то наказывает, Фатима? За какие грехи?

— Ты успокойся и больше так не говори. На всё его воля. Вот и Мурад мой вернётся. Это не ты, это горе твоё так говорит. И, если она пойдёт к тебе... я с хозяйкой поговорю, объясню, что дядя родной нашёлся. И с участковым нашим, Бахтияром, переговорю. Он, хоть и дальняя, но родня. А ты на дне рождении его сына, первенца бесплатно играть будешь. Сейчас многое можно. Такое в документах творится, туда-сюда. Кто жив, кто помер. Он сможет справку о родстве написать.

— Ты только узнай, я всё сделаю, Фатима.

— Но, — опять усомнилась Фатима, — справишься ли? Ты ведь старик, а она дитя малое. Вон и бородища, как у дервиша, напугаешь ребёнка. Да и седой весь. Как с ребёнком управишься? Сил-то хватит?

— Хватит, крепко, до боли в суставах сжав кулаки, произнёс Аарон. А — старик...так сорок четыре мне всего. Справлюсь.

— Ну, где мои четверо...я подмогу.

Чтобы опять не зареветь, быстро пошла в дом. А Аарон ещё долго сидел и смотрел в небо. Что он надеялся там увидеть и какой услышать ответ?

Прошло ещё немного времени.

— Я всё узнала, -сообщила Аарону Фатима. — Мама, как я говорила, померла. Голодно, да болела шибко. А у нас тут только фельдшер, да и то шибко пьющий. Куда дитё девать? Но Зульфия — женщина не злая, хоть и трудно ей. Я с

ней поговорила. Отдаст мне девочку, а документ справим. Трудно им с лишним ртом.

– Да и у тебя Фатима душ немало.

– Душа, она и есть душа, – вздохнула хозяйка. Как там мой Мурад? Может, где–то и ему Аллах поможет. Но у меня к тебе условие одно. Бороду эту страшную сбрай.

– Траур это.

– Траур в сердце, а жить не живя – грех. Дитё тебя испугается. Джин прямо какой–то. Постригись на базаре. Смотреть страшно. И не спорь. Иначе не поведу к ней. Решай. Завтра Хасан на базаре тебя пострижёт и побреет, сорочку мужнину тебе отдам. Кураги немного возьмём. Ребёнку. Как с пустыми руками?

Жизнь, странная штука. Чудеса в ней перемешаны с утратой и болью. Добро со злом. Ненависть с бесконечной любовью. Она ставит вопросы, на которые сложно, а порой и невозможно ответить. Жизнь. Что же ты такое, жизнь? Под скрежет колёс, заунывную или разухабистую пьяную песню мелькали чужие пейзажи чужой, да нет, уже и его судьбы. Едкий дым паровоза, курящих попутчиков, запах въевшегося пота и мазута, не мешали Аарону, не отвлекали память, где прошлое и настоящее было неразрывно, как воскресшая вера и надежда, которые больше никто, никогда, не посмеет отобрать у него.

Вряд ли кто узнал бы сейчас в нём того нелепого неопрятного старика, играющего на скрипке в местной чайхане. Исчезли дикая борода и длинные, спутанные космы волос. Страх и надежда вели его рядом с Фаридой. Пройдя по пыльной, узкой улочке, заваленной кучами мусора, подошли к небольшой изгороди. На валяющемся обрубке суч-

коватого дерева сидела девочка лет пяти с массой косичек, выбивающихся из-под большой потрёпанной тюбетейки. Огромные синие, как у его дочери, глаза с недетской глубиной смотрели на Аарона. Глаза Рахэль, его Рахэль.

– Дядя, – смузённо протянула ручонку девочка. – у тебя хлебушка нет?

Аарон молчал. Ком застыл в горле.

– А крошечка?

Он молча протянул ребёнку кулёчек с курагой.

– Рахмат, дядя. – девочка молча обняла чумазыми ручонками склонившегося к ней Аарона.

Тут и Фатима всхлипнула, не стирая бегущие по смуглым щекам слёзы. И только безжалостное южное солнце всё жарило и жарило с небес, не замечая ни зла, ни добра, творимого на земле. Так они и стали жить вместе. Как? Как и все в то непростое время. Справлялись. Рахэль постепенно привыкала к Аарону, а он, о чудо, перестал видеть сны, ставшие его кошмаром. Так они и спасали друг-друга. Две одинокие звезды. Две сохранённые несмотря ни на что жизни. И всё чаще сквозь боль в его глазах появлялась улыбка. Улыбка того, довоенного Аарона.

Прошло время. Удивительно быстро оно проходит, хотя порой один день, кажется, тянется вечность. Но и он. Этот «вечный» день уходит в прошлое. Фатима выполнила обещание. Аарона записали отцом девочки. В те времена, в хаосе событий и документов, особой сложности не возникло. Сколько их, разбросанных, потерянных бродило дорогами войны. Кто их считал? Кто вёл строгий учёт? Девочка постепенно привыкала к Аарону, да и он сам, казалось, очнулся, вышел из оцепенения ради похожей, нет, не похо-

жей, а его Рахэль. Ради которой он будет теперь жить. Обретёт смысл, веру, надежду. Вечерами, сидя рядом с засыпающей девочкой, его глаза за долгое время наполняла доброта и любовь.

Закончилась, наконец, и война. Вскоре пришла директива польских граждан отправлять на родину. Аарон так и не успел получить советское гражданство. Впрочем, и не стремился. Плыл просто по течению обстоятельств. Вот и муж Фатимы вернулся. Слава Богу, живой, а что одной ноги нет ниже колена, то это ничего. Руки, главное, на месте. Настала пора и Аарону собираться в дорогу.

На станцию их пошли провожать плачущая Фатима с мужем, а чайханщик Али принёс корзинку свежих лепёшек и иной снеди.

– Жаль, уезжаешь. Ты душевно играл. Так душевно. Прости, если что. Все мы перед бедой у Аллаха едины. Не забывай нас. Он крепко обнял Аарона.

– Помни нас, – Фатима обняла девочку, затем Аарона.
– Не забывай.

– Да разве я смогу вас забыть. Родные мои. Не забуду, и Рахэль не забудет. Никогда.

– Да, скрипку возьми. Встрепенулась Файма. – Нам она ни к чему, а тебя прокормила, может и ещё пригодится. Возьми, возьми.

– Папа, пойдём. – Рахэль в первый раз его так назвала.

– Пойдём, дочка. Много дорог перед нами и на одной из них мы непременно будем счастливы. Найдём место, где обязательно будем счастливы, верь мне.

Рахель доверчиво прижалась к нему. Он не бросит её, не предаст. Главное, найти то место, где есть это счастье.

Медленно отдалялся поезд. Ещё медленнее отступала, отдаляясь, скорбь. Очень медленно. Но жизнь сильнее боли. Побеждая смерть, возрождают в нас желание преодолеть всё, что готовит незрячая судьба. Важны только высшая вера в доброту и любовь, которые и противостоят всему злу на земле. И только жаркий азиатский ветер гнал им в след горсти раскалённого песка, да шары «верблюжьей» колючки провожали уходящий состав на Запад. И если Бог — это любовь, то всё у наших героев обязательно сбудется. Я в это верю.

(Тирасполь)

Наталья Елфутина. Образование высшее – университетское. Первый рассказ написала в 1986 году. Первая книга "Удивительная страна, в которой всем есть место" вышла в 2023г.

Пасха 1943 года

Эта реальная история передается в моей семье из поколения в поколение. Мой дед родом из маленькой белорусской деревни, затерянной среди березовых лесов и живописных озер. Во время войны он был на фронте, а его мама, моя прабабушка Меланья с его маленькими братьями находилась в оккупированной фашистами Белоруссией. Она и рассказала ему эту историю.

Конец апреля 1943 года выдался холодным, дождливым и голодным. Прабабушка с маленькими сыновьями ютилась в небольшом сарайчике. Ночами она молилась возле иконы, которую успела вынести, когда фашисты заняли хату, а её с малышами выгнали в сарай. Молилась и благодарила Бога, что остались живы. В соседних деревнях фашисты жгли людей. Стариков, женщин, детей сгоняли в большой амбар и сжигали заживо. Слышала, что горели Хотыничи, Вяды, Затишье, Борисовка, Кевличи, Суховежа... Белорусских деревень, в которых людей сожгли заживо, было шестьсот восемьдесят шесть.

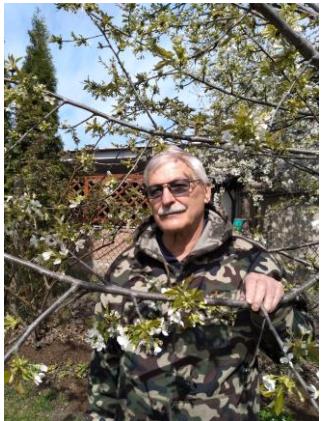
Меланья молилась и смотрела на спящих детишек. Младшенький Ванюшка совсем слаб: белые волосики, голубые, как васильки глаза, худенькие ручки, бледная кожа, видно каждую венку.

Всплакнула и снова молилась, кланялась иконе Богородицы, просила защитить своих маленьких детей, сохранить мужа и старшего сына, воевавших на фронте. Потом села на пол и задумалась: «А ведь скоро праздник великий – Пасха. Вот бы как раньше: напечь куличей, яички покрасить, порадовать деток». Так и уснула, сидя у иконы. А во сне пришла к ней Богородица и принесла красное яйцо. Бабушка Меланья рассказывала, что проснулась с огромной радостью в сердце. И решила, что обязательно встретит Пасху с куличиками, что пойдет, как в мирное время, на ночной праздничный молебен в храм. Хоть и разрушили его фашисты, только стены остались, но место святое, намоленное, древний храм. Ходила она по двору и всё думала: «Вот только где яйца взять да муки?». Но посмотрев на икону, вдруг поняла, что поможет ей Царица Небесная. И случилось чудо! Дети нашли в камышах у озера гнездо дикой утки, в которое она отложила недавно яйца, и принесли их домой. Меланья из травы-лебеды смолола муку, замесила тесто и бросила в него горсть ягод, что собрала осенью в лесу. А ночью, в самодельной печке, что сделал старичок-сосед, испекла куличики. И такие они славные получились, будто из пшеничной муки высшего сорта. «Так Матушка Богородица постаралась». – объяснила бабушка. Угостили и соседских детей. А два яйца сварила и покрасила соком свеклы в красный цвет. Одно яйцо оставил на Пасху, а второе она завернула в чистое белое полотенце и ночью пошла в храм. Мать земная несла Матери небесной и ее сыну Христу подарок. До утра стояла бабушка на коленях, на острых осколках кирпичей разрушенных стен храма и молилась, прося мира. Молилась и верила, что услышит ее Великая

Небесная Защитница и поможет. А утром, когда первые лучи солнышка, осветили храм, лики святых на фресках, сохранившихся стен, сияли, будто сами излучали неземной свет.

Меланья встала, поклонилась и сказала: «Воскрес Твой Сын, Богородица. Христос воскрес! Воистину воскрес!»

(Кишинёв)

Николай Еленин. Родился 17 февраля 1950 г. в городе Кишиневе. Окончил Одесский институт ОТИХП (Академия холода) в 1977 году. Автор 7 романов, 2 сборников рассказов. Заведует отделением прозы Союза писателей Молдовы имени А.С. Пушкина, является главным редактором альманаха «Триумф короткого рассказа». Лауреат международных премий: Лучший очерк года 2013 (журнал «Наше поколение»), «Книга года» 2017, Республиканской Есенинской премии 2017 года, премии «Журналистов и писателей Одессы» 2017 года, конкурса «Украинская мова – мова єднання» 2018 года, конкурса в честь «100-летия Польской конституции» 2018 года, финалист Всероссийского конкурса «Большой финал» 2018 года., победитель конкурса «Золотой Паркер» 2019 года.

Ирмина

В те далекие «советские времена», меня, молодого специалиста, руководство завода, на котором я работал, решило направить в командировку на один из смежных заводов в Варшаве. Считалось, что работники соцлагеря должны и обязаны общаться между собой не только в производственной сфере, но и просто, как люди одной социальной системы. Прибыв на предприятие, я понял, что нового тут ничего не увижу, так как эту технологию, которые они пытались нам передать, мы давно уже внедрили на своем заводе.

– Николай, я вижу, что тебе многое из того, что мы здесь делаем, давно известно!? – недовольным тоном произнес мой наставник.

Я не ответил, не хотел обижать его, так как он в течение нескольких дней упрямо мне доказывал преимущества новых технологий, которые, как он считал, я не знал.

– Давай договоримся, – вдруг неожиданно произнес он, – Я тебя не буду заставлять находиться со мной в цеху целую смену, а дам тебе возможность больше времени уделить культурной программе, а она может быть очень интересной. – произнес мой руководитель с именем Юрек.

В знак полнейшего согласия я закивал головой.

– Но у меня будет к тебе просьба, – продолжил он. – У нашей бригады есть ученики пятого класса подшефной школы, которые уже давно не видели своих наставников, а их классный руководитель жалуется нашему руководству на безразличие к молодому подрастающему поколению. Ты понимаешь, у нас сейчас запарка, – он почесал свой затылок и продолжил, – но шефство никто не отменял!

– Так, что от меня требуется? – спросил я и тут же добавил. – Не буду я свое драгоценное время тратить на школьников.

– Ты не спеши с выводами! – попытался урезонить меня Юрек. – Во-первых, ты будешь не один заниматься ими, а вместе с общественным экскурсоводом. А во-вторых, на все эти мероприятия руководство выделило немалую долю «злотых». Все экскурсии будут оплачены из фонда профсоюза, и ты сможешь за бесплатно посетить много красивых мест, а также вкусно пообедать и даже выпить пару кружечек добротного пива.

После некоторого раздумья, я уже спокойно спросил у него:

— Где твой гид-экскурсовод, нам нужно познакомиться!?

— Вот и хорошо. Возьми, на всякий случай, её номер телефона, но, думаю, тебе он не понадобиться, так как гид у нас замечательный человек, она ещё никого и никогда не подвела! Завтра выходной, тебя будут ждать на железнодорожном вокзале в 9 часов утра у центрального входа прекрасная дама и группа школьников.

Утренний поезд я чуть не проспал, поэтому на вокзал прибежал уже к самому его отправлению. Меня ждала и никуда не трогалась с места небольшая группа школьников, в середине которой красовалась высокая стройная женщина средних лет.

— Николай, — закричала она, и это имя подхватило еще несколько молодых голосов. — Идите к нам, мы уже садимся в вагон! Ваше место на нижней полке!

Меня долго ждать не пришлось, через минуту я уже помогал детворе залазить в вагон. Рассевшись с шумом по местам, школьники бойко о чем-то беседовали со своим гидом, а на меня они вообще не обращали никакого внимания. Я бросил свою полупустую сумку на лавку и устроился на свободном месте у вагонного окна.

— Давайте знакомиться, меня зовут Ирмина, я гид этих школьников! А Вас зовут, Николай? Мне о вас рассказал Юрек, — прозвучало возле меня на чисто русском языке.

Увидев мой настороженный взгляд, она спокойным тоном произнесла:

— Я примерно таким вас и представляла. Для меня имя Николай — это святое!

Больше ничего не объяснив, она отвернулась к окну и надолго замолчала. Оживилась, только когда мы прибыли и все вышли на перрон. Ирмина объявила, что сегодня у нас в программе экскурсия по заброшенной угольной шахте, а так как она там уже была несколько раз, то спускаться в шахту не станет, а гидом буду я и назначенный администрацией музея шахтёр – ветеран. После этих слов, я заметил, как лица школьнят погрустнели, но и у меня тоже вытянулось лицо от неожиданности. Я никогда в своей жизни, ранее не спускался ниже винного подвала. Услышав, что штольня шахты, где пройдет экскурсия, расположена на глубине триста метров, а ещё в поле моей ответственности будет пару десятков школьников, которые совсем меня не понимают, то у меня от страха, в самом деле, задрожал подбородок.

– Ничего страшного! – проговорила мне на ухо Ирмина.
– Надо же, чтобы Вы, наконец, как-то ближе познакомились с ребятами.

– Вы уверены, что именно там, для этого место?

– Там, там...вот увидите.

У меня было большое сомнение, что все это мы делаем правильно. Ведь я до сих пор не нашел контакт с ребятами, так как они говорили на польском языке, и все мои просьбы на русском пропускали мимо ушей. Только, когда мы спустились в шахту, стало ясно, в какую авантюру я попал!

Мы опускались в шахту на грузовом лифте и замороженное сердце ждали, когда он остановиться и откроются дверцы. Но они по какой-то технической причине сразу не захотели открываться и только после того, как сопровождающий нас шахтер отборным матом в полный голос заорал, при этом

стукнув сапогом дверь: «Курваа..а.а.а...», – и двери тотчас же открылись.

Изо рта шахтера, отчетливо запахло спиртным. Теперь мне стало понятно, почему он отворачивался от нас в лифте и что-то регулярно подносил к губам (фляжку со спиртным). Наш гид, оказался не разговорчивым, выйдя из лифта первым, шустро пошел только ему одному известной дорогой, иногда поворачиваясь к нам грозно сопя:

– Швыдче, панове!

В шахте горела всего одна лампа у лифта, рядом с большим распятием Иисуса Христа, прямо у входа в штольню. Над распятием крупными буквами в камне была высечены слова. Когда мне перевели, то, что было написано, то я еще сильнее заволновался: «Рабочий, помни – бог создал тебя, но не создал к тебе запасных частей». Фонарики, которые были прикреплены к нашим каскам, освещали дорогу лишь на несколько метров, все остальное пространство находилось в кромешной темноте и только богу, и нашему шахтеру было понятно, куда мы идем. Вдруг, за поворотом, свет его фонарика пропал. Я, идущий прямо за ним, потерял его из вида. Куда дальше двигаться, мы не знали, остановились в полном замешательстве. Одна девочка, стоящая сзади показала рукой в сторону темноты и уверенно произнесла:

– Там вдали я видела свет! Нужно двигаться на свет!

Вся группа ринулась за ней, и чем дальше мы шли, тем всё уже становилось пространство. Вскоре стало так узко, что нам пришлось стать на колени и лезть на карачках. Через несколько минут движение прекратилось. Мальчишки, которые ползли спереди, забуксовали, а затем и запсиховали. Они стали разворачиваться и двигаться обратно, топча всех осталь-

ных. Вот тут мне и пришлось проявить свой русский характер и волю к победе. Сначала, я как мог, постарался успокоить тех хлопцев, которые сильно нервничали, дав им пару увесистых подзатыльников.

– Вперед и только вперед! – прорычал я – Только так мы вырвемся на свободу!

Не знаю, поняли меня школьники или нет, но увидев, что я решительно пополз вперед, все остальные последовали за мной. Буквально через несколько десятков метров, за поворотом наш ждал выход из лабиринта. Все с облегчением выдохнули, когда увидели, что к нам на полусогнутых семенил наш гид-шахтер. Я от злости, что он бросил нас в этой кромешной тьме, чуть не настучал ему по физиономии!

Он тоже понял свою ошибку и впредь старался, как только мог, быть вежливым и внимательным. Шахтер, даже заговорил по-русски! Гид не только провел нас по остальным лабиринтам шахты, но и показал, как раньше добывали уголь. В конце экскурсии рассадил и прокатил всю нашу группу в небольших вагонетках по многочисленным галереям шахты. А когда мы вышли наружу, то долго смеялись, глядя друг на друга: рожи у нас все были черные от угольной пыли, их долго потом пришлось отмывать ароматным мылом в душевых кабинах.

Весь обратный путь в вагоне поезда ребятня крутилась возле меня, стараясь чем-нибудь угодить. Когда пришло время обеда, то они наперебой стали предлагать мне свои завтраки, которые им дали в дорогу родители и, если я отказывался, то они чуть не плакали от обиды. Пришлось попробовать еды у каждого, но по чуть-чуть. Ирмина сидела в углу купе, внимательно следя за нами, и на лице у ней была божественная улыбка. «Улыбка Джоконды», – подумал тогда я.

— Я же говорила, что вы подружитесь! — только и произнесла она, глядя, как я жадно уплетал чей-то пирожок.

На следующие выходные у нас запланирована экскурсия на юг Польши!

— Вы примите в ней участие? — как бы невзначай спросила она.

— А куда я теперь денусь с этой «подводной лодки»!?

— С какой лодки? — спросила Ирмина, явно не понимая, о чем идет речь.

Я показал на детей, и она тут же все поняла.

Следующее воскресенье выдалось прохладное и облачное. Небо заволокло серыми, дождовыми тучами, поэтому и настроение у меня было не «туристическое», но, пересилив себя, все же отправился на вокзал, где меня ждали новые друзья. Как только я появился на перроне, так ко мне сразу же бросились навстречу пару шустрых ребятишек из подшефного класса.

— Ирмина сказала, что эта поездка будет долгой и нам никак нельзя ехать в это путешествие без Вас!

— Все будет нормально! — уверенным тоном произнес я.

В вагоне поезда, мы разместились в одном купе. Мальчишки, по несколько человек, залезли на верхние полки, а девчонки устроились на нижних, плотно окружив со всех сторон Ирмину.

— Давайте, сначала сытно позавтракаем, так как время для экскурсии у нас в обрез, — немножко подумала и добавила. — Да и желания, после услышанного и увиденного, большого тоже не будет! — уже уверенным тоном произнесла она.

Я услышал, вернее, почувствовал, как в вагоне сразу же вкусно запахло. Это ребята живо повынимали из своих ма-

леньких рюкзачков свертки с едой и стали резво её уплетать.

— А что сегодня мы будем смотреть? — откусывая большой кусок бутерброда, спросил самый бойкий из них.

— Кое-что очень важное для вас, но, сначала, должны послушать мой рассказ, а затем сами сделаете выводы, вы ведь уже взрослые ребята и все понимаете?

— Да, мы — взрослые и понимаем! — дружно закудахтали ребята.

— Николаю тоже будет интересно послушать, о чем я буду рассказывать, — тихо произнесла Ирмина, глядя на меня.

Я смотрел в ее грустные глаза и не мог понять, что она хочет нам рассказать и о чем таком, будет идти речь, что станет интересным для всех.

— Ну что, все поели? — через некоторое время спросила она.

— Да! — дожевывая свой завтрак, прокричали ребята.

— Уберите остатки еды и садитесь ко мне поближе. — она, замолчала, крепко задумалась. — Я расскажу вам о том, о чем не могу забыть все эти годы. Вы догадываетесь, какая экскурсия вас сегодня ожидает? Нет? Ну, тогда слушайте меня внимательно! Мы едем в город Краков. Рядом, примерно километров шестидесяти от него расположен музей-заповедник, бывший немецкий концлагерь «Аушвиц», у нас его называют «Освенцим», узницей, которого я и являлась в годы фашистской оккупации с июня 1943 по январь 1945 года. Вот об этом и будет мой рассказ.

В вагоне сразу стихло, а у меня от этих слов даже мурashki пробежали по коже. Я смотрел на эту красивую женщину и не мог себе представить, что именно она была узницей концлагеря и ещё при этом смогла выжить. «Может она ого-

ворилась, и кто-то другой, вернее другая девочка испытала на себе все муки ада!?» – промелькнула в голове шальная мысль.

Словно услышав, о чём я думаю, Ирмина осуждающим взглядом посмотрела на меня и ничего не сказав, закатила рукав своей кофты выше локтя. То, что мы увидели в следующую минуту, по крайней мере, лично я не забуду никогда. На ее руке «красовалась» татуировка из шести цифр, которую ей нанесли в немецком концлагере. Дождавшись, когда мы немного успокоимся, Ирмина неторопливо начала свой рассказ.

– Мне тогда было всего пять лет, когда в нашу дверь вломились фашисты! Это случилось летом 1943 года, в Варшавском гетто. Тогда мы с мамой жили в квартире у одной пожилой еврейки, учительницы музыки. Мой отец, как рассказывала мама, был офицер и пропал без вести ещё впервые годы оккупации Польши фашистами. А мы с мамой скитались по чужим домам, пока нас не приютили добрые люди. В те летние дни фашисты регулярно устраивали облавы в городе, особенно в районе гетто, и пойманых людей уводили колоннами на вокзал, для дальнейшей отправки в концлагеря смерти.

Вдруг она остановила свое повествование, видно было, что ей очень трудно говорить об этом, но взяла себя в руки и продолжила рассказ.

– Я уже говорила, что, мне было всего пять лет, но дети войны очень быстро взрослели. Я помню всё, словно это было вчера. Перед моими глазами – горящие дома на соседней стороне нашей улицы, грузовик с вооруженными солдатами, эсесовцы с лающими собаками, пулеметчик, сидящий в коляске мотоцикла и много людей, бегущих от этого зла. А вокруг крики женщин и детей, и невыносимые стоны раненых. Прямо под ногами лужи крови, в которых лежат убитые люди.

Хорошо помню, как старая учительница-еврейка хватила меня за руку и потащила в подъезд нашего дома.

— Ирмина, нужно спасаться! Беги в квартиру, скажи маме, чтобы она хорошенько спрятала тебя! Я тоже скоро приду!

Маме ничего объяснять не надо было, она давно обо всем догадалась — идет облава на людей! У нас в квартире было потайное место, за большим платинным шкафом, и уже несколько раз мы удачно воспользовались им, но не в этот раз. Не успела мама отодвинуть от стены тяжелый шкаф, как сильный удар сапогом вышиб входную дверь и в комнату ввалились двое солдат СС. Ни слова не говоря, один из них, с перекошенным от дикой злобы лицом, сразу же напал на маму, сильно ударил ее в грудь прикладом винтовки. Мама упала, на пол, тяжело закашляв. Я бросилась на помощь, пытаясь как-нибудь её защитить от этих вандалов. В следующее мгновение, я оказалась рядом с мамой на полу с разбитым в кровь носом. Это второй солдат, стоявший за моей спиной, рукой ударил меня по лицу.

— Если вы сейчас же не встанете и не выйдите из дома, то мы вас здесь же и расстреляем! — сказал солдат СС и передернул затвор своей винтовки.

Уже после того, как нас с мамой вывели из дома на улицу, я заметила в подъезде женщину, очень похожую на нашу хозяйку, лежащую мертвой в луже крови. Мама прижала меня к себе и тихо прошептала на ухо:

— Ирминочка, ты умная девочка, не вздумай плакать!

Рассказчица, на этой фразе слегка поперхнулась, на глазах у нее появились слезы, но, через минуту, она взяла себя в руки.

— А что было дальше, куда вас повели?

Облава в Варшавском гетто

– Они набросились на нас с собаками, толкали автоматами, вывели на дорогу, ведущую к железнодорожной станции. Повели на специально оборудованную площадку, сгоняя на неё, словно животных. Все были уставшие, голодные. Только к вечеру пришел состав для перевозки скота и нас всех затолкали в вагон. Никакого туалета, только в правой стороне вагона была вырезана какая-то маленькая дырка. Значительная часть людей, лишенных воды, воздуха и санитарии, умерли в вагоне, не доехав до места назначения.

– Как вы, Ирмина, будучи тогда еще ребенком, смогли выжить в таких условиях? – нечаянно вырвалось у меня.

– И, все-таки, смогла! После нескольких дней мучений нас привезли на станцию лагеря «Треблинка», или как его называли – фабрика смерти. Прибывающие составы, насчитывали по 50–60 вагонов. От него отцепляли по двадцать вагонов, которые подавали на территорию лагеря смерти, в то время как остальные оставались ждать вблизи неё.

– И сколько времени вы ждали, в этих невыносимых условиях.?

– Тогда за территорией лагеря скопилось несколько составов с тысячами евреев. Они стояли неделями в ожидании своей

очереди получить порцию газа. Многим удавалось бежать. Вот и мы с мамой не упустили такую возможность – под покровом ночи бежали, это нас и спасло от неминуемой смерти.

Спустя много лет я узнала, какой ад сотворили эсэсовцы в этом лагере. Прибывшую толпу людей заводили в специальные отведенные бараки, где раздевали догола, а затем заставляли бежать голыми по огражденной тропе, называвшейся «кишкой», в газовые камеры, замаскированные под «баню». После запирания дверей включали находившийся снаружи двигатель, закачивавший угарный газ в газовые камеры, убивая всех находившихся внутри.

– А дальше, что было, вы ушли к партизанам? – спросил мальчишка с верхней полки, после долгого раздумья.

– Той ночью, после побега, мы с мамой смогли дойти лишь до близлежащего села и попроситься переночевать в хате местного крестьянина. Видя, насколько мы были измучены, он сжался и пустил на ночлег, а утром разбудил, всунул в руки сверток с незамысловатой едой и, не дав даже умыться, спровадил за порог.

– Уходите как можно скорее в сторону леса, полицай уже вас ищут. Они сейчас на другой стороне села, каждый дом и подвал проверяют!

Сразу за деревней было невспаханное поле, а за ним виднелся лес. Эта дорога к лесу мне запомнилась на всю жизнь, так как весь этот путь мы проделали ползком, не поднимая головы! Добравшись до леса, перекусили и отдохнули. Мама даже успела собрать немного лесных ягод, чтобы я смогла что-нибудь сладенькое съесть.

– Ирмина, детка, нужно идти! – скомандовала мама.

— А вот куда идти, она и сама толком не знала. Так мы проплутали в лесу, пока не вышли на шоссейную дорогу, по которой шли беженцы. Пристроились и слились с этой разношерстной толпой. Шли молча, пока не приблизились к перекрестку дорог, где стоял немецкий патруль в форме СС. Нас остановили и стали проверять документы. Офицер даже не взглянул, на протянутые мамой бумажки, а только пристальным взглядом рассматривал наши лица.

— Юдэн? — спросил он маму. Она не успела ответить, как он повернулся лицом, к стоящим на дороге беженцам, заорал:

— Евреи, цыгане, коммунисты есть, выходи!?

Никто ни двинулся с места. Он снова повернулся лицом к автоматчикам и произнес одну фразу:

— Фильтровать всю колонну! Пойманных нарушителей отводить в сторону.

Через четверть часа рядом с нами уже стояло несколько десятков человек.

— Этих в кузов и на вокзал, — офицер небрежно показал пальцем на нас, — остальным продолжить движение!

— Нас затолкали в кузов грузовика и повезли на станцию, там опять запихнули в теплушку и направили в концлагерь «Освенцим». По приезду, нам скомандовали выходить, из всех вагонов стали выпрыгивать люди. Все, вновь прибывшие, оказались на большом плацу, где нас с мамой разъединили. Я и сейчас помню заветную фразу мамы, которая спасла мою жизнь: «Ирминочка, надень мои туфли на каблуке и не снимай их».

Туфли были большие и болтались на моей ножке, но я согласилась, ещё толком не понимая, что на самом деле происходит. Потом до меня дошло, что меня мама хочет спасти от

неминуемой смерти. Всех детей выстроили в цепочку и повели к большому бараку. Возле дверей сарая стоял унтер-офицер и заставлял каждого ребенка пройти под планкой, которую он соорудил на шесте. Если ребенок головой не доставал до неё, то он отправлял его в другой блок, где его сразу же умертвляли, а кто дотягивался или был выше, то у него были шансы еще пожить. Дойдя до проверочного шеста, вспомнила слова мамы, вытянулась в струнку и еле достала головой планку и посмотрела на унтер-офицера. Он на мгновение задумался, глянул на мои туфли, заулыбался и … отправил к прошедшим проверку детям. Так я, за короткое время, второй раз избежала смерти! Но впереди меня ждало еще много испытаний!

– А когда и где вам сделали эту жуткую наколку? – спросила симпатичная девчушка, разглядывая наколотый номер на руке Ирмины.

– Нас затолкали в сарай и только к вечеру дали немного поесть. На утро всех завели в санитарный блок, там находилось два стола. Мне стало страшно, когда я увидела, как один мужчина в белом халате накалывал детям номера. У него был набор цифровых печаток с иглами для татуировки, он макал его в краску, а затем прижимал к детской руке. Так он делал каждому по шесть раз. Мы стояли все в ряд, а когда он взял мою руку, я потеряла сознание. Очнулась сразу после удара по лицу, а номер был уже наколот. С этой минуты мы перестали иметь право называть свои имена, только номер. Нас распределили по баракам. А дальше наступило самое ужасающее. Каждый день фашисты заходили в бараки и раскладывали на столах свои белые инструменты. По очереди каждого из нас клади на стол и брали кровь из руки, а кто сопротивлялся и кричал, то долго не жил. Если ребенок не мог дойти, его несли и забирали всю

кровь уже беспощадно и сразу выносили за дверь. Скорее все-го, его бросали в яму или в крематорий.

– И все-таки, как вам удалось выжить? – чуть ли не хором спросили ребята.

– Мне очень повезло! Меня спасла няня-санитарка, которая была знакома с моей мамой и хорошо знала меня. В начале зимы я лежала в госпитальном бараке после большой потери крови. Однажды в барак пришли охранники, чтобы забрать всех больных. Она ценой своей жизни спасла меня, спрятав под кучей грязного, окровавленного белья. А вскоре наш лагерь освободили советские солдаты. Молодой офицер, который вынес меня на руках из больничного барака, так как я самостоятельно не могла ходить, все приговаривал:

– Фашисты проклятые, не будет вам никакой пощады, за такие злодеяния! Гореть вам всем в аду!

Он целый день не отпускал меня от себя, поил и кормил с ложечки, словно грудничка.

– Николай, срочная радиограмма! Нас перебрасывают на другой фланг! – однажды, прокричал ему связист.

– Аннушка, я приказываю, нет, я прошу тебя, позаботься об этой девочке.

Он передал меня с рук на руки молодому младшему лейтенанту медицинской службы, черноволосой Аннушке, с которой провела несколько дней, пока не отправили на лечение в полевой госпиталь. Там несколько раз меня навестил Нико-

лай. Мы с ним беседовали о прекрасной жизни, которая вот-вот наступит. В одном из разговоров он пообещал, что удочерит меня и заберет к себе на родину. А потом он пропал, и я тайком по ночам плакала, всё ждала, когда он появится. Спустя несколько дней узнала от Аннушки, что Николай погиб, освобождая от нацистов польское село.

Она замолчала, не в силах больше говорить, слёзы душили ее. У большинства ребят, слушавших её рассказ, тоже на глазах появились слезы. Я отвернулся и смотрел в окно и ничего за ним не видел, с силой сжав челюсти, чтобы не зрыдать.

— Мы все вместе обязательно посмотрим государственный музей «Освенцим»... а затем сходим на могилку к советскому воину Николаю, который похоронен в братской могиле. Я там часто бываю, она — всего в несколько километров от лагеря....

(Россия)

Игорь Бéзрук Родился в 1964 году в городе Первомайске Луганской области. Публикуется как прозаик с 1988 года. Автор одиннадцати книг прозы. Член Союза писателей России. Лауреат многих литературных премий.

Призрак из прошлого

(Светлой памяти моего дяди Марусика Дмитрия Андреевича)

Иван Кондратьевич Тропинин пристально всматривался в ночь сквозь окно вагона, слегка белесое от внутреннего света. Поезд подъезжал к Н. Одна за другой вдоль невидимой во тьме линии пути быстро побежали другие ветки с бесконечными пузатыми цистернами и голыми платформами, потянулись мрачные силуэты первых пакгаузов, появились высокие, яркие, многоглазые, словно Аргус, фонари, напоминающие о конце следования. Когда мимо промелькнуло кособокое кирпичное здание старого вокзала, переоборудованное в диспетчерскую, Тропинин со вздохом оторвался от окна и стал аккуратно застегивать «молнию» ветровки – даже в душные летние ночи на пороге восьмидесятилетия он сильно зяб и болезненно реагировал на перепады давления и температур.

Он ехал к сестре, которая была старше его на двенадцать лет. В последнее время каждый год ей казался последним, и каждый год она слезно умоляла его в длинных, корявых, вымученных письмах приехать к ней «свидеться», так как она опасается, что не успеет проститься с ним перед

смертью. Тем не менее, понимая, что опасения эти не беспочвенны, Тропинин каждый раз откладывал поездку, чувствуя, что и сам давно еле на ногах стоит, и еще неизвестно, кто из них раньше уйдет на тот свет: он всё-таки прошел войну, побывал в концлагере, здоровья подорвал – не приведи Господь. Но жена после очередного слёзного письма золовки сказала: «Езжай, проведай бедолажную, кто знает, что завтра будет», – и он в конце концов уступил, поехал, как всегда, на перекладных, с промежутками (долгое сидение на безлюдных глухих полустанках), с прибытием в Н. поздней ночью.

С Н. его связывало многое. Родители переехали сюда, когда ему исполнилось девять, здесь он окончил школу, отсюда его, безусого паренька, забрали на фронт, отсюда после возвращения с войны Тропинин подался на Донбасс, на зарплатки. Сестра осталась в родительском доме. На Донбассе он женился, осел, пустил корни и в Н. приезжал теперь изредка, раз, может, в три-пять лет, пока были живы родители. Со времени последней поездки прошло, наверное, не менее десяти, а то и пятнадцати лет, – его все меньше и меньше тянуло в Н. – нить памяти, связующая с этим местом, стала постепенно стираться, яркие впечатления детства и юности увядать.

Вот и сейчас Тропинин сошел с поезда на сырую платформу перед входом в вокзал (лил дождь?), и сердце его ни на секунду не ёкнуло. Вокзал как вокзал, он сотни подобных перевидел на своем веку, десятки брал штурмом во время сражений. Его больше не волновала ни монументальность, ни оригинальность здания, что было, скорее всего, следствием всё той же «стёртости» воспоминаний, а, может, усталости, которая охватывала его в последнее время всякий раз,

когда он тащился куда-нибудь (как сейчас за тысячу километров) без особого желания, по принуждению, из необходимости. Какая там душевная близость, по-настоящему Тропинин никогда и не знал сестру. Не знал и не понимал – слишком велика была у них разница в возрасте. Для него она всегда оставалась лишь второй матерью, вылитой копией первой, только посвежее и помоложе...

Вслед за толпой, полусонно высыпавшей с поезда, Тропинин неторопливо потянулся к вокзалу. На удивление, народу из него выходило больше, чем входило. Насколько Тропинин помнил здешнее расписание, отходящих поездов в эту пору в течение часа не предвиделось, может, пустили новые, о которых он ничего не знал? Он потоптался, ёжась от сумеречной прохлады у входа, пока наружу не высыпали все зазевавшиеся, потом протиснулся сквозь узкий, но высокий – потолок метров в пять–шесть – пенал входного тамбура и оказался внутри громадного вокзала, макушку которого венчал массивный, красочно расписанный после войны купол. Вдоль нижнего края, по кругу, шла фреска с изображением праздника Победы. На фреске сияющие от счастья розовощекие женщины в объятьях мужей, сыновей и братьев в гимнастерках (прокуренные, обветренные лица, лихие вихры, широкие груди в орденах), улыбающиеся дети на руках отцов, пестрые охапки цветов, взлетающие к небу букеты и шапки, и в самой вышине, в центре купола, как апофеоз Победы – разорвавшаяся всеми красками радуги пышная хризантема салюта. Послевоенная фреска чуть потускнела, но по-прежнему привораживала нетраfareтным сиянием лиц и мастерски переданной атмосферой ликования.

Тропинин хорошо запомнил день, когда впервые услышал слово «победа». Сердце тогда готово было разорвать грудь. Радости действительно не было предела. Как у ликующих на этой фреске. Однако сейчас он не стал сосредоточиваться на изображении – усталость давала о себе знать, – а сразу направился к выходу, чтобы поскорее взять такси и добраться, наконец, до сестры и отдохнуть.

Парадный вход в вокзал оказался перекрыт, и объявление, вывешенное на массивных деревянных четырехметровых дверях, гласило, что выход из вокзала осуществляется через перрон. Так вот почему так много выходило людей, подумал Тропинин и, развернувшись, с кучкой таких же, как он, зевак, пристроился к хвосту выходивших. Впрочем, на платформе нужно было только завернуть за угол и пройти наискосок от вокзала метров сорок пятьдесят: там находился небольшой крытый автовокзал и недорогое такси – таксисты возле вокзала драли по семь шкур.

Но Тропинин не успел даже вывернуть из-за угла, как на него обрушилась лавина разнообразнейших звуков, приглушенных, видимо, самим зданием вокзала там, позади. Парадный вход в вокзал оказался слегка подсвечен снизу мощными прожекторами, от подсветки центральные дорические колонны казались ещё громаднее. И что всего поразительнее – подумать только! – в промежутках между колоннами с самого верха спускались вниз длинные кроваво-красные кумачи с нацистской свастикой в центре (в ярких лучах направленных на них прожекторов они особенно резали глаза, давили, будто источали кровь). Привокзальная площадь буквально кишила нацистами в черных кожаных плащах с повязками со свастикой на рукавах, мотоциклистами, снующи-

ми взад–вперед из тени в свет и обратно, фашистами со «шмайсерами» на груди и с оголтелыми овчарками на поводках. В окружении тьмы ярко освещенный привокзальный пятачок притягивал к себе всех, как магнит.

Ошарашенный Тропинин машинально потянулся к толпе, глазеющей на диво-дивное, пробился в первый ряд, и тут же на него шквалом обрушился треск допотопных мотоциклов, лай неугомонных овчарок и отрывистая прокламационная немецкая речь, раздающаяся из динамиков. Не может быть – война ведь давно закончена!

Тропинин с ужасом наблюдал за всем, не понимая, что здесь творится. Вид происходящего будто вывернул его наизнанку, вытащил изнутри глубоко, казалось, загнанные воспоминания, в которых соседствовали и гестаповцы в черных плащах, и солдаты в серой униформе, и лютые немецкие овчарки. Оцепление из солдат с собаками стояло всего в нескольких метрах. Овчарки, уставшие и заведенные, не сидели спокойно возле ног хозяев, переслаивались, и нервный лай их, не прерывавшийся ни на минуту, смешавшись с треском мотоциклов и истеричными возгласами из динамиков, будто вырвал Тропинина из настоящего и перенес на несколько десятков лет назад в грозный сорок второй.

Прошедшее ясно предстало перед глазами. Тропинин в немецком концлагере, в бесформенной полосатой робе, на раскаленном плацу с сотней таких же, как он, безликих, обреченных на смерть, высущенных до состояния мумии, вшивых, лысых, небритых, с номерами на груди и запястьях, с потухшими глазами и сжавшимися в комок окровавленными сердцами. Вокруг ёжистая полоса колючей проволоки, черные мрачные вышки с пулеметчиками и охранники со специ-

ально обученными для травли людей овчарками, готовыми по первой команде наброситься на любого. Уши забиты смесью бравурной музыки, летящей из каждого динамика на столбе, и истошного лая собак.

Сегодня с утра их не погнали в каменоломню, хотя подняли раньше обычного криком, хаэм, ударами прикладов по пяткам. Полусонные, голодные, злые, они, как полуумные, срывались с нар, толкаясь, трусили к выходу, торопливо высыпали из мрачных бараков на холодный туманный лагерный двор и замирали на широком плацу поникшие, выжатые, ко всему глухие, их уже нечем было удивить – в голове больше не возникали вопросы, голова навсегда, казалось, очистилась от мыслей. Часов пять их продержали на плацу без воды, без пищи, без объяснений. Но кто был здесь по-дольше, в ком ещё, на удивление, тлел слабый огонек жизни, знали, что так бывает каждый раз накануне жуткой показательной казни. Чтобы не забывали, чтобы помнили! Каменоломня ещё свое получит, камень никуда не денется, а вот сердце человеческое каждый день надо жечь, давить, кромсать и резать, чтобы оно стало жестким, твердым и бездушным. Чтобы человек превратился в зомби, тупое и безразличное животное, исполняющее простые механические операции: поди, возьми, принеси, убей. Не задумываясь, не сомневаясь.

Впрочем, объяснения были ни к чему. На плацу перед ними двое военнопленных, которые пытались в это холодное сизое утро бежать. Они думали – их задумка останется втайне; они думали – горячее желание свободы придаст им сил, но их быстро поймали (слепая личина Рока!), жестоко избили, вернули обратно, полуурячих, разбитых, опустошен-

ных. Теперь они едва стоят на ногах в тупом ожидании близкой неминуемой смерти. Тропинин видел, что бывает с такими лихачами. Они – нет. Они надеются на легкий конец – свинцовую пулю в затылок. Но их – Тропинин знает! – ждет смерть помучительнее. Так и стоят горемыки друг против друга, ждут напряженно, когда всё закончится, и молят Бога только об одном – чтобы закончилось как можно быстрее. Стоят с последней слабой каплей надежды, глаза в глаза, боль рядом с болью и отчаянием.

Но вот приближается время обеда, из толпы уволакивают за бараки не выдержавших долгого стояния (глухой выстрел, секундная пауза, снова сухой щелчок). И, наконец, из двухэтажного, выбеленного до голубизны каменного здания комендатуры весь сияющий чернотой – вычищенные до блеска высокие яловые сапоги, эсесовский мундир под длинным кожаным плащом – появляется сам герр комендант. Лоснящееся, начисто выбритое щегольское лицо с тонкой ниткой темных усов над узкой жесткой верхней губой, монокль на правом глазу, глубокий шрам над левой бровью, тонкий стек в руке, затянутой в кожаную перчатку. Длинный, напыщенный комендант неторопливо приближается к месту казни, вяло взмахивает стеком, и разъяренная свора голодных собак, только и ждавшая команды, быстро срывается с места и с яростью в мгновение ока набрасывается на несчастных беглецов, вонзая острые клыки в ляжки и икры, плечи и спины, вырывая зубами куски мяса и сразу же проглатывая их.

К въевшейся в печенку музыке и лаю не задействованных в казни собак примешиваются ужасающий хруст чело-

веческих костей, собачье чавканье и безумные вопли обреченных. Как все перенести?!

Тропинин видит ощеренные злобные морды овчарок, перекошенные страхом и болью лица смертников и старается пропустить все мимо себя – равнодушие в таких случаях помогает выжить. Но сцена казни беспощадной пиявкой всасывается в мозг, и мозг не выдерживает. Перед глазами Тропинина все сразу темнеет, и он проваливается в небытие...

Очнулся Тропинин в больничной палате (белый потолок, зеленые стены). Недоуменно посмотрел вокруг, попытался вспомнить, что с ним случилось. Кажется, он ехал к сестре. Была тяжелая душная ночь, затхлый переполненный народом вагон. Его чуть не замутило от духоты, кто-то протянул нашатырь, вывел в тамбур на воздух... Нет, это все не то. Он все-таки благополучно добрался до Н. Помнит, на платформе в темноте блестели лужи, народ тянулся в здание вокзала, а потом...

Его размышления прервал вошедший в палату небритый весельчак лет шестидесяти в застиранной больничной пижаме. Увидев, что Тропинин пришел в себя, снисходительно улыбнулся и сказал:

– Что, приятель, очухался? Мы все тут за тебя переволовались.

Тропинин в знак согласия слегка кивнул головой и в свою очередь спросил:

– Что со мной случилось? – ему просто необходимо было восстановить все в памяти.

– С тобой, что ли? – продолжая улыбаться, переспросил сосед. – Да ты, брат, говорят, на привокзальной площади поте-

рял сознание; припадок у тебя случился, понял? Увидел, что снимается кино, и воспоминания, видать, вышибли из седла.

Тропинин поверить не мог.

– Кино? – спросил так, будто смысл этого слова стерся из памяти.

– Кино, конечно. А ты что думал – прошлое вернулось?

Только теперь до него дошло. И нацистские флаги между колоннами, и мотоциклисты, и эсэсовцы с овчарками – всё было на привокзальной площади неспроста, бутафорское, только удвоенное, устроенное промозглыми сумерками и мучительными воспоминаниями, но если бы кто сразу сказал, если бы кто заранее предупредил, что здесь снимается кино, сердце его тогда, может быть, отреагировало не так болезненно.

Тропинин отвернулся к стене. Еще несколько лет назад казалось, что ужасное прошлое оставило его, наконец, в покое. Как он ошибался! Призраки не были бы призраками, если бы иногда не возвращались! Тропинин устало закрыл глаза и плавно погрузился во тьму – хотелось всё забыть и хоть немного отдохнуть. Но не пришлось. Стук тяжелых кованых сапог и грязная немецкая брань заставили распахнуть глаза. Над Тропининым нависла разъяренная физиономия гестаповского офицера в черном.

– Руссиш швайн, шнелль, шнелль! – дико заорал гестаповец, грубо схватил Тропинина за шиворот и рывком стащил с больничной койки. Охранники мгновенно подхватили ничего не понимающего Тропинина под мышки и быстро потянули к выходу. Он успел заметить только оторопелое лицо

соседа по палате. Его вытащили из санитарного барака, и поволокли вдоль длинного строя заключенных на плац.

В центре плаца, потупившись, опустив угловатые плечи и длинные высохшие до костей руки, уже стоял один осужденный. Тропинина сначала кинули рядом с ним, потом ударами сапог и прикладов заставили подняться. Так они и стояли двое в ожидании своей незавидной участи. Тропинин мог только догадываться, что будет с ними. Ему стало страшно, так страшно, что, казалось, сердце сжалось до размеров молекулы. К тому же, когда его тащили вдоль строя, он успел заметить во втором ряду свое лицо! Худое, обветренное, с черными ввалившимися глазами. Но поразительно было не это. Поразительно было то, что глаза его – другого – ничего не выражали, смотрели равнодушно, с полным безразличием, с пустотой!

Свора раззадоренных овчарок бешено рвалась с поводков, что-то визгливо громко выплевывал в строй черный комендант, и Тропинин почувствовал, что ему пришел конец, что больше он не жилец, стоит только солдатам отпустить поводки. Тропинин знал, как реагируют на подобные команды собаки, не раз видел, что остается от человека после такой экзекуции. И слабая надежда, скрывавшаяся где-то в самом дальнем уголке сжавшегося в микроскопический комок сознания, вдруг мелко-мелко затряслась. Охранники спустили разъяренных собак. Тропинин в отчаянии дико закричал и... проснулся.

Возле него стояли больные и маленькая испуганная медсестричка с наполненным лекарством шприцем в руке.

– Вот так кино, – услышал он рядом с собой голос соседа, и произнесенное слово, как никакое другое, несказанно

обрадовало его. Значит, все страшное осталось позади, и он, слава Богу, жив, и, слава Богу, жива его память, которая, Тропинин крепко верил, не даст больше кошмарным призракам из прошлого вернуться. Никогда!

(Германия)

Лариса Кеффель. Москвичка. Проживает в Германии. Прозаик, поэтесса, член Союза писателей России, член Содружества русскоязычных литераторов. Лауреат многих премий.

Николай святой и Николай простой

На даче под тремя берёзами отец раздвинул стол. Постелили клеёнку. Стол был уставлен разнообразными яствами, своими и привезёнными гостями закусками: благоухал только что нарезанный, прямо с грядки, зелёный салат, от которого вкуснее всего Лялька любила майонезную воду, на тарелках оплывал сыр со слезой, докторская колбаса аппетитно розовела на тарелке, пахло шпротами – неотъемлемый аромат праздника. Лялька тихонько подошла к столу и хотела стащить с тарелки тонкий кругляш сервелата, купленного к столу гостями, но мама, несшая с крыльца миску с молодой картошкой, прикрикнула на неё:

– Доча! Не таскай с тарелки. Сейчас за стол сядем.

Гостей было двое, вернее трое. Старшая сестра мамы, Мария, которую Лялька звала с младенчества Муней, и все за ней так же её называли этим смешным именем, и подруга Марии, Вера Михайловна с мужем Николаем Тимофеевичем. Все они сидели под берёзами и о чём-то тихо переговаривались. Они только недавно пришли с электрички и остывали в теньке на ветерке. Было жарко. Затем поводили их, как водится у дачников, по участку. Показали им грядки с зеленью, огурчики под воткнутыми в землю железными ободами, чтобы за-

крывать вечером плёнкой, смородину и крыжовник, розы – гордость Лялькиной мамы.

– Ну, все готово! Пожалуйте, гости дорогие, за стол, – позвала мама.

Лялька уже прицелилась на бутылку лимонада «Буратино», остальным папа налил, обходя стол, в разномастные дачные рюмки водки; чтобы запить, открыли «Боржоми». Было слышно, как зашипели в стаканах пузырьки. Лялька не любила этот боржом. Он был какой-то солёный и неприятно кололся, отдавало в нос. Холодный квас в кувшине, в который она самолично бросила мяту, был куда вкуснее.

– Ну, Лялечка, с днём рождения тебя!

Лялька гордо встала и чокнулась со всеми лимонадом. День рождения у неё всегда был со взрослыми. Лето, а ей так хотелось, чтобы, как в книжке о Малыше и Карлсоне, к ней пришли ребята и у них был бы деньрожденный торт с маленькими свечками и какао. И цветы в вазе на накрытом белой скатертью столе. И они бы остались одни, без родителей. И щенка бы она тоже не отказалась получить в подарок. Но в подарок она получила от Муни кулёк с конфетами и детский купальник, а от родителей – коричневый портфель с блестящим замочком, и в нём столько всего: карандаши, краски, деревянный пенал с выдвигающейся крышкой, перьевая ручка и несколько тетрадок в клетку и в линейку.

Этой осенью Лялька пойдёт в первый класс. Гости выпивали и закусывали. Лялька, наконец, добралась до сервелата, обгладала куриную ножку и успокоилась. Стала прислушиваться к разговорам взрослых. Странное воздействие водки ей было известно. Все начинали громко разговаривать, перебивая друг друга, а потом вдруг женщины (Муня-запевала,

которая была голосистей других) начинали петь песни. Лялька тоже подпевала, что знала. Выучила уже на праздниках. «Зачем вы, девушки, красивых любите...» или «Виновата ли я, что люблю...». Но на этот раз случилось по-другому.

— Выпьем за погибших, за наших павших в войне! — вдруг произнёс Николай Тимофеевич, поднимаясь со стула.

— Давайте, — поддержал отец, который был младше гостя вдвое, и тоже встал. — Вечная слава!

— За Николая, братика моего. В восемнадцать лет погиб на Карельском перешейке, — запричитала мама. — За двоюродного брата Василия. До фронта не успел доехать, разбомбили их эшелон.

Заплакала, вытирая слёзы салфеткой.

Лялька вскочила и обняла её. Когда по телевизору пели песню «За того парня», мама всегда плакала и вспоминала про дядю Колю. Ляльке было её жалко, и хотелось выключить этот телевизор.

Лялька знала, где лежит семейный альбом. Иногда, когда нечего было делать, доставала его с полки. Рассматривала семейные фотографии. Она уже знала. Вот это бабушка с маленькими мамой и Колей — мама в смешном чепчике, брат в штанах с помочами. И его последнее фото перед отправкой на фронт. Совсем детское лицо мальчишки. Будто его понарошку одели в шинель и шапку-ушанку с красной звездой. Муня тоже всхлипнула и закрыла лицо ладонями... Выпили. Жена тянула Николая Тимофеевича за рукав.

— Коля, сядь. Выпил и опять за своё. Что ты всё рассказываешь эту историю? Ведь все уже знают.

— Говорите, Николай Тимофеевич! — отец поднял руку, чтобы все замолчали.

Николай выпил, сел, задумался.

— Закуси сначала, — сказала мужу Вера Михайловна.

Тот отломил чёрного хлеба, пожевал.

— А вот что я вам расскажу, дорогие мои, хотите верьте, хотите нет. Я же ведь солдатом пехоты всю войну прошагал по фронтовым дорогам, в атаку не раз ходил — и вот сижу здесь перед вами живой.

— Да. Это редкость, — покачал головой отец. — Пехота ведь первой бой принимает. Пехоты больше всего и погибало. А когда вам повестка пришла?

— А в сорок первом и пришла.

— Это четыре года в пехоте и живы? — воскликнул отец удивлённо. — В рубашке вы родились, Николай Тимофеевич!

— Нет, Алексей, не в рубашке, а послушай лучше, что я расскажу. Ты вот коммунист? Стало быть, в Бога не веруешь, так?

Отец неопределённо тряхнул головой.

— А Бог есть! Да. Есть. — Николай Тимофеевич, как бы утверждая свои слова, несильно стукнул ладонью по столу. — Я-то родился после революции, и меня на третий день покрестили. Крестик, значит, повесили. Бабка и мать часто в церкву ходили и меня приохотили. Но власть всё этошибко не одобряла. Священника нашего выгнали, колокол с церкви сбили, куда-то на переплавку отправили, и склад пшеницы там устроили. Нечего делать, молились бабка с матерью дома — и я с ними. Все молитвы со слуха выучил, знал. Родился я аккурат на зимнего Николу. Вот Николаем и назвали. «Вот какой у тебя Ангел святой! Сам Николай-Чудотворец!» — говорила бабка. Ну, в школу пошёл — там, конечно, всего этого нельзя. Пионеры, комсомол. Но сам-то я верил и дома молился. За

иконы никто в тюрьму не сажал, да спрятали их за печку, а то колхозный председатель зайдёт и всё смотрит, что так, что не так. Ушлый мужик был.

— Коля, ну что ты начал вспоминать?

— Не встревай, — прикрикнул на неё муж. — И вот, милые вы мои, откуда ни возьмись, пришла война-злодейка. А мне как раз восемнадцать уж исполнилось. Ну, вот пошёл я, значит, на фронт. Нельзя было крест надевать, так я его в кармашек гимнастёрки зашил. А сам воюю. Когда есть минутка и никто не видит, помолюсь, и «Отче наш» прочитаю, и Николаю — Ангелу моему святому, обязательно молитву прочту. И, значит, стал он ко мне во сне являться. Как быть бою, так обязательно приснится и вроде как говорит: «Шибко вперёд не беги. Справа будь, за танком. И читай псалом "Живый в помоши"». И стал я, значит, прислушиваться к его указаниям во сне. И правда, бежим в атаку, а я всё как он сказал, делаю, и смотрю — отбились. Жив!

Но однажды на Курской дуге случился кромешный ад. И Николай мне что-то перед боем не приснился. Ну всё, думаю. Пришёл, видно, и мой срок. Убьют. И так мне горько стало. Но делать нечего. Пошли в атаку. Комиссар сам с пистолетом, орёт: «За Родину! За Сталина!» — и нас вперёд гонит. А сначала артиллерия, потом, значит, танки идут, как положено, а мы уж за ними. Конечно, защищает немного. И вот бегу я около танка. Справа и слева взрывы, осколки свистят. Прямо чувствую, что задевают меня легонько, вроде крыльышек бабочки. Ну, думаю, конец. Господи! Святые угодники! Ангел мой святой Никола, скорый помощник! Спаси! Плохого-то я никому ничего не делал! И стал я молиться, девяностый псалом, «Живый в помоши», как он мне, значит, говорил, стал про себя чи-

тать. «...Не приидет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрью и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое».

И вот бегу я и вижу: справа упал, слева упал, вокруг меня все падают, а я бегу. И вдруг прямо передо мной в воздухе Николай в зимней шапке. Вроде рядом со мной летит. А было лето. Ангел мой пришёл. А он суворенький на лик, а тут даже вроде как покивал мне, мол, не бойся, тёзка. Ничего с тобой не будет. Смотрю, добежал я, взяли мы плацдарм. А на мне ни одной царапины ...

И ещё один раз уже перед самой Победой он мне явился. В Берлине. Как бомбе разорваться, он мне и явился. Перекрестил, и я почему-то упал. Осколки мимо пролетели, только контузило маленько. Вот так я войну-то и закончил, жив остался. А воевал, как все. За других не прятался. И мой святой Николай прошёл со мной, простым солдатом, всю эту страшеннюю войну. Вот так, дорогие мои. Хотите верьте, хотите нет, а так было. Вот вам крест святой! – И перекрестился, что, значит, правду он рассказал.

Все молчали под впечатлением от рассказа.

– А крестик тот у вас ещё есть?

Все зашикали на любопытную Ляльку.

– Есть, девочка ты моя хорошая.

Он посадил Ляльку на колени и вынул из-под рубашки крестик. Простой, жёлтый, латунный. Лялька повертела. И

вдруг она увидела, как у Николая из глаза выкатилась большущая слеза, потом ещё одна, и ещё... Так стало его жаль, и она ладошками стала вытираять его мокрое лицо.

– Не плачьте, дедушка, не плачьте! – И девочка обняла его, гладя шершавую морщинистую щеку.

Отец встал, налил рюмки.

– Давайте выпьем, Николай Тимофеевич, за вас! За терпение, за храбрость вашу! За четыре ваших солдатских года войны. Земной вам поклон за то, что освободили землю от фашистов!

Рассказчик поставил пустую рюмку на стол, сел и опустил голову.

– Не верите вы мне... Полоумным считаете. Я знаю.

Отец придвинул стул близко к гостю. Похлопал его по руке, лежащей на столе, и тихо, очень серьёзно сказал:

– Николай Тимофеевич! Ну что вы? Я вам верю.

(Узбекистан)

Шерзод Артиков. Родился в 1985 году, в городе Маргилан в Узбекистане. В 2005 году окончил Ферганский политехнический институт. Его произведения опубликовались в литературных журналах, газетах и на сайтах многих стран мира.

Весеннее воскресение

Поводом для каприза моего трехлетнего сынишки послужило то, что на утреннем столе не оказалось горячего хлеба. Мои попытки успокоить малыша оказались тщетны: он еще больше протестовал, при этом его хныканье переросло в громкий плач. Затем он начал швырять куски хлеба на стол, которые ему предлагала.

– Убери с моих глаз этого упрямца!.. – в один момент прорвало отца, который доселе, нахмурив брови, молча, наблюдал за нами.

Не ожидая от отца такой реакции, на мгновенье я замерла. Далее, не обращая внимания на меня, начал складывать кусочки лепешки в одну кучу и по очереди целовать и подносить ко лбу.

– Забери своего сына и покинь комнату! Сейчас же! – теперь папа собирал со стола в ладони крошки хлеба.

Малыш, прежде никогда не видевший дедушку таким грозным, совсем разрыдался. И, вправду, отец всегда был сдержанным и обходительным. Взяв в руки сына, направилась к двери. От обиды и злости меня начало трясти, и уже в дверях высказалась:

— Папа, он же ешё ребенок... Совсем маленький... Подумашь, покапризничал. И так изредка получается выбраться из дома, чтобы повидаться с вами, а вы...

Отец промолчал, вместо этого приподнёс ко рту хлебные крошки и проглотил. После запил чаем. С досадой ушла в другую комнату, где, обняв подушку, горько заплакала. И так пролежала, пока за мной не пришли мама, брат, невестка, чтобы позвать на обед. Сколько бы они не умоляли, не упрашивали, я была непреклонна. Обняв сына, не проронив ни слова, смотрела куда-то далеко. Когда малыш заснул, в дверях показался отец. В одной руке он держал косушку с едой, во второй лепешку.

— Доченька, нужно вовремя кушать, а то желудок испортишь...

Сказав это, он постелил на полу свой надпоясный платок и бережливо поставил хлеб и еду.

— А потом может появиться язва желудка. Ты знаешь, нет хуже этой болезни. Бывает очень уж больно...

Я заметила, как его сильные руки, опутанные вздутыми венами, дрожали. Глубокие морщины придавали его лицу еще более благообразный вид. На мгновение отец перевел на меня свой усталый взгляд. Видя, мой решительный настрой, он глубоко вздохнул и уселся в кресло в углу комнаты.

— Сегодня воскресенье, — сказал он грустно и посмотрел в сторону цветущих урючин и на мой взгляд, немного ожиился. — Весеннее воскресенье! Вот и весна пришла! Настали теплые дни, расцвел урюк. Апрель на дворе. Матушка природа раскроется во всей красе. Чарующий запах весны наполняет каждую клеточку нашего существа...

И тут, облокотившись на подоконник одной рукой, второй приоткрыл створку окна. А я все еще сидела безмолвно и неподвижно, демонстрируя свою обиду. Чтобы не смотреть в сторону отца, гладила пушистые волосы спящего сына.

– И во времена войны весна была такой же, – продолжил отец, задумчиво протирая ладони. – Весеннее пробуждение природы притупляло ужас перед войной, помогало пережить, забыть реальность, перетерпеть происходящее вокруг. В такие минуты всплывали кадры из счастливого детства: вот я в кругу любимых родителей, сестрёнки, которой было суждено жить всего четыре годика. Отчетливо вижу интеллигентное лицо отца, добрую маму с ее красивой черной косой. Но град пуль и снарядов, осыпающий нас, тяжелая поступь гусениц, пронзительные визги пролетающих аэропланов возвращали меня в реальность. И тогда мне хотелось выбежать из окопа и кричать во весь голос: «Почему мы проливаем кровь друг друга? Почему такое происходит?...». Горький ком в горле все время душил, пытаясь вырваться наружу громким криком. При этом я не мог высказать свои мысли, задать вопросы, терзавшие меня. Осознание того, что ты стреляешь в совершенно чужого человека, который не причинил тебе ничего плохого, доставляло боль и мучения. В такие моменты перед глазами стояли немецкие парни – Карл, Себастьян, Пауль – с одной стороны, и я со своими товарищами с другой. Почему мы убиваем друг друга? Ведь до войны я жил в Маргилане, а они в Мюнхене или Дрездене. Не было конца моим размышлениям...

Папа впервые заговорил о войне. И раньше мы очень часто беседовали с ним на разные темы, но он всегда старался обходить эту тему. Папа очень поздно обзавелся семьей, детьми. Когда я появилась на свет, ему было больше пятиде-

сяти лет, и потому мы с братом стали для него светом в окошке: он буквально дрожал над нами, всячески лелеял. В весенние и летние теплые вечера после работы папа усаживал нас на свой велосипед и катал по городу. Затем мы усаживались на скамейку напротив фонтана и лакомились любимым шоколадным мороженым. И тогда папа рассказывал нам интересные истории из своей жизни, и даже тогда ни слова о войне. Когда я или брат интересовались его военными подвигами, он сразу же переводил тему.

— ...На Украине недалеко от Львова наша рота попала в плен. На поезде по дороге в Польшу меня не покидали мучительные размышления, мысли. Нас доставили на окраину города Кракова в концлагерь Освенцим — самое жуткое и страшное место на свете. Немцы называли его Аушвицем, местное население «лагерем смерти»... Лагерь разделялся на три поселения. Вместе с другими заключенными попал во второе отделение. Ежедневно в лагерь поступали все новые и новые заключенные, которых немцы делили на четыре группы. В первую группу входили все, признанные непригодными к работе: прежде всего больные, глубокие старики, инвалиды, дети, пожилые женщины и мужчины, также прибывшие со слабым здоровьем, не среднего роста или комплекции. Несчастные люди тотчас отправлялись в газовые камеры, где находили страшную, мучительную смерть, их тела сжигались в крематориях. Во вторую группу отбирались здоровые, сильные заключенные для тяжелейшей рабской работы в промышленные предприятия, что находились вокруг концлагеря. В третью группу включали близнецов, карликов, людей с неестественными физическими данными, которые затем отправлялись на различные медицинские эксперименты к врачам

Третьего рейха. Четвертая группа, преимущественно красивые женщины, отбирались для личного использования немцами в качестве прислуги или же отдавались в прачечные и столовые военных частей.

Я в составе второй группы был отправлен на работу в тяжелую промышленность, находившаяся в получасах от концлагеря. На заводе производились запасные части для танков, и потому работа была крайне тяжелой и вредной. В цехах было так душно, что к половине дня заключенные становились недееспособными. Целыми днями, словно рабам, нам приходилось выслушивать тяжкие оскорблении немецких надзирателей, терпеть их розги. Кормили нас отваром картофельной кожуры и черствым черным хлебом. Вечером по дороге в барак многие обессиленные люди валились с ног от усталости, и тогда раздосадованные немцы попросту их застреливали. Кто-то, собрав всю силу и мужество, доходил до кирпичных строений, но, поднимаясь на второй этаж, терял сознание. Он вслед за товарищами отправлялся на тот свет.

Мы работали даже в воскресные дни. Здесь жизнь и смерть шли рука об руку. Когда станки выходили из строя или же подлежали ремонту, нам, узникам давали выходные дни, которые приходились на весенние и летние месяцы. В такие дни нас выводили на большую площадь, обнесенную проволочным забором, и держали под открытым небом, будь дождь, град или невыносимая жара. В нашей части лагеря находились четыре газовые камеры и столько же крематорий. В выходные дни мы часто наблюдали, как заключенных вели в эти камеры. Среди них можно было увидеть и совсем еще маленьких. Все знали, что через некоторое время их заживо сожгут. Пока наши затуманенные сознания пытались переварить ситуацию,

из дымоходов крематорий доносился чудовищный запах, от которого всех нас выворачивало. А праха умерщвлённых рядом с крематорием становилось все больше и больше, превращаясь в целую гору. Заключенные, привлеченные для работы в крематориях, один за другим вытаскивали на тачках то, что оставалось от бедных людей. Мучительно больно осознавать, что только недавно они были живы и стойко шли к своей неминуемой смерти.

Однажды, если не ошибаюсь, в апреле 44-го, в очередной выходной день нас выволокли на площадку. Изнеможенные голодом и тяжелыми условиями заключенные походили на живых трупов: с трудом двигаясь, они собирались в одно место. Узников овладел страх, ведь была пасха. Все знали, что в праздничные дни немцы всячески развлекали себя, издаваясь над заключенными. Например, они устраивали соревнования по бегу: первый, добравшийся до финиша, оставался в живых, а остальных троих тут же ждала смерть от града пуль. Если хотели послушать песню, то приказывали некоторым узникам встать в строй вдоль проволочного забора. Один выступал в роли солиста, другие подпевали хором. Горе-исполнителей заставляли петь песни, восхваляющие нацистов. Самое ужасное – это когда заключенных принуждали бегать туда-сюда с поднятой правой рукой, при этом громко произнося клич «Хайль Гитлер!», что доставляло им огромное удовольствие. Особенно эта «развлекалочка» широко использовалась, когда евреев вели в газовые камеры. Заключенные, высоко подняв правую руку, не переводя дыхания, должны были приветствовать предводителя нацистов и под возгласы провожать обреченных в объятия смерти. Если кто-то не де-

лал это должным образом, вслед за евреями отправлялся в газовую камеру.

Но в этот раз надзиратели казались серьезными. От праздничного настроения не было и следа, на лицах этих жестоких страж отражалась неусыпная бдительность, осторожность. Подозрительным оказалось и то, что проверку произвел сам комендант. Эсэсовцы с автоматами в руках стояли смирно поодаль проволочного забора. Издалека показался черный автомобиль. На звук приближающейся машины комендант со своими помощниками выбежал со своего блока и выстроился в ряд. Машина остановилась прямо напротив нас. Из-за дождя, не прекращавшегося всю ночь, она покрылась грязью. «Хайль Гитлер!» – комендант и солдаты в один голос поприветствовали гостя. Прибывший военный чиновник поздоровался со всеми и стал разглядывать округу. Он усталым и грустным взглядом смотрел на пепельную гору рядом с крематорием, на серые и жуткие бараки. Затем подошел к проволочному забору и начал наблюдать за заключенными. Это был широкоплечий статный мужчина сорока пяти-пятидесяти лет. Случайно его взгляд упал в мою сторону, и он жестами подозвал меня к себе. Тут к начальнику подошел переводчик.

– Ты еврей? – спросил офицер, разглядывая меня с ног до головы.

Молодой переводчик переводил каждое его слово.

– Нет, узбек... – ответил я, не поднимая головы.

– Видишь машину? – он указал на свой автомобиль. – За полчаса ты должен вылизать машину. Время пошло

Первый раз я не расслышал его указаний, только после второго объяснения в знак согласия кивнул головой. Водитель машины и один эсэсовец принесли ведро с водой, тряпку и я

принялся за работу. Впервые в жизни я воочию стоял рядом с подобным прогрессом техники, трогал руками. До этого глазел на них только с фотокарточек. У отца был известный в округе караван-сарай. Вот там мне приходилось встречать кокандскую арбу и фаэтоны русских офицеров. Во время коллективизации его отобрали у отца, и потом я уже никогда подобное не встречал. И вот передо мной настоящий автомобиль – черный, блестящий, с мягким сиденьем, да еще с множеством устройствами. Сзади кузова было написано «Мерседес».

Несмотря на иссякшие силы и обморочное состояние, я вымыл машину до блеска. Закончив работу, вернулся в ряды узников. Усевшись на землю и облокотившись на проволочный забор, я переводил дыхание. Начальник в сопровождении коменданта вышел из здания и начал проверять мою работу. Обошел машину, указательным пальцем прошелся по кузову и остался довольным. Затем что-то выкрикнул коменданту, тот в свою очередь, дал указание, стоящему рядом солдату.

Тем временем начальник, облокотившись на кузов, закурил. Вскоре появился солдат, который держал в руках целую тарелку белого свежего хлеба. Начальник вместе с ним подошел к забору и подозвал меня. Ковыляя, я подошел к нему, похлопав по моему костлявому плечу, сказал, что содержимое тарелки теперь моё. В блюдце лежали ломтики белого хлеба, от аромата которого сердце учащенно забилось, и чуть не потерял сознание. Обняв угощенье, я поторопился назад. Увидев пять десяток глаз, мне стало не по себе. В этот момент так хотелось закрыть глаза и досыта поесть вкусного хлеба, однако совесть не позволила поступить эгоистично.

– Возьми Умар! – первым подошел к ташкентскому другу. Он не сразу решился протянуть руку, но после того, как я

второй раз предложил, он отломил кусочек и положил в рот. А оставшуюся половину обратно вернул на блюдце.

– Смотри, какой хлеб! – сказал я, подойдя к молодому парнишке из Таджикистана. – Науфаль, попробуй...

Он тоже взял лишь половинку ломтика. Точно также поступили и остальные заключенные. Последний ломтик отдал казахскому товарищу. Когда я возвращал пустую тарелку солдату, начальник подошел ко мне:

– Ты с ума сошел? – сказал он нервно. – Это было вознаграждение за твою чистую работу. Вместо того, чтобы самому утолить голод, ты всё до последней крошки раздал другим. Почему ты так поступил?..

Перед моими глазами, словно кинолента, пронеслась молоденькая жена Умара Исламбекова, родившаяся перед нашим пленением, старенькая мама Науфала, отец Ниязова, потерявший одну ногу и ещё многие другие.

– Почему ты так сделал? – повторил он свой вопрос.

– Потому что на Родине их ждут родные, любимые люди... А меня... меня дома никто не ждет... – мой голос дрожал.

Услышав мой ответ, офицер тяжело вздохнул. И тогда я посмотрел ему в глаза. В его уставшем взгляде я смог углядеть ещё что-то человеческое. На мгновенье он задумался, затем бросив сигарету, оглядел всех вокруг. С горестью посмотрел на крематорий, на пепельную гору и произнес: «Got vergib uns, wir sind alle Geshopfe».*

Далее раздав указания коменданту, он направился к машине. По пути взглянув в мою сторону, что-то нашептал переводчику. Когда черный автомобиль скрылся из виду, эсэсовец по указанию переводчика поволок меня неизвестно куда. В эти минуты, будто чувствуя свою вину передо мной, мои

друзья все сильнее прижимались к проволочному забору. Их взгляды, полные жалости и отчаяния провожали меня навстречу неминуемой смерти.

— Исламбеков, Чарiev, Ниязов... Друзья мои, не поминайте меня лихом...

Пока мы шли, вся моя жизнь пронеслась перед моими глазами. Мама, папа, сестра... Наш дом... Сад с урючными деревьями... Но мысль, что меня некому оплакивать, помогало принять смерть. По дороге всё шептал молитву, которой научился еще в детстве. Но почему-то солдат отвел меня в столовую. Я молча последовал за ним, затем он приказал сесть за стол. Очень скоро повариха на подносе принесла еду: несколько ломтиков белого хлеба, бифштекс и абрикосовый сок. Пока я переваривал происходящее, напротив меня оказался переводчик.

— Бригадефюрер приказал накормить тебя. Что сидишь, ешь...

Дрожащими руками я поднял ложку. Переводчик, вытащив из кармана блокнот, начал рассматривать маленькую фотографию какой-то женщины.

— Вкусный хлеб? — спросил он улыбаясь.

В ответ кивнул головой. Дрожащими губами, отломив хлеб, принял за мясо. Сразу же почувствовал прилив сил.

— Ты это... не стесняйся. Ешь, на здоровье. — Уже обедненное время. И твоих друзей скоро накормят. С сегодняшнего дня вас будут нормально кормить. Вместо отвара картофельной кожуры станете есть картофель в мундире. Это приказ бригадефюрера. Поставив ложку на блюдо, на мгновенье перевел свой изумленный взгляд на него. Он, не обратив на это внимания, весело спросил:

– Как тебя зовут?

Впервые я мог разглядеть переводчика так близко. Он был такого же возраста, как и я, примерно лет двадцати пяти. С виду приятный, добрый парень.

– Меня зовут Одил – ответил я.

– А меня Рихард. Русский язык учил в Берлинском университете. К сожалению, закончить его не удалось. В 38-м году был призван в армию, так и остался на войне. Рихард еще немного побыв со мной, встал с места и направился к двери. Оглянувшись назад, посмотрел на меня, затем на натюрморт, висевший на стене.

– Очень скоро ваши войска дойдут и до этих мест. Осталось немного... В ближайшее время все закончится...

Через девять месяцев – в конце января 45-го советская армия освободила концлагерь Освенцим. Умар Исламбеков не увидел этот день, незадолго до этого умер от брюшного тифа. А ведь был совсем молодым, он женился в 18 лет, в 19 ушел на фронт. Науфаль глубокой осенью повесился. А еще сколько моих друзей и товарищей не выдержали суровую жизнь концлагеря, и это страшное место стало их последним пристанищем. Только мне, Ниязову и лишь нескольким удалось выжить в лагере смерти...

(Россия)

Ольга Борисова. "Писатель, общественный деятель. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Параллели», «Крылья», журнала «Параллельки». Член Союза писателей России. Автор 19 книг поэзии, прозы."Победитель и призёр различных международных фестивалей и конкурсов."

Письмо из прошлого

Как быстро летит время. Уходят поколения, оставляя нам бесценные документы эпохи, которые мы, в свою очередь, передаём потомкам. Перебирая старые бумаги родителей, я обнаружила письмо, написанное рукой отца М. М. Гура, адресованное В. А. Ставинскому в Ригу. На слегка пожелтевших тетрадных листках размашистым и с детства знакомым почерком описан папин боевой путь с призыва 1943 года и до победного мая 1945 года. Вчитываюсь в драгоценные строчки, и перед глазами невольно оживают картины из прошлого.

9 мая. Папа возвращается с Парада Победы. В руках у него букет тюльпанов. Накрыт стол под цветущими и благоухающими вишнями. Собирается родня, чтобы чествовать ветерана. Во дворе шумно. Весёлый смех разлетается по округе, а затем звучат задушевные русские песни. И, конечно, слёзы.... Вспоминаю его ласковый, тихий голос и на память при-

ходит один из рассказов, поведанный нам однажды за праздничным столом.

Это было в 1944 году. Полк передвигался на новые рубежи фронта по лесисто-болотистой местности Латвии. Идущие впереди дозорные заметили чуть виднеющийся сквозь туманную дымку небольшой хутор. Командир вызвал двух молодых бойцов (одним из которых был папа, которому исполнилось всего восемнадцать лет) и приказал разведать обстановку. Разведчики незамеченными подошли к хутору и увидели немцев. Они смеялись, видимо, в предчувствии хорошего ужина и беспечно поливали друг другу на руки из кувшина. Завершив мытье, вошли в дом. Недалеко от хозяйствских построек стояла привязанная к дереву упряжка лошадей-тяжеловозов, впряженных в пушку со снарядами. Решение о захвате трофея созрело мгновенно. Не мешкая, вскочив на лафет пушки, и, огрев лошадей прикладом, они помчались к расположению своего полка. За этот подвиг два молодых бойца были представлены к награде. Так папа получил свою первую боевую медаль «За Отвагу».

Открываю старенькое удостоверение к медали, где крупными цифрами вписаны номера, стоит печать и красивая витиеватая подпись завершает написанное. Рядом на столе потрёпанная красноармейская книжка с красной звездой на обложке и листами, исписанными синими и уже полинявшими чернилами, где за скучными датами и номерами стоит человеческая жизнь, вплетённая в историю страны. Это наша память, которую бережно храня, я передам своим детям. Как жаль, что знаю о папином боевом пути так мало. Не любил он рассказывать про войну, и на мои многочисленные просьбы отвечал, что не дай Бог никому узнать, что такое война.....

После смерти родителей среди документов я нашла это письмо: «Здравствуйте, уважаемый ветеран В. А. Ставинский! Часто просматриваю газету «Красная Звезда» и рубрику «Отзовитесь, фронтовые друзья». В газете от 14 января 1989 года под заголовком «Просят откликнуться однополчан советы ветеранов» обнаружил 47-ой Невельский ст. див. 119 ст. див. И 101 Казахской бригады. Так вот в 119 ст. дивизии мне пришлось воевать. Служа в ней, я был контужен в лёгкой степени под Ауце и лежал в госпитале в Жагаре. Родился я в 1925 году. Рядовой, на фронт попал с осени 1943 года. Первый бой принял под Невелем, вернее за сам город. Первое ранение, осколочное, получил под Новосокольниками под Великими Луками. После возвращения из госпиталя вновь попал в эти же места и с боями вступил в Латвию. Под городом Виляка был тяжело контужен и после выздоровления – вновь Латвия. Был в Риге, но город был уже освобождён. Под Тукумсом был ранен пулевым ранением в 8 гвардейской див. После выздоровления вновь Латвия. Когда я влился в 119 стрелковую дивизию, честно, не помню. Передо мной лежит Красноармейская книжка. Выписана она 285 ст. див., 1117 полка, а прохождение службы в ней занесены 51 гв. див. 376 ст. див. 119 ст. див. и др. Вот по 119 дивизии 2 стрел. батальон, ком расчета, ст. пулеметчик. Фронты: дважды 2-ой Прибалтийский, один раз – 3-й Прибалтийский. Награждён: медалью «За Отвагу», за «Победу над Германией», орденом «Отечественной войны» первой степени. Остальные – послевоенные награды. Войну закончил прямо на передовой 8 мая. Вечером, когда начало темнеть был бой, а в полночь объявили капитуляцию Германии. И закончил, не доходя, говорили, где-то 14 км от Вентспилса. Так что прошёл всю Латвию, Латгаллию, Лиф-

ляндию и Курляндию, а так же проездом был в Эстонии. После войны побывал в Кандаве, Сабиле, ст. Стенде. С этой станции был направлен в Россию, откуда демобилизован домой по постановлению СНК СССР, по ранению, в октябре 1945 года.

Уважаемый т. Ставинский В. А., у меня к концу войны был очень хороший друг. Закончили войну вместе. Это ваш рижанин, который родился в Риге и вырос там. Это Стrogанов Алексей, 1925 года рождения, и вот не знаю, как его найти. Живой ли? Не могу найти, так как не помню номер нашей дивизии, помню только командира дивизии генерал-майора Полякова. Интересно где он, и как его найти? Может, Вы посоветуете мне? Извините за длинное повествование и, если будет возможность ответить, или необходимость, на Ваше усмотрение.

Всего Вам хорошего. До свидания.

М. Гура. 18 января 1995 г.»

До своего последнего дня жизни папа вспоминал своего друга и очень сожалел, что так его и не нашёл.

Его ранения (из Красноармейской книжки): «Тяжело контужен в 1944 году, легко ранен в правую ногу в 1944 году, легко ранен в правую ногу в 1945 году». И ещё мне хочется рассказать об одном военном эпизоде. Это случилось, когда папа командовал расчётом зенитного орудия в 119-й стрелковой дивизии, 2-ом стрелковом батальоне. Немцы пытались прорвать оборону наших войск и на рубежи бросили танки. «Мясорубка была страшная, и нужно было продержаться до подхода наших войск», – рассказывал он. Остались только два расчёта, и был убит командир батареи. Папа взял командование на себя, и они выстояли. Получив ранение и тяжёлую кон-

тузию, он был отправлен в госпиталь, но перед этим ему сообщили, что его представили к ордену «Красного Знамени». Затем — госпиталь, длительное лечение в другом госпитале, и снова фронт. А награда так и не нашла своего героя.

(Кишинёв)

Наталья Науменко. Родилась 22.01.1942 в России, (г. Саратов) в семье военнослужащего, член Союза писателей им. А.С. Пушкина, автор 4-х поэтических фотоальбомов, 4-х книг и 30-ти лекций о Великой Отечественной войне.

Родина

(Посвящаю отцу моему Д.Н. Науменко, командиру танкового батальона, участнику Первого Парада Победы 24.06.1945)

По берегу Охотского моря шёл боевой офицер и, останавливаясь, то и дело прощупывал землю лопатой. Рядом с ним вприпрыжку шла девочка.

— Вот, — сказал он, и несколько лопат земли полетели в сторону. В неглубокой яме лежал мешок из рогожки.

— Что это, папа?

— Сейчас увидим.

Приподняв мешок и стряхнув с него землю, он слегка надрезал нитки, скреплявшие его края, на руку ему высыпалось несколько желтоватых зёрен.

— Что это?

— Это рис.

— Мы будем его кушать, да, папа?

— Нет, людям его есть нельзя, он подгнивший. Мы будем им кормить...

— Кого?

— Маленьких кабанчиков. Я прикажу солдатам, и они поймают в сопках кабанчиков. Будем кормить их этим рисом. К зиме они вырастут большие, и у солдат будет много свеже-

го, вкусного мяса. Ты же знаешь, что ушёл последний корабль, и придёт он сюда не скоро, в конце мая. Нам надо жить долгую зиму и уже сейчас думать о пропитании.

Они шли и шли по берегу и находили всё новые и новые мешки с рисом.

– Папа, а кто рис закопал? – Японцы.

– А зачем? Ведь он же испортился.

– Они хотели забрать его, да не успели. Они так драпали от нас, что бросили рис на берегу, едва присыпав землёй. Они ведь думали, что вернутся.

– А когда японцы вернутся?

– Никогда, Наташенька, никогда!

И, вскинув зажатую в кулак руку, добавил:

– Вот им, а не Курилы!

Мы стояли на самом кончике Урупа. Перед нами расстилалась сверкающая бликами на солнце морская гладь пролива Фриза. Простор был такой, что казалось, взмахни руками – и полетишь над этой таинственной, чарующей, величественной красотой. А воздух!.. Октябрьский воздух 1948 года был такой прозрачный, что Наташа, стоя, как будто на палубе корабля дальнего плавания, вдруг радостно закричала.

– Земля! Земля! Это Япония, да, папа?

– Нет, доченька, это остров Итуруп, наша, родная земля.

(Кишинёв)

Наталья Явилина. Поэт, писатель, публицист, организатор и ведущая авторских проектов. Выпускница Кишинёвского Государственного педагогического университета имени И. Крянгэ. По окончании присвоена степень Магистра филологии русского языка и литературы, член Союза писателей Молдовы им. А. С. Пушкина. Лауреат премии "Золотой паркет" за 2024 год.

Оберег Надежды

(Посвящается моей маме и всем детям войны)

"Ну что тебе сказать про Сахалин? На острове нормальная погода..." — из радиоточки под потолком комнаты учительского дома раздавался оптимистичный голос Эдуарда Хиля. Ну да — буранная погода считалась нормой на острове, и в городе Невельске, где Надежда с мужем и одиннадцатилетним сыном готовились к переезду. Молодой женщине было не привыкать к перемещениям на дальние расстояния. За свою, ещё не такую длинную, но насыщенную событиями и испытаниями жизнь, судьба перебрасывала её с места на место уже несколько раз. И впереди снова была неблизкая дорога в одну из солнечных республик СССР — Молдавию, куда по распределению военной службы отправляли её мужа — служащего пограничных войск. Николай был старшим прапорщиком, уходил в казарму рано утром и возвращался за полночь, поэтому основные хозяйственные дела и сборы ложились на хрупкие Надеждины плечи. Надя валилась с ног от усталости и была на грани отчаянья от того, что многое не успевает.

— Мам, я дома, пообедал в столовке и... можно теперь к Игорю? Я тебе говорил вчера.

Надежда приобняла вошедшего в комнату разрумянившегося после мороза сына, ласково потрепав его светлые волосы. Сын Костик — худощавый мальчуган с серьёзными выразительными карими глазами, как мог, помогал матери, когда приходил после занятий, но сегодня Надежда отпустила сына на день рождения к школьному другу, понимая, что это, вероятнее всего, будет последним общим праздником для мальчишек перед отъездом, и кто знает, увидятся ли они ещё когда-нибудь? Надя прибегала после проведённых уроков в школе, где преподавала русский язык, литературу и историю, и, наскоро перекусив хлебом с молоком, торопилась паковать вещи. Кое-что приходилось раздавать друзьям и соседям.

В какой-то момент от усталости она плюхнулась на кровать, бережно держа в руках открытку, которую нашла, перебирая документы и от взгляда на которую мгновенно нахлынули воспоминания. Эту открытку-карточку с изображением картины художника-живописца Афанасия Куликова «Степан Разин» ей прислал в сорок третьем на её шестой день рождения отец из блокадного Ленинграда, где он проходил военную службу, принимая самое активное участие в строительстве ледовой трассы на Ладожском озере. Спасительный путь, который назовут Дорогой жизни. Это потом, уже спустя много десятков лет, в период развитых технологий, Надежда узнает из наградного листа, размещенного на сайте moigeroi.ru, что её отец, Василий Астафьевич Астафьев был доставлен в бессознательном, истощённом состоянии в госпиталь, где более месяца военные врачи боролись за его жизнь. Сам отец никогда об этом не упоминал и не рассказывал. Да и вообще ничего о

войне не рассказывал. Только однажды проговорился, что в один из особо тяжёлых периодов, чтобы не умереть от голода, ему с его сослуживцами помогла старуха, варившая суп из дохлой конины, которую откопали где-то у перелеска. Больше отец ничего не говорил, да и здесь, будто жалел, что сказал лишнее. ...

Надя вглядывалась в короткий текст на карточке, написанный красивым каллиграфическим почерком. Открытка была изрядно потрёпана временем и переездами – кое-где были оторваны и потеряны кусочки. Письмо – простым карандашом, поэтому некоторые слова и буквы были едва заметны, из-за чего их теперь с трудом можно было разобрать. Надежда знала содержание этой карточки наизусть, как молитву: «Милая дочка Надюша, получил от тебя привет. Обнимаю тебя крепко и желаю весело погулять и не унывать. Будем надеяться, что скоро (если всё ладом будет) вернусь к вам. Будем жить по-старому. Папа».

Сквозь невольно наворачивающиеся слёзы, губами проговаривая каждое слово, Надежда не заметила, как, прислонив голову на подушку, прикрыла глаза. В полудрёме мощными отдельными вспышками стремительно проносились картинки воспоминаний – подсознание будто долго хранило их, чтобы в своё время вытащить наружу и что-то напомнить...

...Солнце ласкало искристым светом незамысловатую, но уютную атмосферу внутри дома, особенно, словно специально задерживаясь на рамках с семейными фотографиями, ровно разведенными по стенам. Маленькая Надя любила подолгу рассматривать фото своих родных, водя пальчиком по их лицам. Она мало что помнила из своего раннего детства, но эти воспоминания были яркими, как солнечные лучики, за-

полняющие её дом после ночи. Или вот ещё — зимой катание на санках с горочки за их домом со старшими сестрой и братом и другими детишками, живущими по соседству. И усатый добрый сосед со смешной фамилией Чебатушкин (казалось, имеющей что-то общее с частушкой), иногда качавший Надю на своей ноге, как на карусели, частенько в шутку дразнил, что отберёт её валенки за то, что не носит, хоть и ноябрь на дворе. Маленькая Надя принимала угрозу всерьёз и с перепугу, боясь того, что и впрямь отберёт, бежала их прятать.

Одним из светлых воспоминаний был ключ под горочкой, куда все селяне ходили за водой. И, конечно, качели на двух высоченных столбах рядом с просторным светлым домом, недавно отстроенным родителями после переселения из Вологодской области в Ленинградскую, где Надя и появилась на свет в селении Котлы.

Надюша любила сидеть на придворовых качелях, и, задрав голову кверху, долго-долго смотреть в бесконечную синь неба. Из-за тяжёлой самодельной конструкции ей, маленькой и хрупкой, было тяжело раскачиваться самой, поэтому она терпеливо ждала кого-то из взрослых. Те, проходя мимо, не могли отказать девчушке в детской радости. И вот качели, стремительно набирая скорость, уносили счастливую девочку в небо и так же стремительно возвращали обратно. Но Надя в этот момент ничего, кроме неба и уходящих в бесконечность двух столбов, не видела. Она воображала себя маленькой птичкой или даже ангелом, парящим в небесном просторе, где два столба, исчезающие в небе, были двумя тропинками, каждая из которых вела в сказочную страну. И она, маленькая фея, могла легко

полететь в любую сказку. Маленькие белые пальчики крепко держались за поручни качелей. От набранной ими скорости ярко-рыжие волосики с завитушками разевались на ветру, курносый задорный носик смотрел вверх в небо, счастливый смех разносился звонким колокольчиком по всей округе, хотелось кричать "урааа" от переполнявшего сердце простора, свободы и восторга! Вперёд и вверх! В счастливое будущее! Надя в этот миг и правда была похожа на ангелочка.

– И в кого ты у нас такое солнышко? – спрашивали проходящие мимо селяне.

– В дедушкину бороду – он на солнышке лежал, кверху бороду держал! – отвечала услышанной от мамы фразой Надя, смущаясь и краснея.

А в это время из окон дома по всей округе уже разносился аромат маминого пирога с домашней сметаной. Самого вкусного и самого нежного пирога на всём белом свете, тающего во рту.

– Объеденье, – говорила Надюша, а мама, у которой на каждый случай были свои присказки и поговорки, продолжала:

– Объеденье, у кого рот большой, – а потом, обведя всех взглядом, хитро подмигивая, добавляла. – Ну, я смотрю – тут у всех рты не маленькие.

Надя всю жизнь потом будет вспоминать вкус этого чудо-пирога и жалеть, что не успела расспросить маму, как его готовить.

...Вспышка... Счастье внезапно закончилось в один из похожих друг на друга тёплых летних дней сорок первого. От авианалётов и бомбёжки прятались всей семьёй под горочкой, в наскоро вырытых окопах.

...А совсем рядом манила к себе спелая красная ягода. Начинался сезон красной смородины. ...Нужно было срочно уезжать в эвакуацию. Семья Астафьевых смогла выехать только третьим эшелоном. Это потом уже они узнают, что первые два эшелона немцы разбомбили. А пока глава семьи (уже призванный на фронт) на вокзале провожал беременную жену Лиду с тремя детьми – четырнадцатилетним Авениром, восьмилетней Ниной и Надей, которой в августе должно было исполниться четыре. Из пожитков наскоро побросали в сделанный отцом деревянный амбарный сундук кое-какие вещи и запасы еды на первое время: одежду, утварь, крупу, что-то ещё... В попыхах попрощались. Василий обещал жене с детьми скоро увидеться. Он просто не мог этого не обещать.

Эшелон тронулся, оставляя за собой память прожитого, светлого, незабываемого времени, в недавно отстроенном доме с амбаром, всем хозяйством с подсобными помещениями, банькой... И фотографиями в рамках — навсегда оставшимися там, в их счастливой довоенной жизни. До Ярославской области был нелёгкий путь – эшелон могли неоднократно разбомбить, как два предыдущих... Но... состав оставался целым и невредимым до самого конечного пункта. Может быть, благодаря опытному машинисту, который, завидя чёрные точки приближающихся вражеских самолётов, резко тормозил поезд, отчего все находящиеся внутри люди валились с самодельных сидений. А, может благодаря тому, что состав был умело замаскирован ветвями деревьев. А, может, всем находящимся внутри счастливчикам просто суждено было выжить хотя бы в этом эшелоне?.. Вероятно, все вместе взятые причины и следствия мистическим образом действовали на пассажиров внутри, и потому -при завывающих звуках немецких

самолётов и шумно падающих из них бомб – внутри вагонов замирали все, даже, казалось бы, ничего не понимающие грудные младенцы?.. Наде потом всю жизнь будут сниться эти самолёты с отделяющимися свистящими бомбами. И будучи маленькой, она ёщё долго будет кричать во сне завывающим, недетским от ужаса, голосом: «Самолёёёооты», — пугая своим криком родных...

...А пока... каким-то непостижимым образом эшелон прибыл в конечный пункт назначения, где каждого уже ждала своя неминуемая судьба и испытания военного времени. Тяжёлая, голодная жизнь в эвакуации не раз могла отнять жизни у Нади и её родных. И как они все чуть не умерли от голода, когда вороватый завхоз школы Вася-Дёма (так почему-то все его звали) украл из их подсобки каравай хлеба, полученный мамой по карточке на всю семью на неделю, прихватив с хлебом и поллитровую баночку сметаны, которую матери дали за несколько дней тяжёлой работы... Ей приходилось таскать на себе неподъёмные вязанки дров из лесу – заготовки на зиму. И как от безысходности все плакали, а мама, сделав лепёшки из горчицы, наелась ими сама и накормила старших детей, чтобы хоть как-то забить чувство постоянного голода. И как после все отравились этими лепёшками. А Надя тогда их есть не стала... просто не смогла — уж слишком горькими они были.

...А когда Надя заболела коклюшем, кашляя кровью... Мама раздобыла в местной церкви кагор и где-то чудом – сахар, и пережигая его с церковным вином, отпаивала больную дочку. И Надя выжила вопреки всем прогнозам и пошла на поправку. Потом, позже, была цинга, и у Надюши от авитамина-ноза все дёсны были покрыты страшной коркой, отчего все молочные зубы выпали, а коренные долго не росли, и мама

пичкала её японским луком... А скрытая форма туберкулёза, с которой организм каким-то невероятным образом сам справился, и об этом Надежде скажут уже взрослой после одного из медицинских обследований и добавят: "Да Вы не переживайте, у Вас всё хорошо закальцинировалось." Сестра Нина расскажет потом Наде, как много лет назад с ними жила Галина – младшая сестра отца – и уже понимая, что умирает от чахотки, пока никто не видел, укрывалась под одеялом вместе с маленькой Надей и долго-долго на неё дышала...

Что же помогло Наде выжить, несмотря ни на что, в таких условиях? Сильный иммунитет, судьба или Кто-то Свыше? Возможно, всё вместе. ...А вот её младшей сестрёнке Вере не повезло – не повезло родиться в первый год войны и остаться навсегда слабой и болезненной от недоедания. Умрёт она в январе сорок пятого. Казалось, что вместе с трёхлетней малышкой Верой тогда будто умерла и вера в победу... такие вот греховные мысли приходили в минуты отчаянья... но... Надежда продолжала жить и выжила несмотря ни на что, находя в себе силы надеяться и ждать. Как же тогда радовались всей страной долгожданной Победе!

...И отец вернулся живой из блокадного Ленинграда. Впереди ждала новая счастливая жизнь на Сахалине, куда родители решили всей семьёй уехать по программе переселения после окончания войны. И новый счастливый эшелон на Владивосток, и долгая дорога поездом была настоящим приключением. ...Жаль только... родители недолго смогли пожить в мирное время. Обоих подкосила война, и безжалостная коварная болезнь забрала сначала отца, а спустя два года его Лиду. На смертном одре, понимая, что скоро уйдёт, измученный, исхудалый от болезни, отец возьмёт своими тонкими руками

за руки обеих дочерей – Надю и Нину и тихо, но твёрдо скажет: «Девчонки, живите долго и счастливо, растите детей, внуков и правнуков и пусть у всех будет счастливая мирная жизнь ...».

– Мама, мамочка! – Надежда услышала встревоженный голос Костика, открыла глаза и увидела испуганное лицо сына.

– Мамочка, – повторил Костик, – ты плачешь, почему? А что это у тебя в руках? Тебе плохо? Мам, чем тебе помочь? Я сейчас принесу тебе воды. Мальчишка метнулся на кухню, дрожащими руками налил из чайника на плите в стакан воду и, забежав обратно в комнату, протянул его маме.

– Не волнуйся, Костенька, всё хорошо. Я просто очень устала и уснула. Приснилось что-то.

– Мам, правда, всё хорошо? – Костя ещё раз уточнил, заглядывая в глаза матери.

– Да правда, правда, всё хорошо.

– А что это у тебя в руке? Дедушкина открытка?

Надежда молча кивнула.

– Мам..., – сказал уже успокоившийся мальчик. – Мама. Мне с тобой нужно серьёзно поговорить. Помнишь, мы ходили фотографироваться в ателье? Все фотографировались со своими сестричками или братиками, а я – один... Мне очень... Очень нужен братик или... сестричка.

Надежда удивлённо рассмеялась, обняла сына, после чего подмигнув, спросила:

– Зачем же тебе братик или сестричка, только чтобы было с кем фотографироваться?

– Да нет же... То есть и это тоже. Но ведь когда семья большая — веселее...

Надежда взглянула на отцовскую открытку и, посерёзнее, сказала:

– Будет у тебя сестричка, сынок. Не знаю, когда, но обязательно будет.

– Обещаешь, мам? – Костя серьёзно посмотрел на мать.

– Разве я тебя когда-то обманывала? Только и ты уж обещай быть ей защитником и помощником.

– Я... Я буду, мам, обязательно буду.

– Ну, вот и хорошо. А пока бегом мыть руки, будем ужинать.

Надежда погладила пальцами изрядно потёртую, но такую дорогую ей открытку и бережно положила в стопку со всеми важными семейными документами.

Из радиоточки звучала музыка по заявкам радиослушателей.

– Мам, там твоя песня, это о тебе, – Костик потянулся, встав на табуретку, сделать погромче. Из маленькой коробочки доносились слова и музыка новой полюбившейся песни, заполнившей светлым завораживающим звучанием волшебного голоса Анны Герман всё пространство их маленькой квартирки:

*Надежда, мой компас земной,
А удача — награда за смелость.
А песни довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пелось...*

Надежда с сыном слушали песню. Глаза у обоих блестели от счастья. На душе было радостно и спокойно. Впереди их уже ждали новый дом и обязательно светлая жизнь в большой дружной семье с младшей сестрёнкой. А потом они оба – и Костик, и сестричка – вырастут, и у них тоже будут дети и

внуки. А у тех – свои. И так из поколения в поколение. А иначе и быть не может. Главное – сберечь этот хрупкий мир нашей планеты, за который наши великие предки заплатили такую высокую цену, чтобы мы жили долго-долго и обязательно счастливо...

Незримым оберегом Надежды в её эшелоне жизни стало благословение отца, которое она свято хранит вот уже на протяжении шести с половиной десятков лет для своих детей – сына и дочери, внуков, правнуоков и всех будущих поколений... А Надежда, как известно — «наш компас земной»...

(Кишинёв)

Сергей Маслоброд. Родился 1 января 1937 года в селе Дойбаны 2 Дубоссарского района Молдавской АССР. Окончил Кишинёвский сельскохозяйственный институт. Доктор хабилитат биологических наук, до 2020 года главный научный сотрудник АН республики Молдова. Автор 5 научных монографий и научно-популярной книги. Имеет свыше 400 научных и научно-популярных статей. Член СП Молдовы имени А.С. Пушкина. Автор книги стихов «Земные небеса» (2010). Лауреат Первой Премии «Золотой паркер» (2019). Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2024), Лауреат многих литературных конкурсов.

Разговор с отцом

Мой отец Маслоброд Никита Никифорович, старший политрук штаба бригады 3-го Белорусского фронта, 24 июня 1944 года пал смертью храбрых в самом начале знаменитой операции «Багратион», которая по праву считается, как говорит википедия, «одной из крупнейших военных операций за всю историю человечества». В результате её успешного проведения остатки фашистской нечиисти были вышвырнуты с территории Советской Родины, а через год окончательно добиты в её логове – в Берлине. Уверен, что в тот роковой день 24 июня комиссар Маслоброд лично повёл солдат в атаку.

Героический образ отца всю жизнь ассоциируется у меня с политруком, изображённым на знаменитом фото, на котором политрук поднимает солдат в атаку и погибает в этом

бою. Я уже писал и говорил об этом и сейчас буду касаться другой даты моего отца – 21 сентября 2024 года, когда ему исполнилось 120 лет со дня рождения. Вот так получилось – две знаковые даты в одном и том же году. Вторая дата, отсчитываемая от начала жизни отца, настраивает меня говорить в другой, уже не печальной тональности.

Суть человека — это его душа. А душа, как известно, бессмертна. Поэтому мне, ныне физически и нравственно живущему на Земле, вправе обращаться к бессмертной душе отца, а, следовательно, и лично к нему. Я твёрдо придерживаюсь такого мнения благодаря не только вере в восточную философию, но и опираясь на результаты своих многолетних научных исследований, которые однозначно показали, что фотография хорошего человека, ушедшего в мир иной, продолжает излучать в пространство ещё неосознанное официальной наукой поле, свидетельствуя, таким образом, о присутствии возле нас души этого человека. Поэтому я далее буду говорить, обращаясь лично к тебе, папа. Пожалуйста, выслушай монолог сына, для которого ты был и остаёшься примером для подражания, примером патриотизма, благородства, мужества и творческой самореализации.

В мыслях ты всегда со мной, мой дорогой отец. Я всю жизнь ощущаю тебя как талисман и оберег, потому что ты навсегда остался в моей памяти рыцарем без страха и упрёка. Наверняка это пошло от матери, которая с неизменной радостью и даже гордостью, я бы ещё добавил, красочно рассказывала о тебе только хорошее. По её словам, хорошее было свойством характера и поведения твоего с самого детства, потому

что уже тогда вы встречались и дружили, живя по соседству в небольшом селе Дойбаны Дубоссарского района Молдавии.

Но надо уточнить: само село состояло и до сих пор состоит из двух половинок, по сути, из двух сёл, разделённых речушкой Тростянец, и называются эти села Дойбаны-1 и Дойбаны-2. В первом селе разговаривали и разговаривают, в основном, на молдавском языке, а во втором – на украинском. Дойбаны-2 – твоя и мамина малая родина и моя тоже.

Я по малости лет (родился я в 1937 году) мало что лично помню о тебе. Более чётко назову, пожалуй, три воспоминания. Первое из них – ты поднимаешь меня высоко над собою, а у меня – непередаваемое ощущение полёта, сохранившееся во мне на всю жизнь. Второе – когда я, постучав в дверь вашей спальни, подхожу к вам, мои родители, ты сразу встаёшь, выходишь из комнаты и через минуту возвращаешься ко мне с игрушками. Меня тогда до глубины души поразило то, что ты успел так быстро сходить в магазин, где я накануне видел точно такие же игрушки. И, наконец, третье (это уже в начале войны) – мы (мама Матрёна Кузьминична, я и моя младшая сестра Галя) – у машины, которая вот-вот должна увезти нас подальше от фронта. Ты прощаешься с нами и вручаешь маме маленький пистолет в кобуре. Больше этот пистолет мне на глаза не попадался, зато кобура от него долго на зависть моим сверстникам пребывала со мной в качестве драгоценного ложа для уже мною сделанного деревянного пистолета. И была ещё реликвия, имеющая прямое отношение к тебе: твой будёновский шлем с красной полотняной звездой. Представляешь, я в нём, тоже на зависть сверстникам, ходил в школу аж до четвёртого класса. Удивительно, что шлем был как раз на мою голову.

Теперь о реликвии семейного порядка: о фотографиях, на которых была вся наша семья, включая бабушку и дедушку. Особенно мне с сестрой нравились фотографии, сделанные во время твоего с мамой отдыха в Крыму. Глядя на эти фотографии, где, кроме вас, были море, горы, кипарисы, дворцы, «русалка», «Ласточкино гнездо», какой-то татарин, подкарауливающий девушку, и прочее сказочное, мы мысленно как бы переносились в рай. И твёрдо верили, что когда-нибудь мы снова – все вместе! – будем дома, и вы поедете в Крым уже с нами – с сыном и дочерью. Спасибо этим фотографиям, которые нам, эвакуированным в Оренбургскую область (тогда она называлась Чкаловской), поднимали дух и помогали пережить все трудности.

Но главное, папа, у нас было сильное ощущение, что ты откуда-то в самый критический момент нашей жизни всегда приходил нам на помощь. Об этом часто говорила мама и приводила в подтверждение своей мысли убедительные факты. Мы долго не верили, что ты погиб, ведь бывали случаи, что извещения ошибались. Когда мы приехали после войны домой в Дойбаны-2 и стали жить в хате, в которой ты родился, мама, бывало, прислушиваясь к ночным звукам, говорила полушёпотом нам: «Тихо, дети. Кто-то стучится в дверь. Может быть, это наш папа?». И мы замолкали, ожидая с замиранием сердца, что послышится твой голос.

Я часто вызываю в памяти рассказы мамы о тебе, о вашем детстве и юности, о прошлой вашей счастливой семейной жизни. Рассказы мамы я в своём воображении, обычно, разыгрываю в виде некого фильма, в котором я – непременное заинтересованное лицо. Но я могу говорить о тебе, опираясь не только на мамины воспоминания, но и на воспоминания одно-

сельчан, твоих сослуживцев и просто твоих друзей. Мне по-счастливилось с некоторыми из них встретиться. Они с неизменным уважением говорили о тебе, перенося на меня своё тёплое отношение к тебе. Мне так приятно было это слышать! И я, как мог, старался поддерживать марку сына достойного отца. Недаром же мама не раз говорила мне, что в моём характере и в моём поведении она явно видит некоторые черты отца, и поощряла их проявление.

Когда ты, по рассказам мамы, возвращаясь однажды домой после свидания с нею, встретился с несколькими зажиточными сельскими «парубками» (они хотели тебя проучить, чтобы эти свидания прекратились), ты лихо с помощью трости расправился с ними и навсегда их отучил от подобных попыток. Я, следуя твоему примеру, тоже всегда старался быть смелым и умелым и постоянно наращивал мускулы.

Мама говорила, что ты родился в семье бедняка, был начитанным, умел красиво говорить, пересказывал содержание интересных книг (где же ты их только находил?). Бывало, книги вы читали вместе. Удивляюсь, как вам, очень занятым по хозяйству молодым людям, удавалось выкраивать время для чтения, явно не поощряемого родителями. Потом мама, крепко запомнив содержание прочитанного, часто пересказывала его нам, своим детям. Я часто поражался, что благодаря тебе я уже с ранних лет с её уст познакомился с Пушкиным, Джонатаном Свифтом, Александром Дюма и со многими другими писателями, будоражащими воображение с детства.

Ты был рукастым. Делал из подручных материалов бусы и колечки для будущей невесты. Ой, вспомнил: я так смеялся, когда мама рассказала, как ты проучил одного из городских ухарей, типа Голохвастова из фильма «За двумя зайцами». Ты

по договоренности со сверстниками решил его проучить, чтобы он не «пудрил мозги» сельским девушкам. Ты, внешне симпатичный (не то, что я), переоделся в женскую одежду и явился в какую-то хату к нему на свидание. Когда дело стало приближаться к интимному акту, ты резко сбросил с себя одежду – и... В общем, незадачливый ухажёр под улюлюканье твоих друзей, тайно наблюдающих в окно за спектаклем, тут же удрал к себе в город.

Из маминых рассказов я попридержал для читателей то, что решающим образом сказалось на твоём будущем как супруга Матрёны Кузьминичны и как моего отца. Вначале – о твоём неудачном сватанье к ней. Отец мамы, Кузьма Васильевич Дудий, бывший запорожский казак, строгий домашний командир, планировал для дочери завидного жениха из сельских богачей, а не из бедняков, каковым ты являлся. Как только ты вошёл к грозному Дудилю во двор (а он уже знал, с какой целью ты вошёл), он спустил на тебя злую собаку, которая порвала тебе единственые новые штаны. После случившегося вы (ты и невеста), спрятавшись в укромном месте, трезво обсудили ситуацию, при этом невеста починила твои штаны, а ты пообещал ей не отступиться от неё ни в коем случае.

Вскоре ты уехал учиться в город Балту, тогдашнюю столицу Молдавской АССР, входящую в состав Украинской ССР, стал в 23 года первым в селе коммунистом, устроился на работу в Дубоссарский райисполком. В общем, стал заметной фигурой на фоне сельских претендентов на руку трудолюбивой и симпатичной дочери Дудия.

И вот однажды (прости, папа, что я говорю так, как будто я это всё сам видел, а я ведь только пересказываю слова мамы) ты делаешь доклад в сельском клубе, куда собра-

лось практически всё взрослое население нашего маленьского села. Тема твоего доклада – самая что ни на есть животрепещущая: современное политическое положение в молодой советской стране и в мире в целом. Ты прекрасно владеешь материалом, ярко его преподносишь (ведь ты – прирождённый оратор) и находчиво и убедительно отвечаешь на всякие каверзные вопросы, задаваемые слушателями. Некоторые из этих вопросов с подковыркой Дудий через своих дружков задаёт тебе специально.

И вот, уже находясь дома, господин Дудий, порядком обескураженный и смятенный, делится с женой Марьей (она родом из Дойбаны-1) впечатлениями от твоего выступления и начинает каяться: «Каким же я был дурнем, что натравил собаку на Никиту. А он – не гляди, что бедняк – стал большим человеком. Я так виноват перед Матрёной». Но Кузьма и Марья не знали, что Матрёна всё это слышала, спрятавшись на печке. Понятное дело: Матрёна, не мешкая, сразу тебе сообщила: «Пора. Приходи свататься». Так создались все условия, чтобы появилась на свет наша семья.

После Балты ты учился в Одессе и Киеве. Занимал видные государственные посты в райисполкоме городов Дубоссары и Рыбница. Одновременно с 1932 года находился на постоянной воинской службе в городе Рыбница, был старшим политруком батальона, другими словами, комиссаром. У тебя был явный литературный дар, твои статьи печатались в воинских изданиях. Мама говорила, что ты даже начал писать роман, и уже первые главы получили одобриттельный отклик у рецензентов, но в спешке эвакуации мама не прихватила твою рукопись, о чём

всегда горько сожалела. У тебя был хороший слух и хороший голос в смысле пения, как и у мамы, поэтому гости любили слушать ваш дуэт. А я вспоминаю из своего детства и отрочества, что на сельских домашних посиделках мы обязательно все тоже пели, а не только вино пили, закусывая мамалыгой и соленьями.

Хочу тебя, папа, порадовать, что я в составе замечательной делегации от Союза писателей имени Пушкина и с участием руководителя Русского историко-патриотического клуба в Кишинёве совсем недавно, 8 июня 2024 года, побывал на нашей малой родине – в селе Дойбаны, у памятника односельчан, павших во время Великой Отечественной войны. На мраморной плите памятника выгравирована и твоя фамилия. Нас встретили жители села во главе с мэром села Алёной Боровской (чтобы тебе было более понятно, это как бы председатель сельсовета и даже несколько выше; кстати, Матрёна Кузьминична Маслоброд когда-то некоторое время тоже побывала в должности председателя дойбанского сельского совета). А 8 июня у мемориала были хлеб-соль, возложение цветов, эмоциональные речи. Я тоже сказал слово о тебе. Волновался очень, но ты помог мне справиться с волнением и выступить достойно.

Потом я задержался в селе, побывал, скажу прямо, вместе с тобой в наших родительских хатах и хатах родственников, постоял на сельском кладбище у могил наших самых близких людей, начиная с бабушки и дедушки (мама похоронена не в Дойбанах, а в селе Мокра Рыбницкого района, где она в последние годы проживала с дочерью Галей).

Расскажу кратко о себе. В селе Дойбаны и в городе Дубоссары закончил среднюю школу. В Кишинёве закончил

сельхозинститут. Вернулся в село на родину, поработал три года главным инженером колхоза. Потом в Кишинёве поступил в академию наук, стал доктором наук. Вступил в Союз писателей имени Пушкина. Как видишь, тебя не подвожу. У меня сложилась прекрасная семья. О ней я расскажу тебе позже.

Завершу свой монолог своими стихами, посвящёнными тебе.

Как жаль, что ты не дожил до Победы,
Но за неё ты отдал жизнь свою.
А я уже, как видишь, в чине деда,
И до сих пор солдат в твоём строю.
Сверяю свои мысли и поступки
С тобой, отец, кто вечно у руля.
Я в море жизни – вроде малой шлюпки
Возле тебя – большого корабля.
Я столько раз от взрослых с детства слышал:
«Вот батя твой – он человеком был ...».
«Он из села Дойбаны в люди вышел,
Но корни свои помнил и любил ...».
«И тут в селе был первым коммунистом ...».
«И в армии служил как комиссар ...».
«Был ярким, зажигательно речистым»
(Литературный сказывался дар!).
И мне передавалось безыскусно
От земляков, служивых и родни
Какое-то их радостное чувство,
Что вот с тобой общались и они.
И праздничность такого сопричастья
Во мне всю жизнь поддерживала мать,

Рассказывая о семейном счастье -
Да так, что и пером не описать!
И приливалась сила для дерзанья!
Я ощущал, что где-то рядом ты –
И справедливой и могучей дланью
Всегда спасёшь у роковой черты!
Потом узнал из древних книг Востока:
Душа бессмертна, вечен идеал -
И ликовал от детского восторга,
Что я тебя недаром ощущал.
В том-то и сила нерушимой веры
И не страдает знания престиж,
Что из живого поля ноосферы
Ты на меня внимательно глядишь!

(Кишинёв)

Вера Тудосе. Кандидат педагогических наук, доцент. Окончила Кишинёвский государственный педагогический институт имени И.Крянгэ, аспирантуру АПН СССР. Является автором множества научных и публицистических работ. Лауреат Есенинской премии (2016).

Зенитчицы

Война для всех людей – ужасающее, страшное понятие, связанное с гибелью всего живого. Принято считать, что война – это дело мужчин, однако война касалась и женщин, причём по обе стороны фронта. Сражались женщины и в жестокой Второй мировой войне, и их было много: врачи, медсёстры, санитарки, связистки, лётчицы, снайперы, разведчицы...

Хочу рассказать о своей коллеге и наставнике, участнице Великой Отечественной войны – Марии Антоновне Суровцовой, в девичестве Малютиной. Это был удивительный человек огромной, открытой души, сопереживающий всем, кто её окружал, человек неравнодушный, энергичный и оптимистичный, посвятивший свою жизнь воспитанию молодого поколения Молдовы. Её жизненный путь – долгий и нелёгкий.

...Юная девушка в солдатской шинели. Она добровольцем ушла защищать родную землю от агрессоров...

М.А. Суровцова рассказывала:

– Родилась я в России, в Рязанской области, в есенинских местах, в селе Высокое, что совсем недалеко от села

Константиново. Когда мне исполнилось пять лет, вся наша семья переехала в Красноярск. Там я закончила школу, а в сентябре 1941 года поступила на первый курс педагогического института.

Она вспоминала: «Шла война... Эшелоны ребят уезжали на Запад, и мы, девчонский факультет, подали заявления в военкомат, чтобы нас добровольцами отправили на фронт, считая, что война не может закончиться без нас, но нас отправлять никуда не собирались...»

Первый год девушки проучились, но сессию не успели сдать, потому что их призвали в армию в июне 1942 года. Пришли на вокзал одни девчата, их погрузили в вагоны, но вместо запада, к великому их разочарованию, вдруг повезли на восток, поэтому в какой-то степени они были расстроены: ведь они надеялись попасть на западный фронт, а их вместо Запада повезли на Восток. Там, во Владивостоке, бывших студенток обучили обращаться с зенитными орудиями, распределили по батареям, расположенным на границе, и вновь подготовленные солдаты встали на защиту воздушных рубежей страны.

Так прошли 1942 – 1944 годы. Много горя и бед перенесла Мария Антоновна со своими сверстницами-однополчанками: они видели и гибель воинов-сослуживцев, нелепую, страшную смерть юных девушек из медсанбата и гибель мирных жителей...

В августе – сентябре 1945 года М.А. Суровцова служила в действующих частях Военно-Морского флота СССР при отделе контрразведки СМЕРШ. Когда началась война с Японией, то этот отдел вместе с войсками продвигался вглубь Маньчжурии, потому что, отступая, японцы под видом крестьян

оставляли диверсантов, а наши солдаты их вылавливали. Однажды произошёл леденящий душу случай, показывающий, что японцы такие же фашисты, как и немцы.

«С большой земли на самолёте, – вспоминает Мария Антоновна, – к нам доставили медиков: десять девушек-медсестёр и женщину-врача, которые должны были подготовить к работе полевой госпиталь. Их переправили через небольшую речку, помогли обустроиться и оставили там. А на следующий день девушек привезли убитыми… Убили диверсанты их зверски – вспороли животы, то есть сделали харакири… Это было настолько жутко, такое сильное потрясение, что первое время я их без конца во сне видела… Конечно, это была ошибка, что там не выставили охрану, но никто и подумать не мог, что женщин-медиков кто-то тронет, однако оказалось, что у японцев нет ничего святого. Лазутчиков поймали и расстреляли, но молодых, красивых девушек уже невозможно было вернуть…»

Демобилизовавшись из армии в декабре 1945 года, М.А.Суровцова с Дальнего Востока поспешила в Сороки, куда переехала её семья вслед за отцом, направленным на восстановление народного хозяйства Молдавии.

Затем была работа, связанная с воспитанием молодёжи. Это в жизни Марии Антоновны всегда было главным. Она рассказывает: «Вернувшись с войны, я стала работать со школьниками города. Вместе с ними мы организовывали помочь крестьянам, например, сбор колосков после осенней жатвы хлебов. Оказалось, это был весомый вклад в сбор урожая в те голодные послевоенные годы…

Были бригады школьников, которые оказывали помощь инвалидам войны и престарелым людям в организации быта –

так называемые «тимуровские отряды». Ребята находили людей, нуждающихся в их помощи, устанавливали дежурства, оказывая помощь в ведении домашнего хозяйства.

В задачу работников отдела по работе с молодёжью входила и организация агитбригад: в то время существовали постоянно действующие объединения лучших чтецов, певцов, танцоров, самодеятельных драматических артистов и др. Агитбригады выезжали в села, где в клубах, красных уголках давали концерты, ставили спектакли. Самые активные участники художественной самодеятельности поощрялись грамотами, благодарностями, ценными подарками».

Мария Антоновна задумывается, вспоминая прошлое, такое далёкое и близкое... Прошло не одно десятилетие, но о войне помнится всё, как будто это было вчера: жестокие бои, горе вокруг, зверства врагов – героическая фронтовая юность не отпускает...

Почти вся послевоенная деятельность М.А. Суровцевой связана с Кишинёвским государственным педагогическим университетом имени Иона Крянгэ. Окончив в 1951 году филологический факультет этого университета (тогда – института), она стала преподавателем кафедры русского языка. После защиты кандидатской диссертации в 1963 году несколько лет возглавляла кафедру, затем была проректором по воспитательной работе.

Сколько молодых людей прошло через добрую и требовательную душу М.А. Суровцовой! Её студентами были и экс-президент Молдовы П.К Лучинский, и маэстро литературы, известная поэтесса А.А.Коркина, и нынешние преподаватели русского языка и литературы, выбравшие учительскую стезю, ставшие кандидатами наук – Е.Н.Бурачёва, В.И. Тудосе,

В.П.Чебан, декан филологического факультета КГПУ имени И.Крянгэ Г.Г. Топор, ректор этого университета А.А. Барбанигрэ, доктор хабилитат, профессор И.А. Ионова и многие-многие другие, которых она учила профессии филолога-русиста и педагогическому мастерству.

Бывшие студенты утверждают, что лекции и практические занятия М.А.Суровцевой, общение с ней являются одним из самых ярких и светлых воспоминаний об учёбе в вузе. Каждый знал, что эта внешне хрупкая, но необыкновенно сильная духом, добрая и мудрая женщина всегда поможет, научит, поддержит и выручит.

«Мария Антоновна была глубокоуважаемым и всеми любимым Педагогом с большой буквы, которым мы восхищались не только как преподавателем, но и мужественным человеком, прошедшим войну – страшную, разрушительную. Беды и страдания не сломили эту сильную женщину, она всё преодолела и осталась активным и неунывающим человеком. Нам, студентам она передавала свои знания, жизненный опыт, заражала оптимизмом и своей улыбчивой радостью каждого прожитого дня», – вспоминают её ученики, которых – не счесть.

День Победы был главным в её жизни: Мария Антоновна делилась воспоминаниями о годах войны, о тех местах, где пришлось воевать. Она очень хотела дожить до 70-летия долгого её сердцу Праздника, но не дожила всего несколько месяцев.

(Кишинёв)

Надежда Смирнова. Родилась в 1947 г. в Калининградской области. Закончила Ленинградский Политехнический Институт. Издавалась в журналах: «Наше поколение», «Литературный диалог», «Триумф короткого рассказа»,

Партизан

Никак не могу забыть маленькую рыжую дворняжку, приблудившуюся около наших одноэтажных деревянных домиков на четыре семьи в конце пятидесятых годов прошлого века. Военный полигон за городом Луга, окруженный великолепным сосновым бором, где был расквартирован наш танковый полк. И мы, дети военных, привыкшие к грохоту танков, уходящих на ученья, отголоскам стрельбы в те годы играли обычно в войну... Лужский оборонительный рубеж был сильным: буквально в нескольких шагах от домов у дороги, идущей в лес, стоял дот, где мальчишки нашли немецкую каску, пулемёт, патроны. В лесу, неподалёку, стояли еще два дота, а рядом тянулись длинные траншеи линии обороны, за которыми было очаровательное лесное озеро, куда летом мы бегали купаться. Места красивые, диковатые со шрамами прошедшей войны. Все наши военные игры и проходили в лесу. В наших карманах бренчали патроны, а собачонок бегал за нами следом и даже если мы его отгоняли прочь, запрещая походы в лес, он тихонько в стороне пробирался ползком, чтобы его не увидели, за что и прозвали мы его Партизаном. Однажды, играя в разведчиков, мы втроём забрели на незнакомую лесную дорожку, ведущую к большому просвету в лесном массиве. И

вдруг Партизан, бегущий впереди, ощетинился и с рычанием кинулся в нашу сторону, отгоняя нас назад. Мы в замешательстве пытались прогнать его, но он, как бешеный, оскалился и погнал нас обратно. Игра была прервана... Дома мы рассказали родителям о странном поведении собачки и отец попросил нас проводить его к тому месту. Партизан увязался рядом. И опять там же он начал рычать и гнать всех назад. Отец попросил нас отойти подальше и один внимательно осмотрелся вокруг. Опытным взглядом военного, прошедшего войну, он заметил невдалеке растяжку от мины. «Минное поле» – мелькнуло в голове у отца. И он строго скомандовал:

– Быстро домой, а я в часть!

Срочно была вызвана группа сапёров из Ленинграда обследовать этот участок леса. В результате операции разминирования были извлечены и уничтожены сотни мин и погиб молодой сапёр, мальчик лет 18, которого хоронили всем гарнизоном с оружейными выстрелами и слезами на глазах. Это была первая смерть, которую мне пришлось пережить в десять лет, как отголосок прошедшей войны. А маленький Партизан спас наши жизни. Осенью, показав нам свою подружку, он ушёл создавать собачью семью. Больше мы его не видели. Стоял 1957 год. Прошло 12 лет после окончания войны, а она всё ещё убивала...

(Кишинев)

Лариса Коробчану, родилась на Украине, проживаю в Молдове с 1973 года. По профессии музыкант-пианистка, закончила Кишиневскую консерваторию. Являюсь членом Союза писателей им. Пушкина в Молдове. Из увлечений – живопись, участие в выставках, на фестивалях.

Благодарная память

Без эмоций невозможно даже представить те тяжкие моменты, которые переживал советский народ в борьбе с фашистскими захватчиками. Победа в ВОВ была завоёвана советским солдатом, его отвагой, мужеством, доблестью. Цена ей – 27 млн. жизней. Можно ли это забыть, можно ли это простить фашизму, или уничтожить память об этом?

Уходят ветераны войны, в преклонном возрасте и дети её участников. Так случилось, что и в нашей семье все из старшего поколения покинули этот мир и, оказалось, что только я могу поделиться воспоминаниями о войне, благодаря документам, сохранённым в семейном архиве.

История моей семьи – это одна из историй всех семей, которых коснулась война.

Мама-русская, родители её из Оренбурга. Но родилась она, как и две её сестры в Казахстане, куда их отца перевели на работу машинистом товарного состава. В 1941 году маме ещё не исполнилось 16 лет. Не окончив школу, комсомольцы вместе со взрослыми срочно осваивали новые специальности. Приходилось работать в детских садах, госпиталях, выхажи-

вать эвакуированный домашний скот и т.д. Так ковалась Победа в глубоком тылу...

Отец – украинец, уроженец ст. Смела Черкасской обл. В семье было пятеро детей: четыре сына и дочь. Среди них и мой отец. Их школьные годы прошли в Кировоградской области на ст. Помошная (юго – западная ж/д). Весной 1941 года отцу исполнилось 17 лет.

Первую похоронку получила моя бабушка на Николая Вовченко, который погиб на передовой в начале войны, защищая свой родной край. Вторая похоронка пришла в 1943 году на второго сына – Василия Вовченко, руководителя подпольно-диверсионной группы, связанной с партизанским отрядом имени Пожарского, действовавшей на ст. Помошная Кировоградской области, через которую немцы переправляли военную технику, колонны автомашин, оружие... С января 1942 года мой отец – Григорий Вовченко стал членом этой подпольной группы, руководимой братом. Она состояла из 23 человек. По заданию партизанского отряда отчаянные парни устраивали столкновения немецких поездов, подрывали железнодорожную колею, постоянно выводили из строя паровые тяги. Важные детали с автомашин снимали прямо с поезда, после чего эта колонна уже была не на ходу. В паровозных депо устраивали пожары, в комендатуре расклеивали листовки со свежими сообщениями Советского информбюро, совершили налёты на немецкий штаб, уничтожали офицеров, захватывали ящики с патронами, автоматы, рацию... (Эти сведения были собраны теми участниками операций, которые остались в живых, и напечатаны в 60-ых годах в газетах Кировоградской области). И вот при выполнении очередного задания был ранен брат Василий, схвачен вместе с невестой

Женей Хижняк. Последовали жестокие пытки в гестапо... и казнь... Они погибли героями. Их останки после освобождения были перенесены в г. Смела и похоронены вместе с другими мстителями на центральной площади города. В Помощной, на стене дома, в котором росли и жили братья и сестра, установлена Мемориальная доска в память о погибших подпольщиках. И одна из улиц города носит имя Василия Вовченко.

Третий сын танкист Виктор Вовченко пропал без вести после окончания войны... В живых остались только тётя Тамара и мой отец, который после смерти брата Василия до призыва на фронт находился в партизанском отряде имени Пожарского. Нетрудно представить, что испытывал он, молодой парень, собираясь на войну, и как будет мстить за братьев и за свою Родину...

Передо мной лежит оригинал Грамоты Верховного Главнокомандующего, маршала СССР т. Сталина с объявлением благодарности старшему сержанту Вовченко Григорию Кирилловичу, по которой можно проследить весь его боевой путь. Начался он для Гергия в 19 лет с Уманско – Ботошанской операции на 2 Украинском фронте. Весна. Март 1944 года. Освобождение Умани и Христиновки 10.03. Через 6 дней освобождение г. Вапнярки, еще через 3 дня – Могилёв – Полтавского. Выход на государственную границу с Румынией 28.03. Форсирование реки Прут 8.04 1944 года. Участие отца в Ясско – Кишиневской операции началось с прорыва обороны северной части г. Яссы 22.08 1944 года и через 2 дня началось овладение городами Роман, Бакэу, Бырлад, Хуши. 28 августа были освобождены города Фокшаны, Рымнику-Сэрат, уже

при участии 3-го Украинского фронта, на котором отец воевал до конца войны. После Ясско-Кишиневской операции фронт продвинулся на юго-запад по Румынии, где в октябре освобождались города Клуж, Сату-Маре, Карей, Трансильвания. И ещё несколько пунктов в этой благодарственной Грамоте...

В военных операциях по освобождению Венгрии были взяты в декабре 1944 г. Мишкольц, в январе 1945 г. в Чехословакии города Рожнява, Першава. В ходе Венской операции мой отец участвовал в отражении атак 11 танковых дивизий немцев, разгроме их и взятии г. Веспрем 24 марта 1945 г. И ещё одна запись – освобождение болгарского г. Кермен за неделю до капитуляции Германии.

Свой боевой путь отец прошёл от автоматчика до командира артобсчетного орудия, от красноармейца до старшего сержанта. С войны он вернулся только глубокой осенью 1945. Моя бабушка Мария Григорьевна Вовченко каждый день молилась Богу за его спасение... Она бережно хранила документы о наградах сына орденом «Красной Звезды», орденом «Отечественной войны 2 степени», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы» и др. Вот только награждением орденом «Отечественной войны 1 степени» и медалью «Жукова» отец не успел порадоваться, оно произошло после его кончины в 1997 году.

Я горжусь своим отцом, мои сыновья гордятся своим дедушкой. Мы всегда с волнением выходим на «Бессмертный полк», высоко подняв его портрет.

(Кишинёв)

Ирина Чернова. "Литературный псевдоним – Ирина Беляевская. Родилась и живет в Молдове. Училась в Московском государственном институте культуры. Работает главным специалистом в Национальной библиотеке. Печаталась в российских коллективных сборниках, журналах, альманахах. Автор книги лирики «Акварель судьбы». "Лауреат международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2022».

Рыжая

(Русским медсестрам, погибшим в Афганистане, отдав долг своему Отечеству, посвящается)

У неё были удивительно рыжие волосы и белая, как у альбиноса, кожа, круглое лицо с веснушками неожиданно обрамляли сильные скулы, как бы сообщая миру – не заблуждайтесь, я могу и в нос дать. В нашем дворе она была заводицей. Какие «казаки-разбойники» без Рыжей? Однажды, попав в плен, она не только сбежала, но и «языка» привела, мы потом долго праздновали победу. Ребята тянулись к ней. Видимо от природы обладая сильным характером, и ничего особенно не делая для этого, она воздействовала на людей магически. Черная шелковица во дворе была съедена еще зеленой, хрупкие ветки её сломаны, а у ребят поголовно болели животы. Автором сценария была, конечно, Рыжая. Или: завяжем поперек дворовой аллеи ниточку, а как стемнеет, припозднившись прохожий налетит на неё, чертыхаясь, — вот смеху-то было!

Она жила с отцом, который, к слову, был кандидатом геологических наук, на дверях их квартиры висела табличка

«Ескин Е. В., доцент». Забавно и неожиданно было видеть эту табличку в малосемейке, где у многих и двери-то не были покрашены, окошки маленьких кухонь выходили в длинный коридор, наполняя его нехитрыми ароматами. Впрочем, ни отец, ни дочь домоседами не были: ученый Ескин был одержим поисками минералов и рьяно собирал материал для «докторской», Рыжая только рада была такой свободе и постоянно пропадала во дворе. Мать её умерла, когда она была совсем маленькой, отец часто уезжал в экспедиции, поэтому самостоятельной наша Рыжая стала рано, взяв на себя обязанности хозяйки дома.

Вообще-то «рыжую» звали Наташой, но это имя ей не подходило. Наташа должна быть мягкой, нежной, покладистой, а она была не девчонкой, а сорвиголовой. Обладая явными лидерскими качествами, она «строила» весь двор и себя никому в обиду не давала. У неё были свои методы воспитания характера. Например, она могла посадить семилетнего несмышлёныша в троллейбус, сесть вместе с ним, а потом выйти на «конечной» и оставить одного, приговаривая: «Слушай, не хнычь, а соображай, следующий раз запоминай дорогу и учись спрашивать, если потерялся». После такого стресса, ребята быстро «мужали» и даже не пытались жаловаться родителям. Училась она ни шатко, ни валко, потому что не было контроля взрослых, а уверенности и смелости ей было не занимать.

Прошли школьные годы. Рыжая с папой переехала в новый микрорайон, и мы больше не виделись. Кто-то говорил, что Наташка хотела в армию пойти, все качества бесстрашной амазонки у неё имелись – не взяли, так она от злости пошла в медсестры – была она у нас во дворе самой стойкой по части

ранений – ни порезов, ни крови, ни переломов не боялась, да еще и на других прикрикивала:

– Что сопли распустил, не плачь, твоя ранка, как медузе – ракушка.

После училища Рыжая служила в медсанчасти, в городе. Однажды её вызвали к начальнику. Войдя в кабинет, удивилась – в сборо были все медсестры подразделения. Начальник – строгий дядечка весомых достоинств мощным басом спрашивал, кто желает поехать на передовую, в Афганистан. Семейные – встали в оборону, а из свободных оставалась только она, Наташка. Боязно к моджахедам-то ехать, но прapor надавил:

– Ты – молодая, бездетная, если не поедешь, придется других по разнарядке заставить, из семей выдернуть. Пришлось соглашаться.

Офицеры готовились к такой службе в училищах, солдаты – в учебках, только женщин брали без подготовки, с «корабля – на бал» и … машите, крыльышки, взлетая.

Кабул их встретил страшным зноем и пыльной бурей. Войсковая часть 2... мотострелковой дивизии, куда попала Рыжая, находилась недалеко от города К..., на горном плато. Там их бригада оставалась недолго, а после была переброшена в кабульский центральный госпиталь. По ночам, когда обманчивая тишина накрывала эти места, а занавешенная пылью луна едва виднелась сквозь густой песчаный шатер, раздавался резкий свист несущихся снарядов. Днем их траекторию можно было проследить, а ночью снаряды проносились, казалось, повсюду, устраивая какофонию и сея страх. В один из праздников, госпиталь и казармы подверглись мощному обстрелу, многие ребята погибли. Наташку чуть задело осколком, а она лишь усмехнулась, – мало, кто из её коллег мог

похвастаться таким высоким болевым порогом. Операционная медсестра Ася получила тяжелое ранение в ноги, ей грозила ампутация. Наташино сердце дрогнуло, когда она увидела выбежавшую на крыльцо медсестру в шоковом состоянии. После операции её первым же рейсом отправили в Союз.

Медсанчасть тяжело снабжалась водой, цистерны с живительной влагой обстреливались так же, как и другие объекты, а вода была жизненно необходима для операций, да и просто для жизни. Солдат и местных жителей лечили от таких болезней, о которых в её стране уже давно забыли. Тиф, паротит, амебиаз... Болезни для советского человека, оставшиеся в прошлом, здесь – процветали, и Наташа, как и все медики, работала, не считаясь со сном и отдыхом, думая про себя: «Дома отдохну, не на курорте». Погибнуть можно было и в больнице, и под обстрелом в горах, куда санинструкторы выходили с бойцами для прикрытия колонн и десантных бригад. Одна из самых милых и кротких, улыбчивая медсестра Зоя попала под обстрел, поднимаясь в горы с группой ребят из спецназа.

В один из дней Рыжую отправили сопровождать колонну с медикаментами и спиртом для полка, в город. Ехали долго, каменистая дорога, с обрывами по обеим сторонам, петляла, не давая шофёру отвлечься. Внезапно дорогу перегородил грузовик и встал, как вкопанный, перед Камазом. Из засады вырвался огневой шквал. Первыми погибли те, кто был наверху БТРа – у ребят заклинило пулемёт, тогда Наташка, недолго думая, забралась под брюхо нашего грузовика и давай мочить врага, ведя огонь по душманам. Ребята только «мага-

зины» подбрасывали, пока не пришла подмога. В машине ехало крупное начальство, так многие из них в штаны наложили, едва дождавшись конца канонады.

Нельзя сказать, что Рыжая не струхнула, но уникальная способность чувствовать слабую сторону противника и врожденная удасть спасли её от неминуемой гибели. С железным стержнем оказалась наша Рыжая. Когда комдив вручал ей награду «За Отвагу!», зеленые глаза её блестели, и волосы сияли победной рыжиной, нарушив строгий образ военмена.

– За проявленные мужество и героизм..., – торжественно произнес полковник.

– Служу Отечеству! – звонким голосом ответила Рыжая, вытянувшись в струнку, и по загорелому на афганском солнце лицу ее разлился яркий румянец.

ПРОЗА

наших дней

(Кишинёв)

Геннадий Царегородцев. Родился в Кишинёве 17 ноября 1971 года. Поэт, писатель, публицист, автор-исполнитель. Лауреат премии "Золотой Паркер", премии Магистр Большого Поэтического Конкурса Фонда ВСМ и ряда других литературных премий.

«Земля нас кормит»

Ранняя осень стучала в стекло мелким, как песчинки, дождиком. На небе – ни облака. Утреннее солнце, нарушая рамки приличия, заглядывает в окна квартир. Такой дождь обычно грибным называют. Пять утра, воскресенье. Добропорядочные граждане спят, набираясь сил после нелёгкой трудовой недели. Единственный день в неделе, когда можно проснуться без будильника. Без будильника сегодня ни свет, ни заря встал Грибоедов А. С. – тёзка и однофамилец знаковой фигуры в литературе. Но, в отличие от классика, он был далёк от поэзии. Может быть потому, что Спиридович, а не Сергеевич? Жизнь Александра Спиридовича была сплошной прозой... Всю жизнь на родном заводе – токарем. Сейчас, в свой «поптинник» с лишним он – высококвалифицированный специалист. На работе его уважают—даже ровесники Спиридонычём кличут. Но вот работа... Она давно уже проза. И всё-таки было в нём что-то от Грибоедова Александра Сергеевича – настоящая поэзия... Стихами и искусством Спиридоныча были грибы. Только, несмотря на свою фамилию, он их не только ел... «Тихая охота», поход в лес по грибы – как отдушина, как нечто большое, великое в этом мире повседнев-

ности. Сегодня, встав в пять утра, принял душ, позавтракал, оделся, собранный с пятницы рюкзак в руки, и – в путь.

Пост номер один – скамейку у подъезда охраняли бабульки. Казалось, они не спят, они, как проштрафившийся «дневальный», всегда во внеочередном наряде. Вонзая, как нож в спину, одна из них бросила острое замечание проходившему мимо:

– Спиридоныч, чё не спиши, а? Не, ну посмотри – у всех мужики, как мужики, а этот... Бедной Галке эти грибы уже девать некуда...

Спиридоныч, не отвечая, лишь кивнул, здороваясь. Телефон, планшет, «умные часы», подаренные детьми, и прочую «ересь» оставил дома. В лесу всё это – святотатство. В кармане – компас, на запястье часы – механические, заводные, ещё отцовские. Вот и вся техника, всё остальное в лесу – как кобыле бампер...

В 6:15 отъехал пригородный автобус. Часа полтора езды до его заветного леска – подальше от города, подальше от населённых пунктов, подальше от людей. Водители его знают – останавливают там, где попросит, потом им благодарность – грибами.

Старый полуживой автобус, спотыкаясь на дорожных рыхтинах, подбрасывал в воздух, как салют, лопаты, грабли, удочки, рюкзаки, саженцы деревьев и картонные коробки с цыплятами. Спиридоныч в сотый раз рассказывал свою незатейливую, но невероятную историю, случившуюся с ним ещё в армии. На этот раз, судя по инструментарию, слушателем был дачник:

— И вот, понимаешь, выходим из казармы — тарелка над нами висит, летающая. Настоящая. Правда, высоко висит. Себристая такая...

— Врёшь, — не верил дачник, — и что: «Боевая тревога»?

— Да нет, — Спиридоныч не обиделся, он привык — не верят, — Постояли минут сорок, смотрели на неё — висит. Курили, анекдоты травили — висит...

— Ну, а гуманоиды как, даже ручкой не помахали?

— Не было гуманоидов, ничего не было. Разошлись мы по казармам — надоело. Поверь, даже летающая тарелка надоедает, когда просто глаза мозолит, а толку с неё никакого. Шли потом в столовую, а её нет уже — улетела, наверное... А нам что? Улетела, и улетела... Война — войной, а обед — по расписанию.

— Это правильно, — согласился дачник, — толку с твоих инопланетян. Вот у меня картошечка, огурчики, помидорчики... Твоим гуманоидам и не снилось. Они поэтому и зелёные такие — дрянь всякую кушают из тюбиков в своих тарелках. Вон — мужики едут рыбу ловить, ты — по грибы, по ягоды, я — на дачу... Апокалипсис, нашествие инопланетян, ещё какая напасть будет — мы-то выживем. А почему? Нас земля кормит!

Спиридоныч сошёл где-то посередине между двумя полузабытыми людьми и цивилизацией деревеньками. Есть у него здесь заветное местечко, с прошлого года не был. Его место, только его, никому не показывал. Не поляна — грибной «Клондайк». Минут сорок в лес — и он будет на месте... Присел на знакомый пенёк, достал термос, выпил чаю...

Он не спешил. Так сказать, нагуливал аппетит. Прийти, собрать по-быстрому и домой — это удел юношей. Зачем тогда в лес ходить? Грибы и на базаре купить можно. У Спиридо-

ныча за долгие годы каждое движение, каждый жест стали почти ритуальными, а поход за грибами – почти религией.

Всё, теперь можно. На соблазн в виде изредка выглядывающих из-под листьев всяких подберёзовиков, подосиновиков он не обращал внимания. Всё это – суeta. Главный приз, его «джек пот» там – на заветной полянке. Последняя просека, и...

Полянки не было. Точнее, на этом самом месте громоздилось что-то огромное, размером с пятиэтажку. Нет, это не было зданием, скорее – это нечто походило на огромный катер. Правда, опалён он был, полностью в копоти, как будто его паяльной лампой обработали. По самую «ватерлинию» он был зарыт в землю. На сколько хватало взора – вкапывался «катер» долго. Длиннющая борозда в лесу – как подтверждение.

Дверей, люков, иллюминаторов не было. Гладкая обожжённая поверхность, на ней ни вмятины, ни выпуклостей, ни заклёпок каких-нибудь. Подошёл поближе, потрогал – тёплый ещё. Постучал костяшками пальцев – вроде металл. «Он что, с неба свалился? Военные, наверное, испытывали что-то... Нужно сообщить куда следует».

Вернулся на трассу, остановил первую же попутку, объяснил ситуацию, попросил телефон – позвонить. Набрал доблестных защитников правопорядка, обрисовал ситуацию: военный агрегат в лесу потерпел катастрофу, куда звонить – не знает, нужна помошь, возможно, есть потерпевшие. Указал им координаты (все заветные места у него на картах отмечены). Сказали – будут.

Первыми прибыли не представители закона и даже не военные, первыми появились журналисты. «Ясно – слили им информацию».

– Мужик, ты хоть понимаешь, что нашёл?! Это не сенсация, это бомба! Я думал – не доживу, а тут...

– Понимаю я, понимаю..., – ничего не понимая, бубнил Спиридоныч.

Потом появились и блюстители порядка, и военные. Оценили место крушения, сняли показания со Спиридоныча, взяли подпиську о неразглашении... А какое неразглашение? «Четвёртая власть» и сфотографировала, и сняла видео объекта во всех ракурсах. И того, кто нашёл, тоже – во всех ракурсах, и показания с него такие сняли – все разведки мира отдыхают.

Уже вечером местные и мировые СМИ гудели воем сирены: найден НЛО. И фотографии «катера» со Спиридонычом. Он на некоторое время стал звездой экрана – на все телешоу приглашали. И прославился, и денег подзаработал. Даже книгу написали от его имени «И всё-таки они существуют», ну и гонорар, соответственно. После писали, что нашли учёные в «катере» антигравитационный двигатель и генератор беспроводной энергии, черпаемой из окружающего пространства – почти вечный двигатель. Много слухов-плетен было, а потом всё это ушло куда-то, став обыденностью. Как писал когда-то Шекли: «Неведомое перестаёт быть чудом, когда оно становится назойливым».

Ранняя осень стучала в стекло мелким, как песчинки, дождиком. На небе – ни облака, утреннее солнце, нарушая рамки приличия, заглядывает в окна квартир горожан. Такой дождь обычно грибным называют.

Пять утра, воскресенье. Спиридоныч, как обычно, собирался в лес. Двадцать пять лет прошло с того дня, когда он нашёл «тарелку». Ему сегодня... Страшно вспомнить, сколько лет. Но и медицина шагнула вперёд, и он – «огурцом» ещё.

Перстень-телефон оставил дома. В кармане — компас, на запястье часы — механические, заводные, ещё отцовские. Вот и вся техника. Остальное в лесу — лишнее.

У подъезда на скамейке «вечнозелёные», как тайга, бабушки. Ему казалось — те же, что и лет пятьдесят назад. Он кивнул. Они, не здороваясь:

— Гляди-ка, опять пошёл — тарелки свои искать. Бедная Галка... У всех мужики, как мужики, — ну и так далее, и так далее...

В 6:15 отчалил автобус. Поднявшись на антигравитационной подушке, он поплыл над дорогой, спотыкаясь на «колдобинах» гравитационных ям. Салон автобуса забит рюкзаками, удочками, граблями, лопатами да картонными коробками с цыплятами.

Рядом со Спиридонычом — стайка школьников лет пятнадцати. Одетые в камуфляжные костюмы и спортивную форму, они, свалив рюкзаки в кучу, сидели, копаясь в телефонах. Включил перстень — и экран перед тобой, в воздухе висит любого размера на твоё усмотрение. Один из них, как глухонемой, смотрел куда-то вперёд и только рот открывал. Понятно, включил защиту от посторонних глаз и ушей — ни экрана не видно, ни его не слышно. С любимой разговаривает...

Увидеть ребят, отправившихся с рюкзаками и палаткой за город — это такая же редкость в наши дни, как пассажир, читающий книгу в транспорте. Спиридоныч — человек не словоохотливый, но не похвалить не мог:

— Молодцы, ребята! Уважаю!

Часть экранов растворилось в воздухе, остальные школьники просто оторвались от телефонов, все, кроме влюблённого, конечно. А Спиридоныч не скучился на похвалу.

— Вот о чём школьники сегодня мечтают? Телефон покруче, модель чтоб новая... Раньше тоже — из стекла и металла они были, больше ладони, в карман не помещались, а у ребят мысли те же... Вот вам сейчас, после открытия новых двигателей, на орбиту слетать — как на экскурсию. В мои годы, в космосе был — герой. А сегодня? Ни перегрузок, ни вредной радиации... Пенсионеры на орбиту в санаторий летают. Наслушались чепухи, мол, полезно это.

Погасли остальные экраны, даже у влюблённого. Ребята узнали того самого Грибоедова. Не писателя, конечно, а нашедшего тарелку чуть ли не сто лет назад, ещё до их рождения. Один даже, сфотографировав, сверил с данными интернета — точно он.

А Спиридоныч уже не рассказывал — проповедовал:

— А что там на той орбите? Был я, да и вы, наверное, тоже бывали — на экскурсии... Лучше леса, лучше природы ничего нет. Энергетика здесь другая — жить хочется. Вот вы сейчас — картошечку в костре спечёте, потом в озеро — купаться, да ягоды собирать, — подмигнув одному, добавил, — с девочками целоваться. Да и белок не в телефоне, а вживую увидите. Или вон тот мужичок — с рыбкой домой приедет. Думаете, он её купить не может? А из этих цыплят курицы вырастут. Яишицу любите, а? То-то... А картошечку с грибами кто любит, да с солёным огурчиком...? Все эти ваши штучки, — Спиридоныч взглядом показал на перстни, — всё это — проходящее. Я всего этого на своём веку повидал. А вот природа... Она настоящая, она вечная. Нет, и ваши телефоны, и всё остальное — это все хорошо, но главное... Главное — это земля! Земля нас кормит, запомните...

Кишинёв)

Михаил Тимофти. режиссёр, актер, музыкант, профессор. Обладатель почетного звания «Мастер Искусства». Два высших образования – «Режиссура драмы» (Государственная консерватория им. Г. Мусатову – 1971 год) и «Режиссура музыкального театра» (Ленинградская государственная консерватория имени Римского-Корсакова – 1985 год).

Исток"

Стоял весенний, солнечный день. Пение птиц будило щё не совсем одетый сад с тяжелого зимнего сна. Между деревьями появились двое – старик и юноша. Старик нёс лопату, а парнишка – виноградные черенки... Любопытные глаза юноши следили за натруженными руками старика. Они умело вонзили лопату в землю... Старик передал парню черенок, и тот опустил его в ямку. Большая рука старика опустилась на плечо юноши и ласково похлопала его. Саженец за саженцем... И так родился волшебный виноградник.

Старик и юноша приходили сюда каждый день, ухаживали за ним, как за младенцем. Прозрачная вода дала молодому винограднику жизнь. Почки стали набухать, появились первые листочки, маленькие и хрупкие. Старик с любовью гладил молодую лозу. Многим виноградникам дали жизнь эти крепкие, морщинистые руки старика. Но вот на молодую лозу обрушилось несчастье... Град! Руки старика опускались глубоко, в бесчисленное множество белого, холодного жемчуга, с надеждой согреть почти безжизненный корень лозы. Виноградник надо спасать. Много было сделано, чтобы вернуть его к жизни. И, наконец, бес покойные дни и бессонные

ночи были вознаграждены. Виноградник подрос, и старик с сыном подрезали лозу, очищали его. Старик терпеливо показывал сыну, как нужно ухаживать за виноградником, чтобы осенью он был щедрым. Он учил парня чувствовать дыхание лозы, слушать биение её сердца.

Прошло жаркое лето... Лоза сгибалась под тяжестью полных, сочных гроздей винограда. Вот уже которую корзину с виноградом высыпают в бочку старик с сыном. Наступил самый волнующий момент в жизни виноградаря – рождение ВИНА... Льется рекой, искрясь на солнце, драгоценный сок между пальцами старика и юноши. Стонут гроздья в их ладонях. Золотая осень одела виноградник в свою одежду – листья заржавели..., слушая последние, прощальные песни аистов. Старик и юноша укрывают виноградник землёй от заморозков.

Труднее стало работать старику, чаще бьется его сердце и дыхание у него тяжелое. С севера подул холодный ветер, который пригнал тяжелые, свинцовые тучи. И полетели белые мотыльки... Сад сменил свое золотистое одеяние на белое пуховое платье. Старик реже стал навещать свое «детище». Лоза искала теплоту его ладоней. Она издалека прислушивалась к его тяжёлым шагам. Все медленнее передвигался он по двору. Но в один из зимних дней, его шагов больше не стало слышно. Лоза ждала его, искала взглядом... и вдруг, под вечер, с неба покатилась звезда... На утро во дворе появилось много людей... Лоза всматривалась в лица незнакомых людей, но среди них она не нашла старика...

Прошло несколько лет... Между рядами виноградника, появились двое... молодой отец и сын. И опять большие руки отца терпеливо показывали сыну, как ухаживать за виноградной лозой, а любопытные глаза мальчика жадно всматривались в быстрые и ловкие движения.

(Россия)

Александр Халуторных. Родился в 1950 году в семье офицера Советской Армии. Закончил факультет психологии РГСИ. Писать рассказы и повести начал в 2013 году.

Конфликт с деревенскими шабашниками

Несколько лет назад решил взвести на даче очередное строение для комфортного отдыха в летний период. Оно задумывалось как баня с жилым вторым этажом. Любая стройка начинается с фундамента, под который тут же вызвались выкопать траншею трое местных тружеников с простыми, как березовые поленья, лицами. Я сам разметил им фронт работ, выдал рабочий инструмент, рукавицы и выразил желание увидеть результат их ударного труда на следующее утро.

– Не беспокойся, хозяин! Сделаем, как отцу родному! – обнадежили представители недавнего класса-гегемона и робко глянули мне в лицо пустыми, словно дырки в заборе, глазами.
– Хозяин!.. Хашо бы нам какой-нить авансик для розыху!.. Шобы... ну, ты понимашь... шобы в руках сила взялася!

Я с сомнением вгляделся в их подернутые мутной поволокой очи с нежно-алыми, как щеки стыдливой красотки, белками, но все же решил поддержать материально их рабочий оптимизм.

– Будь спок, хозяин! – возликовал народ, живо попрятал банкноты по карманам и рьяно взялся за лопаты, демонстрируя самый, что ни на есть трудовой энтузиазм.

Эйфория, охватившая моих благодарных работников, была так велика, что обманула даже меня. Когда первая лопата вонзилась в дерн, я успокоился и, радуясь, что нашел взаимопонимание с трудовым людом, легкомысленно отбыл по делам, предоставив показать все, на что способны благодарные шабашники, когда эксплуататоры в моем лице идут им навстречу.

На следующий день я слегка запоздал и, сгорая от любопытства, появился на месте траншейно-земляных работ где-то в районе одиннадцати часов утра. Увы, худшие мои опасения подтвердились. Усилие, понадобившееся для первичной пробы грунта, оказалось единственным, на которое оказались способны истомленные жаждой селяне. Три лопаты так и остались стоять воткнутыми в почву по углам размеченной траншеи, а возле забора появилась большая куча пустых бутылок из-под дешёвого плодово-ягодного вина, которое в кругах ценителей называют «Слезы Мичурина». Я насчитал двенадцать внушительных флаконов этого волшебного напитка. «Ого! Ну, и сильны же деревенские мужики!» – невольно восхитился я и, не сдержавшись, добавил ещё что-то из лексикона продвинутой современной интеллигенции, когда она живописует простонародные нравы в своих нетленных шедеврах. Дело в том, что на другой день утром уже пообещали привезти машину бетона для заливки фундамента, а на траншею для него не было даже намека, и еще надо было успеть сделать опалубку.

Делать нечего, облегчив душу, я плюнул и, вспомнив, что «труд облагораживает человека», взялся за рытье траншеи сам. Армейские навыки, усвоенные сорок лет назад в рядах доблестных защитников Советской Родины, оказались самым

положительным образом. Профессиональные приемы владения лопатой, отточенные в километрах вырытых на военной службе траншей, вспомнились автоматически. Работалось споро. Под дециметровым слоем дёрна оказался тощий суглиночок, а на втором штыке пошёл чистый и белый кварцевый песок. К шести часам вечера траншея, глубиной один метр и десять сантиметров, а по углам в один метр сорок сантиметров была готова. Мне даже понравилось.

Едва я натаскал горбылей для опалубки и вооружился пилой, молотком и гвоздями, как появились мои вчерашние работнички. Скорей всего, они с утра где-то ещё разживались очередным авансом и теперь решили проинспектировать объекты своих трудовых подвигов. Они явно не добрали до нужной кондиции и находились в предвкушении предстоящего задушевного разговора.

— Здорово, хозяин! — мрачно поприветствовал меня их лидер — худосочный дяденька неопределенного возраста с наколками перстней на пальцах. Я не стал притворяться приличным человеком и сразу указал им направление для движения в известную сторону. Народ возмутился: «

— Ты чегой— та эта, паря? А?..

Я разъяснил. Их интерпретация существующего положения дел меня изумила:

— Так работа-то сделана! Гони остаток! — сказал их идеолог, нимало не смущаясь очевидным неправдоподобием такого изложения событий. Тут надо признаться, что на заведомо лживое и наглое освещение фактов лучше немедленно отвечать решительным действием, а не проникновенным и вдумчивым словом.

А я, было, (по идиотской привычке всех одухотворенных человеколюбивой отечественной литературой людей) принялся доказывать оппонентам, что они не выполнили взятых на себя обязательств по устному договору, заключенному между высокими договаривающимися сторонами. И сделал вывод, что в результате неисполнения всех пунктов вышеуказанного договора, наш совместный проект ликвидируется, и они могут идти по озвученному ранее адресу к другим (более доверчивым) подателям денежных знаков и материальных благ. На что оппоненты, пользуясь численным превосходством, постарались воздействовать на меня с позиции силы и выразили уверенность, что они непременно «набьют кому-то харю», если им немедленно не дадут причитающихся по договору денег за весь объем работ.

На мое резонное замечание, что нанятые мной граждане к работе, вроде бы, так и не приступали, последовал совершенно выбивший меня из колеи ответ:

– А чем докажешь, хозяин?

Я бесхитросно показал им дулю и культурно пояснил:

– Вот этим!

После чего оппоненты, видимо, решили, что аргументы исчерпаны, опрометчиво посчитали себя грозной силой и полезли драться.

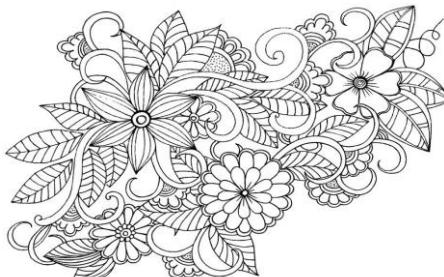
Друзья, если кто-то рассказывает вам о волшебной силе русского мата в рукопашном бою – можете, конечно, поверить. Но! Если у вас есть в прошлом почетные регалии в виде звания чемпиона высшего учебного заведения, или заслуженный упорными стараниями пояс в каком-либо стиле боевых единоборств, или даже просто обыкновенный разряд в боксе, то можете смело выходить против любых сторонников лихих

ежедневных кутежей с неумеренными возлияниями, даже сразу нескольких.

Давно замечено, что лица, профессионально владеющие матом и стаканом, как правило, ничего не смыслят в рукопашном бою. Китайский стиль кунфу «Пьяный мастер» в России не приживается, несмотря на постоянные попытки сделать его широко распространенным национальным видом спорта, так как из-за превратно понимаемого названия «пьяный» истинная суть этого благородного боевого искусства гарантировано ускользает от соискателей звания «мастер».

Хотя мои супротивники были горласты, злы и нетрезвы, а в совокупном умении выражаться непечатными словами, я им, безусловно, сильно уступал, однако, насовал деревенским люмпенам ваш покорный слуга изрядно и почти что с удовольствием.

Я иногда встречаю некоторых из моих спарринг-партнеров на деревенской улице, в сельском магазине и на автобусной остановке. Они сдержанно, но почтительно здороваются. Я с достоинством отвечаю. А что? Почему бы и не ответить, когда тебя привечают честные деревенские труженики? Люди ведь уважают, к тому же, как оказалось, свои в доску, понятливые и смекалистые.

(Кишинев)

Федор Каунов. Родился 1.03 1943 в с. Куничча. Строитель, трудовой стаж 50 лет. Член союза писателей Республики Молдова имени А.С. Пушкина. В 1979 году закончил факультет живописи и графики народного института им. Крупской, г. Москва. Победитель конкурса «золотой Паркер» – (2019).

Грешница в приморском городке Италии

У фонтана на скамеечке сидели две женщины – арабки, в строгой религиозно-мусульманской национальной одежде. Лица, правда, были открыты. Я, желая их порисовать, склонил голову, сложив ладони, приседая, правым коленом коснулся земли. Движением карандаша по блокноту показал своё намерение. Зная, что где-то их мужья бродят по закоулкам магазинов, я не надеялся на их согласие. Получил знак отказа. Мусульманка не принимает самостоятельного решения за пределами своих семейных традиционных обязанностей. На противоположной стороне фонтана мой восьмилетний внук Елисей пинал мяч с двумя арабчатами (почти сверстниками), в сторону которых посматривали сидящие на скамеечке их мамы. Елисей знал несколько слов из английского языка, и с помощью пальцев пояснил ребятам, что я хочу их нарисовать. Мальчишки оставили мяч и с интересом, неподвластным ещё строгим правилам мусульманского этикета для взрослых, позировали, поглядывали на свои изображения и друг на друга. С рисунками побежали к мамам. В это время возле женщин стояла девушка лет 15-16. Она была в легком широком и длинном платье до пят, но без платка, с

открытым лицом. Девушка взяла рисунки у мальчиков, посмотрела в мою сторону. Мальчишки тут же побежали к внуку продолжать пинать мяч. Спустя полминуты девушка отделилась от женщин, решительно шла ко мне. В ее походке было столько независимой гордости, самостоятельно принятого решения, что я был поглощен происходящим моментом, зреющим. Она ловким движением тела созревающей женщины присела рядом со мной на парапет фонтана, и всей своей сутью властно показала мне просьбу нарисовать ее. Откровенно говоря, у меня затеплилась победная гордость и благодарность за предшествующий отказ рисования у старших женщин. Я обязан был сделать достойный рисунок этой смелой небесно-земной гурии. Она быстрым, едва уловимым движением руки сняла приколку с волос и, подчиняясь этому движению, слегка оголилось плечо. Я был поражен увиденным искусством власти красоты, власти греха над мусульманским обычаем. Ребятишки поочередно, отрываясь от мяча, вместе с внуком Елисеем наблюдали, как я рисую сидящую их родственницу. Большим пальцем правой руки они мне поставили фейк. Девчонка взяла рисунок, благодарно улыбнулась, направилась к женщинам. Свободный покрой платья покорно подчинялся движениям стройного молодого тела мусульманской грешницы.

(Россия.)

Людмила Колбасова. Родилась на Дальнем Востоке 15.06.1958 в семье военнослужащего. Высшее образование музыкально-педагогический факультет Киевского педагогического института имени А.М. Горького. В настоящее время проживает в Московской области.

Богатство старости

Она стояла в свете алого заката на высокой прибрежной скале. Солнечные лучи играли на морской глади, едва заметные волны ласкали каменистый берег. Завораживающая красота успокаивала. Майя видела себя со стороны – юную, босоногую, в пёстром ситцевом купальнике. Тугие чёрные косы до пояса. Долговязая, худенькая и счастливая в лёгком неземном покое. Она в очередной раз пыталась прыгнуть. Прыгнуть с крутой скалы в пенящееся внизу море. И в который раз стремилась преодолеть холодающий страх высоты, поднималась на носочки, задерживая дыхание, и... просыпалась. Испуг, сердцебиение и неземное лёгкое счастье от цветного сна незаметно растворялось в утренних часах обыденной жизни. В сетку на окне, жужжа, билась муха. Квохтанье кур во дворе, гомон птиц в саду, шум проезжающего мотоцикла постепенно возвращали Майю к действительности. Тело наполнилось болью и тяжестью. Кряхтя, с трудом опустила опухшие ноги с кровати. Медленно, держась за стены и дверные косяки, вышла на крыльцо.

– Как мать то? – услышала голос соседки.

– Плохо, спит много, как будто в себя уходит, – дочка всхлипнула, – доживает, похоже, последнее.

– Девятый десяток – немало пожила, – соседка задумалась, – да в полной памяти и на своих ногах. О таком только можно мечтать.

Майя опустилась на горячее крыльцо: «И, вправду, зажилась» – подумала. Вспомнила сон и горько усмехнулась: «Опять не прыгнула». Почему, когда подошла к финишу жизни, когда земное уже почти перестало волновать, вдруг всплыли из глубин памяти картины так и не свершившегося полёта, эти далёкие отблески несбыточного счастья и любви? Возможно, это и были самые яркие и счастливые моменты в её судьбе? Отчего же они до сих пор так болезненны и сладки? Или это остатки земного, которое всё ещё держит и не отпускает? Майя понимала, что жизнь её полностью себя исчерпала и готовилась к освобождению души и предстоящему переходу в вечность. Верила в неё и считала, что будет она иной – доброй и лёгкой, совсем не похожей на её земное неприянное и нескладное существование. Надеялась и... мечтала хоть в той неизведанной бесконечности, поборов страх, прыгнуть с высокой скалы и свидеться с Валеркой...

Майя не помнила своих родителей. Осталось лишь несколько фотографий. Отец в военной форме с ромбами в петлицах да мама в строгом костюме с камеей из морской раковины на кружевном воротнике блузки. В сорок первом они вместе ушли на фронт и не вернулись. С начала лета 1941 года Майя гостила у бабушки в Крыму и осталась с ней после 22 июня. Стариков и детей эвакуировали, но они не поехали. Пережили оккупацию, радостно встретили Победу.

Море – безбрежное и бесконечно-волнувшее, каждый день и каждый час разное, очаровывало, притягивало, и было её жизнью.

Как-то на каникулах бабушка повезла Майю в столицу. В Мавзолей ходили, в музей Революции. По Красной площади гуляли, Третьяковскую галерею посетили. Долго смотрела она, затаив дыхание, на полотна Айвазовского:

— Посмотри, бабушка, наше Чёрное море, как живое, дышит. Какой простор, сила! — и запросилась домой. — Душно тут, суетно.

— Ну как, понравилась Москва? — спрашивали соседи.

— Ничего, красиво, — Майя пожимала худенькими плечами, — только моря там нет.

Тревога за внучку вынудила бабушку попросить соседского паренька, на пять лет старше Майи, присматривать за девочкой. Валерка не мог отказать уважаемой на всём побережье вдове, и худая длинноногая смешливая пацанка с тех пор таскалась за ним повсюду. Мальчишка был беззаветным романтиком моря. С детских лет собирал репродукции картин Айвазовского, зачитывался произведениями писателей-маринистов. Он сажал Майю на раму своего вида велосипеда и, преодолевая гористую местность, катал по побережью. На отцовской моторной лодке возил в бухту Ласпи — самую тёплую и живописную в Крыму, где на склонах Главной Горной Гряды дышат вековым покоем сосновые заросли. Водил горными тропами в Храм солнца и рассказывал прочитанные книги, как героические сказки моря. С Валеркой было интересно и надёжно. Она даже преодолела страх высоты и вместе с ним поднималась на скалу, откуда мальчишки прыгали в морскую пучину.

— Майка, давай, не дрейфь, — кричал из воды Валерка, но она, подойдя к краю, вновь испытывала страх, настоящий ужас — до тошноты, до слабости в ногах. И... отступала. Майя

доверяла ему во всём и уже не мыслила жизнь без него. А он всегда был рядом — близкий и заботливый, снисходительный и терпеливый, и всегда готовый помочь.

Как-то, стесняясь, попросила:

— Валера, поехали завтра в город, мне в библиотеку надо, — и опустив глазки, по-детски трогательно сморщила носик.

— У меня смена с обеда, — парнишка подрабатывал летом в рыболовецкой артели.

— Ну, мы быстренько туда и обратно, — не унимаясь, канючила Майка.

Валерка усмехнулся и, жалея смешную девчушку-сироту, согласился. Майя сидела на раме велосипеда, стопка книг была аккуратно привязана к багажнику. Восходящее солнце нещадно палило, и ветер с моря приносил лишь лёгкую прохладу. Велосипед тяжело поднимался в гору по узкой каменистой тропе.

Авария случилась в секунду: лопнуло колесо, руль повело в сторону, и Валерка с Майей кубарем покатились вниз, ударяясь о камни. Разбитые локти, коленки. Увидев кровь на лице парня, она от испуга заплакала.

— Не реви, — Валерка ощупывал ноги девочки, — до свадьбы заживёт, — и подмигнул, улыбаясь. Разорвав рубашку, перевязал её раны и поднял пострадавшую девочку на руки, прихватив и связку книг, с которыми она никак не хотела расстаться.

— Ну, куда от тебя денешься? — для вида проворчал Валерка и, как всегда, улыбнулся. Эта простодушная добрая улыбка, словно волшебным ключиком, открывала дверь в её счастье. В сильных его руках было безопасно и спокойно. Об-

хватив тонкими ручонками шею паренька, девочка смотрела на выгоревшие ресницы, лёгкие веснушки и, встречаясь с Валеркой взглядом, неожиданно для самой себя краснела. Горячее солнце жгло, ослепляло, хотелось пить, но ни одним взглядом или словом, Валерка не выказал усталость и огорчение. Солёными струйками по его шее стекал пот, смешиваясь с кровью, что сочилась из ран на голове, и Майке хотелось нежно промокнуть эти розовые подтёки, чтобы утешить его боль. Трепетно билось сердечко и неизведанные ранее чувства кружили голову. Ушибы, ссадины да лёгкое растяжение – отделались легко.

Вечером Валерка пришёл проводить девчушку. Присел на кровать рядом с ней, а у Майки перехватило дыхание, её бросало то в жар, то в холод, и она не смела поднять глаз. Загорелый, как уголёк со взъерошенным золотистым чубом, он волновал её настолько, что начинало першить в горле. Всем своим детским сердечком Майка поняла, что влюбилась. Но эта их злополучная поездка была последней. Валерке пришла пора идти в армию.

Свои тайны Майя доверяла дневнику. И надо же было такому случиться, что однажды задремала на веранде, оставив недописанную страницу открытой, а бабушка нечаянно прочитала.

– А ну вставай, – размахнулась тонким прутом, – я тебе покажу любовь. Я тебе покажу скалы. Ишь, негодница, решила меня осиротить! Да что я на том свете твоим родителям скажу? Не уберегла? – и долго ещё причитала, гоняясь по двору за изворачивающейся от ударов внучкой. А затем с той же хворостиной побежала в Валеркин двор.

— Ах, ты ж поганец, я тебе самое дорогое доверила, а ты её угробить надумал! — замахивалась и на него.

Вечером Майка, чувствуя себя виноватой, незаметно пробралась к Валерке во двор.

— Расскажи, что читаешь, — несмело пролепетала, не глядя ей в глаза.

— Некогда, Майка, сейчас читать, а вот тебе я хорошую книгу подарю. Он положил руку ей на плечо, и Майя чуть не заплакала от счастья.

— Я буду тебя ждать, — она преданно посмотрела на него.

— Обязательно, — Валерка, смеясь, потрепал её по волосам, — вернусь, возможно, и женюсь на тебе. Ты девчонка отчаянная, мне такие нравятся.

— Валер, — Майка сдвинула брови и, волнуясь, попросила, — давай ещё попробуем прыгнуть. Может, сумею? Хоть один разочек.

И они вновь стояли на высокой скале. Сверкающая лазурная вода под ними отражала всю яркость закатного неба, и лишь лёгкая рябь с кудряшками пены хмурила её поверхность.

— Не робей! — Валерка ловко нырнул и, улыбаясь, манил её руками из воды. — Загадай желание и прыгай, и оно обязательно исполнится. Ты будешь самой счастливой, самой красивой! Майка, прыгай!

Но страх подкашивал ноги, и девочка отступила... Стемнело. Они плавали в серебряных блёстках по дорожке от полной луны и чувствовали себя частичкой первозданной природы.

— Послушай, — тихо говорил Валерка, — слышишь, море поёт и рассказывает нам свои тайны? Оно загадочно покорное

сегодня. И они, слушая шёпот сонных волн, испытывали удивительное родство душ.

– Когда тебе будет плохо, найди эту звезду, – Валера показал на яркую Вегу в созвездии Лиры, – вспомни обо мне, и я обязательно приду тебе на помощь.

Майя кивнула. Не хотелось нарушать словами божественный покой природы и переполнявших её чувств. Она подумала, что Валерка для неё и сам, как звезда в небе. Он зажёг тёплый свет любви в её душе, и казалось, что это навсегда, что теперь до самого конца он будет рядом. А как же могло быть иначе, если они мыслили и чувствовали одинаково, стали близкими, как брат и сестра? Настоящая, взрослая любовь, как искра, как удар током, ещё не созрела в ней, но он стал для неё самым родным, желанным, лучшим человеком на свете.

Поутру небо затянули грозовые тучи, море злилось, играя беспощадным штормом. Огромные высокие волны с мощной силой бились о скалы, словно пытались выплеснуть весь свой гнев. Валерка принёс Майе книгу «Бегущая по волнам».

– Это на память, читай. Приеду – расскажешь. Поняла, моя маленькая Дэзи? – и, улыбаясь, погрозил пальцем готовой разрыдаться девочке.

Валерку забирали во флот, на долгие три года. Его проводы она подсматривала тайком, глотая слёзы. Испуг пронзил её сердечко, когда одноклассница поцеловала его, обещая ждать, но он ответил, что его невеста – безбрежное Чёрное море, и не стоит ей тратить молодые годы на ожидание. Девушка, смутившись, убежала, а Майка обрадовалась и вообразила себе счастье на всю дальнейшую жизнь.

А зимой умерла бабушка, и девочку определили в детский дом. Больше они никогда не встречались. В детском доме

Майка сникла, закрылась, как будто замёрзла. Все годы неласковой жизни в чужих стенах её спасала память о море, солнце и первой детской любви. Заветной тайной была спрятанная под подушкой книга, подаренная Валеркой на прощание. Своего загорелого, веснушчатого романтика моря она называла про себя Томасом Гарвеем, по имени героя любимой книги. А ещё взахлёт читала книги писателей-маринистов, если находила их в библиотеке. Зачитывалась рассказами Станюковича и вспоминала, как смешно Валерка пересказывал про Максимку: «Арапчонок занятный, вроде облизьяны, братцы».

И снились ей ночами море, чайки, высокие скалы и он, её Валерка – стройный, высокий, загорелый… а ещё бабушка, что каждое утро поднимала соседей громким ударом врынду.

Вначале Майка часто плакала, прячась ото всех, а потом смирилась, но душой так и не оттаяла. У неё появились друзья, но она никогда не ходила с ними купаться в мелкой грязной речушке. Майя не могла предать свою память о море. После детского дома, получив профессию ткачихи, осталась работать на фабрике. Стойная, черноволосая, немногословная Майя нравилась мужчинам, но никто из них не мог затмить в её душе романтический образ её Гарвея.

Зачем согласилась выйти замуж за инженера Петра – не поняла и сама. Может потому, что внешне чем-то напомнил Валеру. Но только внешне, как оказалось, потом. Муж был старше её, серьёзный, надёжный, слишком правильный и практичный, и он никогда бы не стал прыгать с высокой скалы в воду.

– Не вижу смысла рисковать, – пожал плечами в ответ на её вопрос и снова уткнулся в газету «Правда».

— Покажи мне звезду Вега в созвездии Лиры, — однажды попросила его в ясную безоблачную ночь.

— Ты лучше под ноги смотри, — муж заботливо поддержал её за локоть...

— Ну, улыбнись, — пыталась дурачиться Майя.

— Чему и зачем? — строгий взгляд из-под очков. И в её памяти оживала тёплая улыбка на веснушчатом лице с выгоревшими ресницами. И те сладостные, незабываемые минуты, когда покоилась на руках Валерки, обнимая его исцарапанную шею. Сердцу становилось тесно в груди, и она, задыхаясь, умолкала, а память несла и несла её по волнам сладостных и мучительных воспоминаний.

Нет, она не застряла в фантазиях о прошлом, не принимая счастья в настоящем. Ей просто нечего было принимать. Строили дом, растили детей и никогда никуда не ездили. Только, бывало, в Москву за одеждой да колбасой. Заботы о детях, доме отодвинули мечты о море в самые дальние, неприкосновенные уголки её души, но они порой отзывались мучительной болью, и тогда Майя строила отпускные планы с поездкой на южный берег Крыма, которым никак не удавалось сбыться.

Она прожила обычную жизнь, без горя и трагедий, но и без особых радостей. Незаметно подросли дети, но теперь стал болеть Пётр. Долго выхаживала его после инфаркта. Но не спасла и осталась одна с тремя дочками-невестами на руках. Тут стало совсем не до воспоминаний. Всех выдала замуж, всем помогла поднять детей. И сейчас жила со старшей дочерью в своём доме, что строили вместе с Петром.

Как же так случилось, что верные друзья детства не встретились в этой жизни? Мы не знаем, как жил и что чув-

ствовал Валера. Тот самый загорелый улыбчивый Валерка из детства, который называл Майку сестрёнкой и в шутку пообещал на ней жениться, а она всем своим детским доверчивым сердечком поверила. Неизвестно, как сложилась и его жизнь. Вспоминал ли он когда-либо маленькую трусишку из своей далёкой юности? И почему не разыскивала его сама Майя? Кто ж теперь ответит?

Внешне жизнь Майи оставалась полноценной и насыщенной событиями, но всё чаще ей хотелось остаться в тишине и одиночестве. Неизбежно и закономерно навалилась усталость. Иссякли для земных дел силы, исчерпали себя иллюзии и надежды. Не страшной, не жестокой и не противоречащей её сердечности и отзывчивости казалась появившаяся с годами привычка спокойно расставаться с уходящими из жизни друзьями, соседями. Она научилась жить в постоянном присутствии болезни и смерти, умом понимая, что впереди уже осталось совсем чуть-чуть.

Всё живое и суетное теряло свой смысл. Поддерживали молитвы и вера. А ещё в душе жили воспоминания, которые ближе к старости становились всё более навязчивыми. Её всё больше радовал сон, ведь в каждом сне она видела море. Лунную дорожку на воде, уходящую к далёким звёздам, Валерку и себя в цветастом купальнике, который сшила ей бабушка из нового ситца, что хранила себе на платье. Она чувствовала на своих волосах её тёплые руки, заплетающие косы, и видела хитрую улыбку, с которой бабушка ударяла в корабельный колокол рано утром. Мир детства жил в её душе и согревал тёплой памятью старое изношенное тело.

Но были и тайные мысли, из-за которых Майя смиренно принимала жизненные скорби. Всё чаще вспоминала она их

последнюю встречу у моря и его незабвенные слова: «Загадай желание и прыгай, и оно обязательно исполнится. Ты будешь самой счастливой, самой красивой. Майка, прыгай...». И сладкая боль поднималась из глубины её страдающей души, и она снова и снова корила себя за свой детский страх и малодушие. Поэтому и не стала она той самой романтичной Дэзи для своего любимого веснушчатого Томаса Гарвея. Поэтому и уплыло в голубую даль её несбывшееся женское счастье...

Рука привычно потянулась к полке и сняла подаренную Валеркой и состарившуюся вместе с ней книгу. Александр Грин, «Бегущая по волнам». Надела очки и стала перечитывать любимые места. Дочка заглянула в комнату, сокрушённо покачала головой.

— Опять Грина читает, — тихо сказал мужу и вздохнула. — Что её там так увлекает?

— Так ты ж сама рассказывала, что она на море выросла, — отозвался он.

— Когда это было...

«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовёт нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватываясь и дорожа каждым днём, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся?» — читала Майя, и дремавшее прошлое просыпалось, окутывало её ласковым, мягко обволакивающим покрывалом. А она, покачиваясь на облаках воспоминаний, с тихой радостью и теплом перебирала в памяти картины своего счастливого приморского детства. Того самого, что оборвалось в горький момент, когда увезли её в детский дом.

И вся последующая жизнь Майи была освещена той потаённой любовью, что, загоревшись маленькой искоркой в детстве, не погасла от разлуки, а всё сильнее и безнадёжнее разгоралась в её душе так и не сбывшимся счастьем.

Однажды Майя, ощущив резкий толчок в сердце, вдруг ясно осознала, что Валерки в этой жизни больше нет, а значит, пришла и её пора... Она погрузилась в воспоминания и не заметила, как растворилась во сне. Дочь заботливо укрыла одеялом спящую мать, поцеловала, перекрестила, аккуратно закрыла книгу и убрала на полку.

Юная, стройная Майка вновь стояла на высокой скале над морем, а свежий, солёный ветер обдувал её загорелое, согретое жаркими лучами тело. Море, тронутое движением лёгкой ряби, сверкало под южным солнцем, манило и успокаивало безмятежностью и величием. Майя доверчиво рассказывала ему о своей жизни, а оно отвечало ей знакомым с детства утешающим шумом. Она взглянула вниз и увидела в набегающих волнах Валерку. Опалённый солнцем, с выгоревшим чубом, юный, стройный, со своей лучезарной улыбкой, он весело махал ей снизу: «Ну, Майка, прыгай, не бойся. Загадай желание...»

И она ответила ему смелым, заливистым смехом, вытянулась, встав на носочки, в струнку и, закрыв глаза, полетела в свободном волшебном полёте. Вода встретила её лёгким толчком и обняла прохладой упоительного блаженства... Она смогла, преодолела и поверила, что теперь будет счастлива...

Утром дочь, заглянув в комнату матери, в горе застыла на пороге: «Отмучилась...» И удивилась необычайно умиротворённой, необыкновенно счастливой лёгкой улыбке, что застыла на восковом лице, покинувшей этот мир Майи.

(Бельцы)

Надежда Савчук. "Родилась в 1962 году на Украине. Окончила Тернопольский финансово-экономический институт. В Молдове с 1985 года. Победитель конкурса «Золотой Паркер».

Мой Гамлет

Очередь возле кассы двигалась медленно. Я невольно разглядывала девушку и молодого человека, которые были передо мной. Они говорили о театре. Девушка, совсем молоденькая, цитировала Шекспира. Шекспира! Это же чудо! (В наше время!). Вдруг она, присев в реверансе, сказала:

– Ваше высочество! Мой милый принц! Мой Гамлет!

Тут я не выдержала и также процитировала:

– *Не верь, что солнце ясно.*

Что звезды – рой огней,

Что правда лгать не властна,

Но верь любви моей...

– Вы играли в театре? – изумленно спросила девушка, уставившись на меня удивлённым взглядом прекрасных юных глаз.

– Нет! – призналась я. – Я любила Гамлета. Но это было очень давно!

Молодая пара смешливо переглянулись и, расплатившись за пакет бубликов с маком, умчались в своё грядущее, а я, медленно выкладывая свои покупки перед кассиром, улыбнулась, пожалуй, впервые за сегодняшний день...

Как рождается и почему умирает любовь? Этот вопрос я задавала себе несколько раз за свою жизнь. Любовь, как со-

стояние души, существует. Я знаю это точно и верю, что она вполне материальна. Ведь что-то же заставляет сердце в груди колотиться, слёзы застилать взор от того, что тот человек так весело общается с другой и не обращает внимания на тебя. Впервые так сильно заколотилось моё сердце тогда, когда мне было четырнадцать. Я шла по улице. Было воскресенье. Я в светлой кофточке и тёмной мини-юбке, а мне навстречу по пустынной улице медленно шагал незнакомец, молодой, но значительно старше меня. Когда мы поравнялись, он улыбнулся мне, а я, растерявшись, сказала:

– Здравствуйте! (У нас в Городке принято было здороваться со всеми).

– Здравствуйте! – весело ответил он.

Кровь моя схлынула куда-то в голову, я почувствовала, что краснею. Накануне я смотрела по телевизору фильм «Гамлет», где в главной роли был Иннокентий Смоктуновский. Незнакомец также, как Гамлет, был светловолос с тёмно-серыми глазами. Оглянувшись, я прошептала: «Гамлет! Это же Гамлет!»

Таинственный незнакомец, как оказалось, поселился недалеко по соседству. Его звали Валерий, он снимал комнату у тётки Приськи, которую прозвывали Петлюриха. Он был «молодой инженер, которого направили на работу после института в наш лесхоз». Это всё я узнала буквально на следующий день. И душа моя замерла от нахлынувшего чего-то такого, чего не было раньше. Конечно, я влюблялась и раньше: то в одного из старшеклассников (мне нравилось то, что он носил очки и был немного похож на какого-то актёра советского кино), то в молодого учителя физкультуры, который хвалил меня за то, что я так хорошо сажусь на продольный шпагат...

Но то, что происходило в моей душе после встречи с молодым инженером, было неописуемо. Его образ стоял у меня перед глазами постоянно. Ночью мне не спалось, я шептала его имя, а днём безжалостно срывала ромашки, чтобы погадать, всплакнуть, если попадёт «не любит». А ещё я поменяла свой путь в магазин. Непременно надо было пройти мимо дома тётки Петлюрихи и оставить на побелённом заборе штакетнике хотя бы три цветочка для «моего Гамлета» ...

Так прошло лето. Пришло первое сентября, и мне надо было собраться, выкинуть всё из головы, ведь я была отличницей, лучшей в классе и необходимо «дер-жать марку» ... Но «мой (ничего не подозревавший) Гамлет» не уходил из моей юной головы. На внутренней обложке общей тетради по русской литературе появилась увитая цветами надпись: «Гамлет! Я тебя люблю!».

Я всегда сидела только на первой парте. Каким образом Васыляка, мой самый буйный и непослушный одноклассник, увидел разукрашенную надпись на обложке, я не знаю, но он долго гоготал над излиянием моей души, выставив меня на смех перед мужской половиной одноклассников и кривые улыбки одноклассниц. Я сделала каменное лицо, ни один мой мускул не дрогнул и подумала: «Никто больше у меня ничего не спишет!» Увы! Васыляка (буиная голова!) не читал того, что читала я, и на уроке русской литературы задал учительнице вопрос: «Кто такой Омлет!» Кое-кто из девочек прыснул со смеху, иные с интересом посмотрели на меня, а Галина Васильевна, удивлённая таким незнанием кулинарии очень быстро и по-деловому объяснила, как приготовить данное блюдо... «Придурок!» – прошипела я, оглянувшись на Васю, и с тоской поняла, что в классе никто не должен знать о моей безнадёж-

ной любви... Не помню уже, каким образом, но мама узнала о моей роковой увлечённости и, иногда, загадочно взглянув в окно, тихо произносила: «Там кто-то с горочки спустился...». Я молнией выскакивала во двор и начинала что-то вешать на верёвке для белья. Валерий учтиво со мной здоровался, пару раз даже сказал: «День добрый, хозяюшка!» В такие моменты моя душа взмывала ввысь, и счастья хватало до следующей встречи. Однако я была здравомыслящей девочкой. Я понимала, что, между нами, пропасть лет (Валера был на девять лет старше меня), что я всё ещё «никто» и зовут меня «никак», а «мой Гамлет» уже инженер,уважаемый взрослый человек. По этой причине я твёрдо решила, что буду поступать после восьмого класса в техникум Госбанка СССР в городе Львове. Оставалось пару месяцев до окончания мною восьмилетки, у меня появился даже друг, мальчик из соседнего села Прилесное, он частенько приходил в наш Городок, и мы медленно прохаживались под луной, даже не взявшись за руки. Образ «моего Гамлета» не покидал меня. В тот памятный субботний вечер мой юный и совсем не интересный мне кавалер провожал меня. Мы обменивались краткими фразами о школе. И вдруг я увидела впереди пару. О! Разве я могла не узнать «моего Гамлета»! Он обнимал за талию Лиду, которая также жила на нашей улице. Она была старше, она слыла модницей...

— У меня болит голова! — сказала я Коле и убежала в темноту ночи. Мне было совсем не страшно. Я плакала. Я страдала... А утром я поспешила к побелённому заборуштакетнику и с изумлением увидела, что все мои ромашки, оставленные для «моего Гамлета», превратились в почерневшее сено... Вот интересно, что бы подумала тётка Приська, если бы обратила внимание на свой забор? Я в сердцах собра-

ла всё своё проявление глупости и выбросила это на кучу мусора. Но чувство моё к Валерию не умерло. Оно стало другим. Повзрослело, что ли? Я не искала больше встречи с «моим Гамлете», не развешивала букетики цветов на побелённом заборе. Я молча страдала. Потом я поступила в престижный (как считалось) техникум и, уезжая из родного дома на учёбу, с тоской подумала, что больше никогда не увижу «моего Гамлете» ... С того дня, когда я, упёршись лбом в стекло вагонного окна, плакала за Валерой, прошло десять лет. За это время я окончила техникум, немного работала в банке по направлению, служила в Советской армии в финансовой части, поступила в финансово-экономический институт, вышла замуж, уехала в Молдавию к мужу. Училась заочно, продолжила действительную военную службу. Когда мне было двадцать пять (три года спустя после нашей с мужем свадьбы), в моей жизни появился мужчина, за которого я, не раздумывая, отдала бы жизнь, ему с первого дня нашей встречи принадлежала моя самая преданная и глубокая, непреходящая любовь. То был маленький мальчик, которого я родила... Но для того, чтобы я могла окончить институт, моя мама в ущерб своему времени и делам, забрала к себе на Украину нашего маленького сына, а я должна была как студент, учащийся заочно, проходить практику, потому что специальность, по которой я училась, не соответствовала моей должности в Советской армии. Я выхлопотала направление на практику в районное отделение Госбанка СССР, поближе к родителям. Был апрель, ясный, тихий и тёплый день, было воскресенье. Снег давно растаял, и нежная зелень чуть-чуть пробивалась к солнцу. Мы с мамой гуляли в центре нашего городка. Мой малыш уже немного топал ножками, но то и дело просился на руки то к бабушке, то

ко мне. Мы встречали знакомых, которые меня давно не видели, и все уверяли, что я «очень похорошела». Может, это и было истиной, ибо, отоспавшись под маминым крыльшком, отдохнув за месяц на практике от очень напряжённой учёбы, я покрылась молодым жирком и даже самой себе начала нравиться. Проблемная беременность (мне ведь пришлось оформить академический отпуск в институте по причине того, что семь из девяти месяцев беременности я находилась в предродовом отделении на сохранении), тяжёлые роды, родившийся слабым наш маленький сын, — всё это уже было в прошлом. Мальчик развивался хорошо, рос, купался в нашей любви... Я была счастлива. Гуляя, мы зашли в кафе купить «что-то вкусненькое к чаю». За столиками сидели какие-то молодые люди, которых я уже не могла узнать, также в зале было двое мужчин, рассматривающих какие-то документы на столе. Мы, как и было принято у нас в городке, чинно со всеми поздоровались. Мама загадочно улыбнулась и шёпотом спросила: «Не узнала?» «Кого?» — также шёпотом спросила я. Мама взглядом показала на мужчин. «Нет!» — честно сказала я. Один из мужчин был с густой чёрной шевелюрой и бородкой, я видела его впервые, но другой был немного лысый и кого-то мне напоминал...

— Это же твой Гамлет! — тихо сказала мама. Я невольно покраснела: — Как? Не узнать его!? И у меня даже сердце не стукнуло быстрее!

Оглянулась я также невольно. Мужчина, который выглядел совсем мне незнакомым, пристально смотрел на меня. Должно быть, заинтересовался тем, что мы, переглядываясь, смотрим в его сторону. В эти минуты во мне родилось странное непреодолимое желание. Оно было чудовищным по своей глупости, невозможно безрассудным. Мне захотелось подойти

к Валерию, сказать: «Здравствуйте!» Потом: «Можно Вас на минуту?» А после (я верила, что он обязательно бросит своего собеседника ради моего сообщения) сказать, глядя в его серые улыбающиеся глаза: «Валерий! Когда-то я была влюблена в Вас! Вы не представляете, как печалилось моё сердце за Вами!» ... А далее?! Что было бы дальше? Он бы растерялся? Или не так! Но как же тогда? Для чего я хотела реанимировать то канувшее в лету детское чувство? Должно быть, это было неловкое осознание сожаления: ведь я так прочно успела забыть своего возлюбленного. Я невольно оглянулась через плечо, Валерий смотрел мне вслед. В его взгляде было что-то прежнее. В моей душе затрепетали неведомые мне доселе струны. Он мне улыбнулся, и я ответила улыбкой. «Будьте счастливы, мой Гамлет! Будьте очень счастливы!» – вздохнула моя душа, а моё сокровище уже показывало пальчиком своё очередное желание: сынок захотел на улицу. В тот день до самого его завершения образ Валерия не покидал меня. Он стал двояким: молодым сероглазым юношей и зрелым мужчиной с такой же обворожительной улыбкой, как десять лет назад. Играя с ребёнком, я много раз проговорила ему:

*Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей...*

А маме так и не смогла объяснить причину своей грусти.

(Бендеры)

Владимир Едапин. Родился в 1976 году в Крыму. Автор сборника короткой прозы «Мысли прохожего» (Новокузнецк, 2013) и более двадцати публикаций в различных литературных журналах, альманахах и коллективных сборниках России, Беларуси, Чехии."Лауреат Национальной литературной премии «Золотое Перо Руи» в номинации «Проза» (Москва, 2013). Победитель VIII Республиканского конкурса на лучший святочный рассказ (Кишинёв, 2024). Шорт-лист XXV Купринского конкурса «Гранатовый браслет» (Пенза, 2024). Член Ассоциации русских писателей РМ.

"

"

Нас двое в комнате "

«Нас двое в комнате: собака моя и я», – любил повторять про себя и вслух бывший лётчик, майор в отставке Осенев, цитируя Тургенева. Когда пёс по кличке Штурман умер, Игорь Петрович снова остался один. В одном уставшем сердце слилось воедино сразу два нерадостных чувства – одиночества, или осиротелости, и горечь утраты близкого существа. Существа, с которым можно было говорить, которому можно было о чём-то рассказывать и даже читать книги. И Игорь Петрович подумал, что собака все эти годы спасала его от привычки говорить с самими собой. По крайней мере, говорить с животными не кажется окружающим чем-то нездоровым.

В то время, когда Осенев ещё не отказался от пустой и глупой надежды «найти спутницу жизни» (это потому, что у него ещё не было собаки) и однажды двоюродная сестра уговарила его на знакомство с «одной хорошей женщиной», привычка «думать вслух» подвела офицера. Накрыв стол, сестра

вдруг вспомнила, что неплохо бы ещё «сбегать за фруктами», оставив потенциальную пару наедине. После мучительно долгих минут молчания Игорь нашёл, по его мнению, наилучший выход из неловкой ситуации – «временно отойти на более выгодные позиции».

– Руки помою, – сказал он, громко откашлялся (это было как бы компенсацией за все невысказанные им слова) и «сбежал от невесты» в ванную комнату. В надежде дождаться возвращения сестры там.

Осенев мыл руки неспешно и тщательно. Под струёй мягкой и тёплой воды плавно потекли и мысли. Сначала, конечно, про себя. Потом – вслух. Сначала – почти шёпотом. Потом – тихим, но всё же голосом. Незаметно для самого себя Игорь Петрович «разговорился»... Говорил о том, что его волновало прямо сейчас, – как давно не общался с женщинами, как это невероятно сложно, тяжело, невыносимо, да и вообще он никогда этого не умел! И зачем он вообще согласился? И так-растак эту сестру!

Во время этого «акта самоанализа» (или почти что «самоисповеди») майор забыл и об «ушедшей за фруктами» сестре и о «хорошой женщине», оставшейся сидеть за накрытым столом в полном и неуютном одиночестве. Каким же ударом для военного лётчика стал тот факт, что всю его «исповедь» – слушали... Выйдя, наконец, из ванной он вздрогнул от неожиданности – в прихожей, почти за самой дверью стояла уже засобиравшаяся сбежать гостья. Она – всё слышала. И это «всё» и «всё слышала» – было ярко и явно отражено на её лице.

– Ой... Простите, – выдавил из себя смущённый и покрасневший Осенев и попытался объясниться, – Понимаете, я уже очень долго живу один... Поговорить – не с кем. И это... Говорить... Вошло в привычку.

— Ничего-ничего, — не менее смущённая женщина в свою очередь попыталась сделать вид, что «ничего страшного», что «ничего не произошло».

Но... на самом деле «привычку» она нашла достаточно настораживающей для того, чтобы связывать свою судьбу, пусть даже ненадолго и только «ради эксперимента», с мужчиной, пусть даже и с бывшим лётчиком.

Следующей «более выгодной позицией» стала уже собственная квартира. «Четыре стены». Пусть даже — их в действительности больше. Отступление. Поражение. Провал. Фиаско. Квартира и — привычная жизнь — наедине с самим собой. Наедине с собой — было спокойно. Но — слишком спокойно. Наедине с собой — было тихо. Но — слишком тихо.

Майор Осенев вспомнил, как однажды в этой «жизни наедине с собой» вдруг появился Штурман. Именно «вдруг». Потому что это «вдруг» побежало за ним во время вечерней прогулки. И это «вдруг» — совершенно логично стало другом по кличке Штурман.

Штурман — сам нашёл человека. Точно. И человеку без «штурмана» — было тоскливо.

— Завтра, — сказал вслух Игорь Петрович, — пойду в питомник.

И там его, непременно, найдёт ещё один друг. И, возможно, он тоже станет Штурманом. Или Джеком. Или ещё кем-нибудь. Главное — что он станет другом.

А Игорь Петрович обязательно будет ему читать.

— Нас двое в комнате, — начнёт он негромким голосом, — собака моя и я...

(Кишинев)

Светлана Лозинская. Родилась 2 октября 1937 года на Украине. В шесть лет уже писала и читала, и даже, написала письмо отцу на фронт. После окончания войны училась в школе. Потом был техникум и институт. Член союза писателей Молдовы им. А.С. Пушкина. На сегодняшний день выпустила более 30 книг. За свои труды награждена 28-ю дипломами и грамотами. "

Десять золотых монет

Варвара проснулась очень рано. Вышла на улицу, взгляном обняла простор, постояла минутки три, зашла в кухню, затопила печь, поставила варить суп и кашу. Потом пошла открыть курятник и приветствовать коровку.

Вернулась в дом, взяла ведро, подумала, что нужно принести воды, когда услышала, что в печной трубе что-то загудело, затрещало, зашипело. Спешно потушила ярко горящие дрова в печи, но где-то там, наверху, где крыша, гул усилился. Выбежала во двор, ахнула – над домом бушевал дым с огнём. Схватилась за голову, закричала, забегала, стала звать людей. Первым прибежал сосед Кирилл, потом с полными вёдрами воды спешила его жена Анна, дед Матвей и второй сосед Григорий. Огонь мгновенно распространялся по всей крыше.

– Лей на меня воду! – приказал Кирилл жене и тут же рванулся в горящий дом, бросая оттуда через окно вещи в виде одежды, обуви, подушек, одеял и т.д. Вокруг бегали люди, пытались потушить пламя, но ... всё было тщетным – огненные языки распространялось быстро, выбрасывая вверх

огромные горящие языки пламени. Когда рухнула крыша, раздался тяжёлый гул, похожий на вздох. В это время Варвара увидела, как к ней бежит её дочь Таня, которая живёт с мужем и дочкой в районе Старой улицы.

— Мамочка! Как это случилось? — заговорила Татьяна, обнимая маму.

— Не знаю. Скорее всего, там что-то обвалилось, туда попала искра … Горе большое. Никогда бы не подумала, что на старости лет останусь без крыши над головой, — плача, причитала Варвара.

Когда огонь стал уменьшаться, приехал председатель Сельского Совета, подошел к Варваре, погоревав с ней немногого, сказал:

— Не переживай так. Не у тебя первой это произошло, не у тебя и последней. Так бывает. Построишь новый. Поможем всем миром. Бог дал тебе крепкого зятя, есть родственники, хорошие соседи. Они не откажут в помощи.

Варвара немного успокоилась, смотрела на оставшиеся обгорелые стены, вздыхала. Когда перестало гореть и даже дымиться, люди разошлись, остался только Кирилл. Подойдя к Варваре, сказал, переступая с ноги на ногу:

— Соберите все ваши вещи, завяжите, оставьте здесь, я их вам сегодня привезу на телеге. Курей и коровку доставлю завтра.

Поблагодарив Кирилла, женщины стали собирать остатки вещей, завязывая в простыни, вдруг Варвара охнув, сказала:

— Смотри, икона! Стекло не разбилось, рамка сохранилась снизу и немного со стороны.

— Действительно не разбилась, — подтвердила Татьяна.

— Это добрый знак.

— Заверну её в полотенце, понесём с собой, — говорит Варвара.

Апрельское солнышко, уже щедрое на тепло, уселось в подворье дома Татьяны, встретило хозяйку и её маму приветливым взглядом, вроде бы тешило, обещая что-то хорошее.

Варвара зашла в кухню, оставила на столе икону, сказала дочери:

— Сегодня утром проснулась, а в груди что-то сжалось, вроде бы заплакало. Я отогнала грусть, подумала, что это от того, что мне почему-то долго не спалось — какие-то тяжелые размышления витали вокруг

— Всё, что произошло, должно было произойти. Минется и эта печаль.

— Верно. Минется, — согласилась мать. — Сейчас приведу в порядок икону. Придётся снять с неё последние кусочки рамки. Некоторое время будет без неё. Позже купим и восстановим.

Варвара провела рукой по иконному стеклу, перекрестилась, потрогала нижнюю часть рамы, глянула на дочь, сказала с удивлением:

— Не поняла. Нижняя часть толще, чем верхняя. Посмотри и ты.

— Действительно, нижняя часть другая, — соглашается Татьяна.

— Сейчас попробую оторвать картонку, посмотрим, что это такое, — рассуждает мама, и, приложив усилие, оттянула уголок склеенных листочеков, но как-то неожиданно оттуда выпала на стол монета. Женщины переглянулись. Таня взяла монетку, посмотрела, сказала с удивлением:

— Золотая. На ней написано 10 грамм.

– Неужели? Вот так отец! А я-то не догадалась, когда он дарил мне эту икону, ничего не сказал. Отрывая дальние картон, Варвара ахнула – оттуда посыпалось несколько золотых монет.

– Быстро закрой дверь, – сказала дочери.

Через пару минут, пересматривая клад, улыбались, не понимая, как к ним пришло такое богатство.

– Их тут ровно десять, – сообщает Таня.

– Необходимо сразу спрятать, – тихо произнесла мама.

– У меня есть коробочка от пудры. В неё мы их и поместим. Оставим в ящике гардероба, – собирая монеты, сбиваясь, рассказывает Таня, и тут же спрашивает маму: – Как же так вышло, что ты не знала о них?

– Теперь, кажется, знаю, в чём дело.

– Давай, сначала налью тебе кружку тёплого молока. Ты ведь сегодня ещё ничего не ела, – торопится дочь.

– А я тем временем буду вспоминать прошлое. Ты помнишь своего деда, моего отца?

– Конечно, помню.

– Скорее всего, всё это связано с родом моего папеньки, – открывая занавеску на окне, задумчиво говорит Варвара. – Он выходец с городка, но, любовь привела его в село, где он и остался жить. Связь со своим родителем отец не прекращал, а его отец, крепенький горожанин, имел две мастерские по изготовлению и ремонту обуви. Вскоре эти мастерские он объединил, прикупив для них соответственное помещение. Свой дом тоже перестроил – по-новому, богаче и знатней. Мой старший брат Григорий, а он старше меня на восемь лет, очень любил городок, деда и бабушку, и, подрастая, жил у них, учился двум ремёслам, мечтал стать богатым. Но не все-

гда сбываются планы людей. Время – начало 1900-х – было сложное и непонятное. Войны, революция, банды и тяжелые события качало историю в разные стороны. Именно тогда, Петр Тимофеевич, отец моего папеньки, продал своё довольно большое производство, устроил в частном жилище небольшую мастерскую по ремонту обуви, и сам им занялся. Говорил, что так он будет выживать, в труднейшее время. С ним там трудился и мой братик: как говорится – набивал руку полезным делом. Именно тогда, я случайно услышала от родителя, что мой дед, на деньги от продажи мастерских приобрёл золото. Какое это было золото – я не знала и не интересовалась. Но, как оказалось, он его купил не зря.

– Подожди, кажется, кто-то ведет разговор возле нашей калитки, – почти шепотом произносит Таня.

– Пусть заходят. Мы своё дело сделали, – ломая хлеб, улыбнулась Варвара.

– Нет. Прошли мимо, – сообщает дочь.

– Хорошо. Я продолжу воспоминания. Время вроде бы кривилось и восстанавливалось у властных структур. Не было стабильности, как говорится: то красные, то белые. Отец молчал, мама не вмешивалась в такие дела, а я была ещё совсем ребёнком. Но всё-таки победили красные, и стала устанавливаться новая власть – советская. Многие никак не могли её принять – как же так – всё совместное, неизведанное еще людьми, поэтому и не было единения. А тут пришёл 1933-й год – год ужасного голода. Город требовал от села продуктов питания, а где их брать, когда засуха и неурожай. Крестьянам самим не было, что есть. Именно тогда мой папаня стал ездить в городок к своим родителям. Как там всё было – не ведаю. Зато отец привозил оттуда немного муки, крупы, подсолнеч-

ногого масла, маргарин и т.д. Всё это помещалось в небольших торбах. В доме, очень тихонечко говорили, что дед Тимофея даёт отцу золотые монеты, на которые папенька покупает продукты.

Кроме нашей семьи в селе проживали родители мамы, не очень богатые, но грамотные люди – мамин отец был учителем. Мой родитель делился продуктами с ними и ещё с некоторыми родичами, иначе бы их ждала бы голодная смерть. Именно тогда, в одном разговоре мой папенька сказал, что его отец горестно признался, якобы золотые монеты, которые он отложил, как приданное для внучки – приходится пускать на выживание.

– Выходит, ты должна была стать богатой невестой, – вздыхает Таня.

– Должна была. Правда, три золотых монетки мне дали в день свадьбы от имени папиного отца, то есть моего дедушки, которого в то время уже не было в живых. Я их использовала в 1947-ом году во время голодовки. Остальные, как я сегодня поняла, родитель спрятал в иконе.

– Тогда, почему он о них тебе не рассказал?

– Пытался, но не успел. Мой отец в один несчастливый для него день упал на камень, потерял сознание и... речь. Мы его подняли, перенесли в дом, положили на кровать, а он стал нам с мамой что-то объяснять, а что это было – не поняли. Единственное, что уразумели: он показывал нам на икону, повторяя глухо, что она принадлежит мне. Его слова были похожи на отдельные звуки, как мычание, он повторял: золото ... трудно... приданое...

— Скорее всего, он хотел сказать, что там золотые монеты для тебя. И если будет очень трудно, они тебе помогут, — произнесла тихо Таня.

— Согласна. Вот и настал час, когда денежки помогут мне при строительстве нового дома, — встаёт со стула Варвара, и, широко перекрестившись, спросила:

— Где мы установим икону?

— В посудном шкафу. Нижняя полка там большая. Икона поместится. Немного позже купим для неё раму, — кивая головой, рассуждает дочь.

— То, что мы нашли золото — это прекрасно. А как мы его превратим в бумажные деньги? — вытирая чашку, задумчиво рассуждает Варвара.

— Тебе, с этим кладом нужно ехать к твоей троюродной сестре в областной центр. Как ни как — тетка Марта работает бухгалтером, муж её механик, значит они не простые рабочие. Должны помочь, — утвердительно решает вопрос дочь.

— Тогда я ей завтра отправлю письмо. Сообщу, что у нас случилось несчастье. Она ответит. И я тут же поеду к ней. Людям скажем, якобы Марта решила мне помочь, просила приехать.

... Через две недели после того, как сгорел дом у Варвары, она съездила к родственнице в город, а, вернувшись, радостно рассказывала людям, что Марта дала ей немного денег, а ещё — предложила взаймы, с тем, что отдавать придётся через два годика. А вот дочери и зятю тихонечко передала — она продала скупщику три золотых монеты. Денег взяла не мало, а скупщик предложил, если она надумает продать ещё — заплатит больше.

… Работа на строительстве дома Варвары началась в мае месяце и тянулась до конца лета. К зиме в новом месте усадьбы Варвары стоял хороший дом, правда, с крышей, но без окон и дверей. Следующая весна и лето принесли высокую радость – хозяйка нового жилища переселилась жить в благословенную обитель. На радостях Варя на новоселье пригласила всех, кто принимал участие в помощи строительства дома, отмечая праздник накрытыми столами в новом подворье. Люди шли к ней не с пустыми руками – несли всё, кто что мог: посуду, полотенца, одежду, хозяйственный инвентарь. Тетка Параска, самая старая жительница села, принесла посуду для варки варенья. Смех и песни, радость и настроение ширилось, смеялось, переливаясь добрыми словами и щедрыми пожеланиями для хозяйки дома – женщины доброй, умной и рассудительной.

Когда гости разошлись, Варвара вымыв посуду, оглянулась, всё ли она сделала, и, приклонив колени, завела разговор с иконой, которая висела у неё в комнате на главном месте. В словах женщины жила вся её жизнь – от рождения до зрелых лет, когда произошёл грустный случай – сгорел дом. Но Бог не обошёл её, он помог с кладом золотых монет, которые давненько были предназначены ей заветом её дедушки и отца, чтобы в самый трудный жизненный случай использовать их. И этот случай произошел.

… Год за годом – время уносит всё, чем и как живёт Варвара. А жила она в новом доме, прикупив немного мебели, создав снова своё небольшое хозяйство, тешась трудом и детьми, дочерью, зятем и внучкой Софией. А когда внуценька окончила школу и медицинское училище, устроилась работать в сельской больнице, встретила парня, который год назад при-

ехал в село по назначению на должность агронома. Свадьба была красивой и светлой, какой-то очень праздничной и счастливой.

Осеннее время сентября дарит людям хорошие настроение. Люди радостно собирают урожай фруктов и овощей, готовят запасы пищи на зиму. У Варвары огород распахан, сад почти убран, а в подвале пахнет квашеными овощами, яблоками и сливами. Воскресный день застал её на веранде, где она, присев за стол, рассматривала фотографии. Когда скрипнула калитка, женщина каким-то особенным чутьём узнала – к ней идёт внучка София.

– Бабушка, я к тебе с прекрасной новостью, – обнимая Варвару, спешно говорит девушка. – Вчера правление колхоза распорядилось дать моему Виталию место для строительства дома. Как тебе такая новость?

– Рада, ой рада! – поглаживает по голове Соню Варвара, и, указав внучке на диванчик, говорит радостно:

– А где именно вам выделили это место?

– Возле Голубой долины.

– Боже мой! Да это же самое прекрасный уголок села. Там когда-то жило два семейства господ. Умные, благородные, добрые – они оставили после себя удивительно-красивые воспоминания. Чего стоит там одна только Белая левада, полевой разъезд и кусок поля, где есть сад и небольшой сквер.

– Мама говорит, что оттуда будет расти наше село. Новый район и новое поколение придаст этому району другой вид сельского бытия, – тешится София, и, призадумавшись, вздыхая, продолжает разговор, – Мы счастливы, но … у нас мало денег на строительство хорошего дома. Есть деньги, которые нам подарили на свадьбу, еще немного тех деньжат, что

Виталий копил на мотоцикл, которым ему, очень нужен, для работы. Но этого маловато.

– И ты горюешь за тем, что нужны денежки для вашего уюта? – весело спрашивает Варвара.

– А как не горевать? Ведь семейный дом для нас очень необходим. Живём у мамы с отцом – вроде всё хорошо, но ... чего-то не хватает. Так было, есть и будет – молодая пара должна иметь своё жильё.

– Будут тебе денежки. Я добавлю. Пойдем со мной, – радостно говорит Варвара, и, улыбнувшись, взяла внучку за руку, повела в комнату, сказала: – Садись на тафту, я сейчас.

Через пару минут Варвара присела рядом с внученькой, взяла её руку, положила в неё пять золотых монет, сказала:

– Это для строительства вашего с Виталием дома.

– Что это? – торопливо спросила Соня.

– Это тебе от нашего рода. Можно сказать маленькое приданное.

– От рода? Как это?

Поправив на голове узел седеющих волос, Варвара, медленно, с расстановками ушла в воспоминания прошлого своего рода. Спокойно и мягко передавала внучке его историю бытия, жизненные устои, и вместе с тем, вела своё светлое повествование к тому, как у неё появилась икона. Красиво вспомнила, как она обнаружила там золотые монеты, как они ей помогли в строительстве дома, и как она, по мере возможности, обошлась с ними – оставив из десяти – пять, подумав, а, может быть, ещё кому-то из близких, они будут очень нужны. И вот ... пришло время, когда внученьке они принесут радость.

Соня внимательно слушала бабулечку, гладила ей руки, плечи, целуя её в голову, с нежным и тихим настроением что-то отвечала, улыбалась, моментами переносила взгляд на икону, висевшую на главной стене бабушкиного дома, и как ей показалось, умиротворённо и благородно улыбалась.

А светлый осенний денёк присев рядом с Варварой и Софией нежился в объятиях солнца, милой погоды и ещё чего-то высокого, и доброго, что жило и здесь в доме умной и светлой женщины.

""
""
""
""
""
""
""
""
""
""
""
""
""
""
""
""
""
""

(Кишинев)

Нина Джос. "Родилась 12 мая 1960 года в селе Кременки Ульяновской области РСФСР. С 1975 года проживает в Молдове. Окончила Художественно-графический факультет КГПУ им. И. Крянгэ в 2003 году. Автор стихов и прозы. Член Союза писателей Молдовы имени А. С. Пушкина. Более 500 произведений в стихах и прозе. Издано три книги. Первый победитель конкурса «Золотой Паркер».

Печник с улицы долгожителей

Кагул – небольшой приграничный с Румынией, город на юге Молдовы. Как утверждают краеведы, слово «кахул» в переводе с турецкого означает «болото». Жизнь в городе течёт неторопливо. В таком месте хорошо не жить, а доживать свой век, поскольку городок тихий, расстояния небольшие, да и климат благоприятный.

Жизнь в провинции интересна тем, что тут каждый человек на виду. Люди знают друг про друга всё, наблюдая через забор своеобразный сериал из жизни соседей. Здесь изменения не проходят незамеченными – их обсуждает полгорода. Тут точно известно, кто из начальства сколько украл и на что потратил. Интересно наблюдать судьбы человеческие в развитии, как меняются люди с годами. В их личных историях есть много любопытного и поучительного. Улица, о которой пойдёт речь, расположена в центральной части старого города, вдоль берега речки Фрумосы. Здесь всего десятка полтора частных домов, да и жителей всего человек двадцать с небольшим. Сорок лет знаю я эту уличку – сперва тут жили дед

с бабушкой, а после них доживала свой век моя мама. Есть в этом клочке земли что-то благотворное, отчего люди здесь живут особенно долго, несмотря на все тяготы и невзгоды. Насчитала я на улице одиннадцать человек, которые прожили более восьмидесяти лет, а двое из них покинули этот мир после девяноста. За долгий век много интересного с человеком приключается, даже если он живёт на одном месте, а на этой улице происходили настолько любопытные события, что просто грех о них не рассказать. В верхней точке улицы стоял небольшой домик с садом и огородом. Со скамейки, расположенной во дворе перед домом, в ясную погоду было видно противоположенный берег Прута, где на холме расположилось пограничное румынское село. Во дворе росло множество цветов. Кусты сирени и розы, пышные георгины и хризантемы цвели, сменяя друг друга, с ранней весны до поздней осени.

домике жила чета стариков. Баба Маня, тихая кроткая старушка с добрым приветливым лицом, была очень набожной. Муж её, дед Максим – низкий, приземистый и широкоплечий, был похож на старый пень, с лицом, будто изрытым оспой и засаженным густыми седыми бровями. Старуха дружила с моей бабушкой, и мы вместе ходили к ним в гости. В доме было чисто, стояла скромная старинная мебель, было много икон, пахло пирогами и ладаном.

Старики были старообрядцами – липованами. В Кагуле есть район города под названием Липованка – её основали выходцы из России, гонимые властями за свою веру. Однажды за чашкой чая баба Маня рассказала нам, что была в её жизни мечта – увидеть море. До моря рукой подать – всего часа три на машине. Но муж за всю долгую жизнь так и ни разу не свозил её отдохнуть на море. Смолоду некогда было,

он вечно работал, а баба Маня сидела дома и стерегла мужнее добро. В старости деду было не интересно море, а отпустить жену одну он не хотел из вредности.

Смолоду, ещё при румынах, дед Макс работал печником, и была у него одна заветная цель – разбогатеть. В поте лица трудился он – клал людям печи, а деньги копил, не позволяя жене тратить лишнего. Был он трезвенник и трудяга. Деток им Бог почему-то не дал. На два-три месяца уезжал он по сёлам на работу, где строил людям печи. Заработанные деньги вкладывал в дома. Так, постепенно, купил он семь домов в центральной части Кагула, и пустив жильцов, решил наконец-то зажить барином. Но тут пришла Советская власть и дома у него отобрали, оставив один самый маленький, мол, детей нету – хватит вам с женой и этого. Скажи, спасибо, что в Сибирь, как кулака не выслали.

Пришлось старику идти работать, да пенсию зарабатывать. Не мог он простить, что дома у него отобрали! Всё ждал, что румыны вернутся и отдадут честно заработанную недвижимость. Сидел он у дома на лавочке, да глядел в сторону Румынии – не идут ли освободители от ненавистной ему власти?

– Поглядите-ка, – часто повторял старик соседям, – вон тот дом мне принадлежит, в котором такие-то живут, и те два дома тоже, да ещё на той улице три дома. Как придут румыны – вернут мне моё честно заработанное добро! Вот и поживу, хоть в старости, барином.

Дед Макс был тайно влюблён в мою бабушку, которая смолоду была красавицей и даже в старости оставалась весьма привлекательной. Когда померла баба Маня, унеся в могилу свою не исполнившуюся мечту, зачастил он к моей бабушке с букетами цветов, которые жена его развела во дворе великое

множество. Садился стариk на лавочку и затевал разговоры: про могилку, оградку и царствие небесное.

— Маня моя, нынче в райском саду гуляет, — повествовал стариk, — пельсины да яблоки райские кушает, меня ожидая.

Бабушка разговоры эти терпеть не могла, живым — живые радости, так считала она. Дед мой соседа терпел молча, жалея вдовца. Но тут случилось непредвиденное — восьмидесятидвухлетний дед Макс нашёл молодую невесту — ей было всего шестьдесят два года! В Кагул эта женщина приехала из Измаила, к кому-то в гости. С ней-то и познакомили вдового старика Макса. Баба Оля была ёщё крепкая и весьма деловая особа, с маленькими хитрыми глазками, острым носом и химической завивкой на голове, прикрытой пестрой капроновой косынкой. Она сразу принялась хозяйничать в доме старика — готовила, стирала да свои порядки наводила.

— Она мне предалась! — хвастался своей мужской силой стариk, — чистоту наводит, вещи перетряхивает да просушивает на солнышке. Пожалуй, женюсь на молодухе! — мечтательно говорил дед Макс.

Однако, через две недели баба исчезла, пока дед ходил на базар. Вместе с ней пропали два золотых кольца бабы Мани, пуховый платок, старинные иконки, да ёщё что-то из добра. Исчезла навсегда. Стариk долго горевал, говорил, мол, вещей не жалко, обидно, что ошибся в человеке, да снова один остался. Тоскливо одному!

— Надо было свою жену беречь, да жалеть, — комментировала моя бабушка, — в санаторий её послать подлечиться, глядишь, и пожила бы ёщё Маня.

С той поры замкнулся стариk. Жил один. Только по вечерам видели его на лавочке, что у крыльца. Сидел он и смот-

рел в сторону Румынии, по-прежнему ожидая, что придут румыны и вернут ему дома. Иногда он приносил моей бабушке цветы и оставался посидеть, поговорить.

В девяносто лет совсем стало трудно старику обслуживать себя. Тогда-то случилось в его жизни ещё одно замечательное событие. Привели к нему одинокую женщину Маргарету. Был ей сорок один год. Некрасивая, с грубым лицом, бездетная и безродная женщина не имела своего жилья. Договорились, что будет ухаживать она за дедом Максом, а он завещает ей дом. Опекунство оформить ей не удалось, не хватило каких-то бумаг. И тогда подсказали добрые люди вступить им в законный брак, чтобы дом достался женщине по наследству, как жене старика.

Маргарета повезла деда Макса в ЗАГС на такси. Весь город восхищался необыкновенным событием. Невесте сорок один, а жениху девяносто лет! Полвека разница – где увидишь такое? На этот раз старику повезло. Маргарета оказалась честной, заботливой женщиной. С благодарностью ухаживала она за стариком, вкусно кормила, содержала в чистоте дом, выводила деда на воздух, на заветную скамейку, сидя на которой старики продолжал по привычке ждать добрых румын, которые вернут ему дома. Девяносто шесть лет прожил дед Макс. Когда его не стало, Маргарета с почётом похоронила старика, позвав на поминки всю улицу. Потом продала дом и навсегда уехала из города.

Сейчас в этом доме живут другие люди. Стены снаружи заново оштукатурили, поменяли окна на современные. Только опустевшая лавочка перед домом напоминает о прошлом, да разросшиеся кусты роз во дворе, заботливо посаженные когда-то бабой Маней.

(США)

Елизавета Азвалинская. Родилась и выросла в Одессе. Закончила филологический факультет Одесского университета и вскоре по окончании переехала в США. В США живу в Филадельфии. В литературу вошла с благословения Михаила Михайловича Жванецкого, который сказал: пиши-ти, у вас хорошо получается. Публиковалась во многих американских русскоязычных газетах и журналах. Член Союза писателей Северной Америки. Победитель Международной литературной премии имени Марка Твена в номинации «Проза».

Коронная фраза

Элеонора Борисовна на всё имела собственное мнение, даже если держала его при себе. Всякий раз, когда Брайтон Бич сравнивали с Одессой, она поджимала губы, интеллигентно молчала и про себя усмехалась. Кому пришло в голову назвать «Little Odessa» улицу, где на витринах железные жалюзи, вокруг овощные лотки и громыхающие над головой вагоны? Да, поблизости океан, но это не Чёрное море. Да, можно пройтись по бордюру, но это не Аркадия и не Ланжерон. Когда римляне разрушили Храм и народ был вынужден расселиться по свету, еврейские мудрецы говорили: Храм разрушен только в Иерусалиме, но он остаётся в вашей душе. Элеонора Борисовна повторяла историю.

Обосновавшись в Бруклине, она привыкла к изобилию и удобствам, но в душе проносила величавую тень от платанов, запах цветущих акаций и чувство полёта от взглядов прохожих, когда, покачивая бёдрами, она проплывала по Дериба-

совской. Все эти краски и ароматы вплетались в особый одесский дух. Он пронизывал воздух, благословлял и напутствовал. Казалось, только прислушайся к ветерку – и он нашепчет тебе как родному: «Не думай, что жизнь – это конфетка. Но знай, что ты выплыvешь, даже если будешь тонуть.».

За годы в Бруклине, как везде, время сделало своё дело. Дочь превратилась в средних лет тётку, внук забасил по-английски, только зятя Элеонора Борисовна по-прежнему называла «лётчиком», имея в виду, что на земле от этого человека пользы нечего ждать. А сама она до недавнего времени считалась вдовой на выданье. «Перебирает, как будто она королева...», судачили за спиной соседки. Элеонора Борисовна тянулась за сигареткой и делала вид, что не слышит. Дома у неё всегда имелся коньяк, – так, отпраздновать что-то приятное или разбавить что-то печальное – на всякий случай.

Принца она не ждала ни на белом коне, ни на белом «Мерседесе», полагая, что с её жизненным опытом, сказки можно любить, но я вас умоляю... в них верить. С первого взгляда она не влюблялась. Первый взгляд давал представление, что ей подбрасывает судьба. Мужчин она относила к явлениям, которым нет объяснения и, как в потёмках идёшь на ощупь, ориентировалась по собственным ощущениям. Ухажёры, поклонники, воздыхатели теперь назывались бойфрендами. Среди них попадались мечтатели, мыслители и поэты. Они рассуждали и декламировали. Следуя правилу «нравиться прежде всего себе», Элеонора Борисовна держалась как леди, изящно поддерживала беседу и распространяла запах неотразимости, почти не стараясь.

Конечно, с меркантильной точки зрения она понимала, что две пенсии лучше одной, но у неё всё решали глаза. Как

бы сладко ни пели губы, если в глазах кавалера не проблескивал огонёк, она тотчас же вспоминала, что тусклый глаз – признак несвежей рыбы, и вежливо давала отбой. Наконец, она вроде бы согрешила с одним бывшим профессором. И даже отметила, что поднялось настроение, но оказалось, это шалило давление. Да и что это был за грех? Так, небольшая погрешность. А когда обнаружилось, что жизнь не идёт, а проходит, Элеонора Борисовна переставила кое-какие слагаемые местами, что на сумме не отразилось, но подтолкнуло её к заключению: себя нужно беречь, иногда зажигать и, по возможности, расслабляться.

Следя курсом, она, как могла, расправилась с углеводами, попыталась сдружиться с йогой и объявила войну морщинам по секретным рецептам от косметички Берты, которую ещё помнила вся одесская знать. Из вредных привычек осталось только курение. Но теперь она с сигаретой шла на балкон заодно подышать свежим воздухом. Терапевт, как всегда, настаивал бросить и взывал подумать о будущем. Элеонора Борисовна соглашалась, но позиции не сдавала. Коней на переправе не меняют. И какое там будущее... было бы ради чего. Как-то раз, заглянув в холодильник, отражавший двойственность жизни, где на полке рядом с грейпфрутом дожидалась свой выход копчёная колбаса, Элеонора Борисовна удивилась: зачем ей здесь посторонний мужчина? И решила остаться просто вдовой.

В последние несколько месяцев всю романтику в её жизни подмял под себя реализм. У неё взбунтовались зубы. Она уже посетила двух стоматологов, оба вынесли одинаковый приговор: вставная челюсть или импланты. И ключевое слово – «решайте». Элеонора Борисовна прислушалась к сво-

им ощущениям. Но что может чувствовать человек между молотом и наковальней? Вставная челюсть портила имидж, импланты грозили финансовым разорением. Заначка на чёрный день у неё, конечно, была, но с такими расходами чёрный день откладывался до следующей жизни. Элеонора Борисовна металась в сомнениях и никак не могла разрубить этот узел. Кто-то ей посоветовал ещё одного стоматолога по имени Стэнли Кац.

И тут оказалось, что доктор Кац – сын покойного Якова Соломоновича. У Элеоноры Борисовны разыгралась фантазия, она представила себе кладбище, памятник и слова: «Здесь похоронится известный одесский стоматолог Яков Соломонович Кац. А его сын Стэнли продолжает приём пациентов в клинике на Нептун Авеню». То, что Яков Соломонович творил чудеса и знал себе цену, всем было известно. Сама Элеонора Борисовна видела его только раз, но запомнила его цепкий взгляд и колоритную внешность. В рекомендациях больше она не нуждалась. «Яблока от яблони...» было достаточно. Веря в приметы и совпадения, на приём она записалась сразу и попросила назначить ближайшую дату.

Маникюр, макияж, причёска... об этом она заранее позаботилась, но что-то ей не давало покоя. Элеонора Борисовна волновалась. Ночью плохо спала. А наутро волнение превратилось в предчувствие, будто в размеренный ход её жизни решила вмешаться судьба. А что это за сюрпризы? И как это понимать? Но предчувствие не отпускало. Стэнли Кац внешне оказался копией папы, говорил он по-русски с акцентом. Элеонору Борисовну усадили в кресло, она широко раскрыла рот...

Собственно, ничего нового доктор Кац не сказал. Закончив обследовать зубы, он взглянул на неё... и это был взгляд Якова Соломоновича.

— Ай-яй-яй, такая роскошная дама и нате... вставные зубы.

Во взгляде сквозил комплимент и скрытое осуждение.

По части женщин Яков Соломонович слыл большим знатоком. Комплимент ей польстил, а за зубы сделалось стыдно. Элеонора Борисовна прикрыла глаза, представила челюсть в стакане и с неожиданной для самой себя лёгкостью сделала выбор в пользу имплантов.

Доктор Кац кое-что успел подсчитать и озвучил примерную смету. Элеонору Борисовну на мгновение бросило в жар и окатило встречным порывом поторговаться. Платить она собиралась наличными и приготовилась разыграть эту карту. Но у Якова Соломоновича это не проходило. Он знал квинтэссенцию жизни и с философским спокойствием замечал:

— Дорого. Да. Но лучше же грызть, чем сосать, согласитесь.

Элеонора Борисовна оказалась не первой, она ничего не смогла возразить. И, как прочие до неё, согласилась. На улицу она вышла с чувством освобождения и лёгким кружением в голове, как после длительной качки, когда судно пришвартовалось, и всё уже позади. Ещё будоражили впечатления и путались мысли. Но если не думать о деньгах, настроение было победное. Элеонора Борисовна гордилась собой за то, что презрев оборону, решилась пойти в наступление. Так почему же себя не побаловать? Хотя бы в виде награды. Хотелось чего-то воздушного, нежного и желательно с кремом. По дороге ей попадался большой супермаркет под названием «Гастроном». Каких-то двадцать минут — и она оказалась на месте.

Внутри плыли краски, витали аппетитные запахи. Элеонора Борисовна направилась прямо к кондитерскому отделу. Но где-то рядом в кулинарии вынесли свежий плов, в воздухе

разлетелся букет ароматных восточных специй. Элеонора Борисовна повернула голову в сторону запаха, взгляд уткнулся в мужской силуэт, и со спины он ей показался смутно знакомым. Мужчина поправил кашне, повернулся лицом и... оба застыли.

— А что ты хотела? — подумала Элеонора Борисовна. — Прошло где-то сорок лет. А это тебе не сорок копеек.

Они разглядывали друг друга, бегло сверяя с тем, что запомнили, словно под грудой опавшей листвы искали то, что когда-то на этом месте цвело и весело шелестело.

Если бы они были просто знакомыми, приятелями или друзьями... Но разве в жизни бывает просто? Бесшумной волной накатили чувства. И если бы чувства имели вкус, это было бы тонкое сочетание сладких воспоминаний с кислинкой взаимных обид — классический вкус кисло-сладкого блюда. Наконец, молчание разродилось мужским баритоном:

— Я бы сказал, мадам, вы нисколько не изменились... если бы это было правдой.

— Ну так можно соврать. — у Элеоноры Борисовны непривычно округлилась губа, как, в детстве, когда она обижалась.

— Зачем? Вы же остались красоткой.

За «красотку» Элеонора Борисовна улыбнулась, не заметив прищуренный взгляд с промелькнувшей в нём жаждой дуэли. Недооценивая противника, Эдуард Львович насмешливо произнёс:

— Можно подумать, мадам, вы всю жизнь купались в любви.

— Можно подумать, сэр, вы тоже нашли своё счастье.

— Вы же сами дали мне от ворот поворот...

«Идиот, – подумала Элеонора Борисовна – я хотела тебя подразнить, а ты... дал себя окрутить рыжей Райке...»

– Где же были ваши мозги? – готовился следующий выстрел, но в этот момент Эдуард Львович развел руками, щелкнул пальцами, и этим коронным жестом предложил заключить перемирие и перейти на «ты». На Элеонору Борисовну этот жест подействовал магическим образом. Только теперь она осознала, что годы бессильны, и перед ней действительно Эдик, известный остряк, заводила, и чуть-чуть хулиган. Но больше всего её поразило другое – всё, что давно умерло, вдруг подавало признаки жизни. «Брось, – отмахнулась она – в одну воду дважды не входят.»

– Предлагаю обмыть эту встречу... хотя бы чашечкой кофе – Эдуард Львович огляделся вокруг, недовольно поморщился и кивнул на выход из магазина.

Что было дальше, Элеонора Борисовна помнила только обрывками. Они сидели в уютной кофейне с отголосками французского шарма и внушительным списком кондитерских изысков.

– А ты помнишь кафе на Садовой? Какие там были пирожные...

– Думаешь, у меня склероз? Я даже помню, как ты их уплетала.

Эдуард Львович теперь напоминал банкира, который уже отошёл от дел. Элеонора Борисовна ложечкой ковыряла пирожное и путалась в своих чувствах. Что-то в ней раздвоилось, словно она пребывала сразу в двух измерениях. Мысли вращались вокруг настоящего, а душа уносилась во внутренний дворик в «Лондонской», где, как в намоленном месте, пахло шиком и шармом. А она, закинув ногу на ногу, элегант-

но цедила шампанское и, как лёгкое облачко, проплывала над жизнью. И теперь, пьянея от капучино, ей казалось, что всё это повторяется... Тут у неё промелькнула мысль: «Коронный жест уже был. А где же его коронная фраза? И сразу, перemetнувшись, подумала о другом:

– Вот тебе жизнь... что в ней загадывать? Кто бы подумал... Раечка умерла. Пусть себе там покоится с миром. – И вдруг загадала: «Если он выдаст свою коронную фразу... значит «Yes». Что она понимала под «Yes», так навскидку она бы не объяснила, но это включало всё, что хватило бы ей для счастья.

Вальяжно откинув руку, Эдуард Львович коснулся футбола. Когда-то он был заядлым болельщиком. Но это было только прологом. И полились накопленные за годы истории. Они текли и текли, и, казалось, что этот рог изобилия никогда не иссякнет. Элеонора Борисовна погружалась в прошлое, выныривала из него в настоящее и металась душой из октавы в октаву. Эдуард Львович, напротив, был учтив и спокоен. «Ну какой из него хулиган..., что ты придумала... просто расслабься». Теперь она понимала, что не зря волновалась. И предчувствие подтвердилось. Всё сходилось и объяснялось: встреча была сюрпризом, а судьбоносным – согласие на импланты. Зачем же что-то воображать? И к чему эти все многоточия там, где просто нужно поставить точку.

Они о чём-то ещё говорили, что-то ещё вспоминали. На улице уже начинало темнеть. Приближалось время прощаться. Элеонора Борисовна глянула на часы. Как сказала бы покойная тётя Роза, они занимались дружбой без малого три часа. Прощались тепло и сердечно. Эдуард Львович галантно ей подал пальто.

– Очень приятно...

– Да...
– Хорошо бы...
– Конечно...
– Может быть...
– Как-нибудь...
– Ну так что? Будем выпендриваться или как?

Последнее, что Элеонора Борисовна запомнила, было «Yes!» Гол был забит на последней секунде. И эхо от этого «Yes!» прокатилось, как песня, по самым нехоженым тропам её души.

Дома самым востребованным продуктом тем вечером был коньяк. Слегка опьяневшая Элеонора Борисовна обещала себе не бежать впереди паровоза. И решила подумать, – с курением, кажется, нужно завязывать.

(Кишинев)

Юрий Лашевский. Родился 10 апреля 1965 года в Кишинёве. Закончил архитектурный техникум. Во время учебы в художественном ВУЗе два года занимался в студии аналитической живописи под руководством Ю.Б. Туманяна. Работал архитектором, дизайнером, преподавателем изобразительного искусства. С 2004 года состоит в ассоциации Русских художников Молдовы “M-ART”. Участник многих выставок живописи, в том числе и персональных. Очерки и рассказы печатались в нескольких журналах. Член союза писателей Молдовы им. А.С. Пушкина. Победитель литературного конкурса «Золотой Паркер».

Формоза

День клонился к закату. Запряжённый гнедыми рысаками экипаж неторопливо катился по заснеженной дороге. Под заунывную песню разыгравшейся метели двое попутчиков вели неторопливую беседу:

– Что это за деревушка, Иван Петрович? – поинтересовался господин в цилиндре, указав на светящиеся окна приближающихся одноэтажных домов.

– Небольшое местечко Формоза, – ответил черноусый бравый офицер.

Экипаж тряхнуло. К тенору ветра присоединилось сопрано угодившего в яму правого колеса.

– С таким колесом нам далеко не уехать. Да и мороз крепчает. Думаю, что будет разумно остановиться в Формозе до утра, – предложил господин в цилиндре.

— Хорошая идея, — поёжившись плечами от холода, согласился офицер, попросив ямщика притормозить у ближайшего деревянного дома.

— На постоянный двор не очень похоже, — выразил сомнение господин в цилиндре.

— По долгу службы мне необходимо побеседовать со знакомым старостой местной общины старообрядцев.

А постоянный двор находится на соседней улице, сразу за поворотом. Остановившийся экипаж не остался незамеченным обитателями добротного деревянного сруба. Через минуту к путешественникам подошёл коренастый мужик с окладистой седой бородой и масляным фонарём в руке:

— Доброго здоровья, — поприветствовал он прибывших, сопроводив свои слова поясным поклоном.

— Здравствуй! А скажи-ка мне, Савелий, нет ли в вашей общине бунтарских настроений? — по-военному строго спросил офицер.

— Всё тихо, Ваше высокоблагородие. Мы люди мирные, — уверенным голосом сообщил седобородый.

Завывающий ветер не располагал к долгим разговорам. Удовлетворённый ответом, офицер попрощался со старостой и тут же отдал распоряжение ямщику ехать на постоянный двор. Не успел экипаж преодолеть и пару десятков метров, как неожиданно из-за поворота показалась бричка. Сидевший на облучке молодой человек в форме почтовой службы замахал рукой, призывая остановиться.

– Пушкин Александр Сергеевич? – чеканя слова, спросил курьер, когда экипажи поравнялись. Получив утвердительный ответ, он вытащил из кармана шинели запечатанный сургучом конверт. – Велено передать лично в руки.

– Покорно благодарю, – принял конверт, адресат сломал сургучную печать, развернул пахнущее французскими духами письмо и пробежал глазами по строчкам.

– Что-нибудь серьёзное стряслось, Александр Сергеевич? – полюбопытствовал черноусый.

– Ещё как стряслось, – с плохо скрываемой улыбкой ответил Пушкин. – Необходимо срочно ехать в Леово. Пересаживаемся в присланный за нами экипаж.

– Так тому и быть, – вздохнул офицер, – а затем, шутливо погрозив пальцем, добавил. – Не доведут вас барышни до добра, Александр Сергеевич! Ой, не доведут!

(Кишинёв+”

Нина Авидон. Автор десяти персональных сборников, адресованных детям и взрослым, координатор публикаций русскоязычных авторов в популярных изданиях страны и за рубежом, инициатор и организатор массовых мероприятий с участием членов Молдавского СП им. А.С. Пушкина, победитель и номинант многочисленных литературных конкурсов, лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руши» (2024).

Живое тесто

С раннего детства мне нравилось наблюдать, как ловкие женские руки возятся с волшебным, словно живым, тестом. Такая работа была в семье актом событийным и важным. До сих пор каждое – будь то вареник или ватрушка, – ассоциируется у меня с хозяйкой конкретного дома, с ее умением стряпать.

Бабушка Анюта, к примеру, была необыкновенной мастерицей печь пирожки. Особым коньком, ее гордостью, были дрожжевые – с картошкой, капустой, творогом, яблоками, вишней, маком...

Заводилось тесто в больших объемах, готовая выпечка складывалась в огромный эмалированный таз, отдыхала под белым вафельным полотенцем и выставлялась на стол для всех! Многочисленная родня, друзья семьи, даже дворовая ребятня никогда не задавали вопросов, с какой начинкой пирожки сегодня. Они были узнаваемы всегда, поскольку форма их не менялась годами. Если пышный румяный треугольник – значит, с яблоком, овальный, с розоватым донышком – с виш-

ней, пузатый, золотистой лодочкой – пирожок с капустой, прямоугольным батончиком – творожники. Витой замысловатой, лоснящейся от сладкой посыпки плюшке начинка была вовсе не нужна, ну а широкие бревнышки, часто уже разделенные на удобные порционные кусочки, сомнений вовсе не вызывали – тертый с сахаром мак был виден на разрезе. Эти пироги – неотъемлемая часть моего детства, с ними связаны воспоминания о родительском доме, теплых, пропитанных сказками вечерах, и бесконечном счастье.

Мама занималась тестом редко, чаще бегала по знакомым, выполняя уколы и другие назначения врачей – как квалифицированная медсестра всегда была востребована. Но уж если за выпечку принималась она, то занятие это становилось настоящим представлением. Вокруг стола собирались дети со всего двора, с нетерпением ожидавшие, когда им доверят поколдовать над тестом. Каждому находилась работа по душе.

Мальчишечьи руки, в вечных цыпках, наспех вымытые, увлеченно лепили из упругой массы забавных зверушек или человечеков. Девочки из рыхлого песочного теста вилкой выдавливали резные хвосты пышногубым рыбкам, вырезали формочками новогоднее печенье, крутили бантики или рогалики с повидлом.

А ранней весной выпекались «жаворонки», которых мы насаживали на оструганные прутики, украшенные цветными ленточками, выносили на улицу и, в традициях украинских национальных игрищ, зазывали весну, даря ароматные ванильные булочки друзьям и крестным.

А еще были вареники тети Нины, дядиной жены. Это была особая, никогда не надоедающая еда. Интересно было наблюдать, как споро и ладно рождались эти вареники. Тесто раскатывалось тонко, разрезалось на равные квадратики, на них сразу же выкладывался подсоленный творог. Защищались вареники мгновенно, край напоминал замысловатую кружевную дорожку, мережку. Вылепленные вареники, слегка желтоватые от яйца домашней птицы, сначала выкладывались на дно широкого сита, покрытого белоснежной салфеткой, и только спустя некоторое время, достигнув нужного количества, отправлялись в кипяток. Готовые всплывшие вареники, а также любимые всеми пустышки-варенички вылавливались дуршлагом и раскладывались по тарелкам нетерпеливых едоков. Ах, что за чудо были эти вареники! Никогда и нигде не приходилось мне пробовать подобных! Если бы мне и другим племянникам, среди ночи сообщили, что тетя Нина затеяла вареники, мы бы тотчас отправились на дегустацию!

Старшая сестра моего отца, жена местного высокого начальника, дама важная, балованная домработницей Настасьей Петровной и потаканиями мужниных секретарш, иногда тоже демонстрировала свои кулинарные таланты. Это были шедевры высокой кухни, кондитерские изыски, по рецептам, выуженным в других благородных домах. Пирожным, тортам, яблочным штрудлям отводился день икс, все домашние занимали места «в зрительном зале», сопровождая действие хозяйки восхищенными возгласами. Когда же невероятное чудо выставлялось на столе, есть его сразу не позволялось, пока упененная восторгами «именинница» не пресытится похвалой.

В зале – большой и светлой центральной комнате тети – был установлен телефон. Мне, шестилетней девочке, до сих

пор не приходилось в чьем-либо доме видеть черный дисковый аппарат, по которому можно было общаться на расстоянии. Никто из домашних, кроме тети, телефоном не пользовался. Рядом с ним на хрустальном блюде возлежал золотистый кекс в виде ягненка, кем-то из сотрудников мужа принесенный в дар по случаю недавно прошедшей антисоветской Пасхи. Подходить к ягненку кому-либо было строжайше запрещено. Тетя, разговаривая по телефону, всегда пощипывала кондитерское изделие, наслаждаясь сладкими крошками. Так продолжалось долго. Месяца три. Пока однажды крошки не вызвали приступ неудержимого кашля, схожий с астматическим припадком – на барабане накопился толстый слой пыли! Зачерствелый кекс был немедленно вынесен из квартиры, и мы, дети, еще целый час наблюдали, как его расклевывали дворовые куры и голуби.

Неоднократно приходилось мне угощаться выпечкой в одесском доме Мары Алексеевны, тетушки и доброй воспитательницы подружки Милки. Здесь тоже запомнилась мне удивительная живая выпечка. В обычной алюминиевой печке «Чудо» рождался творожный или фруктовый пирог, легко разделявшийся на маленькие аккуратные румяные булочки! Сажала их Мария Алексеевна «на попа», столбиком. Они подходили прямо в форме, соединялись промасленными бочками, образуя общий венок. Процесс отделения частичек пирога, скрывающими внутри ароматную начинку, сулил особое удовольствие. Сколько лет прошло, а помнится этот неповторимый дивный вкус. Жаль, что мне так и не достался тот дивный рецепт. Годы спустя я нашла в литературе описание похожего болгарского национального пирога под названием «Тутмяник», но так и не решилась воспроизвести его.

Бывая в гостях у приятелей-южан, не раз наблюдала, как готовится мелина, аналог популярной в Болгарии баницы. Между тонкими слоями теста выкладывалась брынза или натертая тыква. Быстрые пальцы ловко собирали в гармошку тонкий пласт податливого теста поверх начинки, щедро разбрасывая поверху кусочки масла. В считанные минуты из духовки выплывало свежее национальное блюдо, без которого не обходится ни одно застолье на юге Молдовы.

Работая в ресторане молдавской кухни, я всегда восхищалась, как молоденькая рыжеватая Лучика (имя под стать – ассоциировалось с лучиком света!) выпекала хлеб. Девушка приехала в Кишинев из большого села на севере республики, где многие годы пекли хлеб для всей округи её бабка, мать и старшая сестра. Лучика, конечно, закончила в столице профессиональное училище пекарей и кондитеров, но секреты высоких ноздреватых огромных белых булоқ, несомненно, были вынесены ею из семьи. Приходила в цех Лучика раньше всех, даже заспанный сторож встречал ее незлобным ворчанием. В тишине безлюдной кухни заводила она квашню.

Когда же на работе появлялись другие члены коллектива, облако живого, колеблющегося теста высоко поднималось над пятидесятилитровой кастрюлей, норовя в сей же час перевалиться через край. Раскрасневшаяся Лучия каким-то незаметным движением маленькой ладони касалась этого воздушного пузырчатого белого облака, тесто громко вздыхало и нехотя оседало, чтобы через полчаса вырасти вновь. Лучика относилась к будущему хлебу, словно к живому организму, как к святыне, разговаривала с ним, что-то напевала, упрашивая его поспеть скорее, если качество муки не отвечало ее требо-

ваниям. Мне казалось, что всякий раз над квашней в шепотке витала молитва...

Крошки со стола девушка аккуратно сметала в ладошку и, вместе с оставшимися зачерствевшими кусочками, скармливала вечно орущим, драчливым галкам, что тучей покрывали раскидистый клен во дворе. Лучия гордилась своим ремеслом, и другой работой руководство её не загружало.

Готовые хлебы восседали на полках, под самым потолком, пока не попадали в зал – их нарезали по-крестьянски – высокими пышными ломтями, и мне не раз приходилось наблюдать, как посетители заказывали такой хлеб дополнительно, чтобы унести домой. Большая часть этой необыкновенной выпечки развозилась по другим ресторанам и кафе, принося хозяевам немалую прибыль. Уверена, что популярность нашего заведения в городе, обеспечивала именно эта выпечка.

Много лет отдано мной профессиональной кулинарии. Мне нравилось разрабатывать новые рецептуры закусок, соусов и маринадов, фантазировать над секретами подачи фирменных блюд, но выпечка для меня всегда была табу: природная склонность к полноте удерживала меня от мучных вкусностей, я старалась избегать провокаций, и редко пекла сама. Но умелые руки, создающие из обычной муки животворное произведение, всегда вызывали мое восхищение!

(Кишинёв)

Вадим Кокоц. Родился в 1956 году в городе Кишинёве. Закончил Кишинёвский педагогический институт им. И. Крянгэ по специальности психопедагогика. Работал по профессии более 30 лет в специшколах и интернатах Кишинёва. Сейчас на заслуженном отдыхе. Я из той породы мужчин, о ком говорят: построил дом, посадил дерево, вырастил сына. Программа максимум выполнена! Но осталось очень много интересных, пока ещё не реализованных планов. Есть, к чему стремиться, есть, для чего жить. "

Жизнь моя. Судьба моя

Родился я и рос в артистической среде. Матушка – музыкант симфонического оркестра и Театра оперы и балета. Заслуженный работник культуры Молдавской ССР. Отец – оперный певец. Дядя, родной брат мамы – Заслуженный Артист МССР. Двоюродные сестра и братя – певцы и артисты балета. Дед, в редкие вечерние часы, освободившиеся от домашних забот, поигрывал на мандолине, а бабушка, промотившись рядом на топчанчике, что-то ему подпевала. Тут в самый раз прихвастнуть, что, мол, и я стал великим музыкантом. Буду с вами честен – нет, музыка не стала моей профессией, хоть и сопровождает меня всю жизнь, наполненную разными событиями.

О своём появлении на свет я оповестил мир 20 февраля 1956 года громким криком, что-то между «й-ай-яй!» и «э-э-эй!», чем вызвал улыбки медперсонала и сразу окунулся в большую политику. Ну, в том смысле, что в те дни проходил

20-й съезд КПСС, где Никита Сергеевич Хрущёв разоблачал культ личности Сталина. В 1961 году, в марте месяце меня, пятилетнего мальчишку, как было предписано правильной политикой страны, повели в детский сад. В апреле того же года Юрий Гагарин полетел в космос. В 1963 году, в сентябре я снова, не нарушая директив Партии и Правительства, пошёл в школу, в первый класс. А спустя пару месяцев в Далласе убили президента США Кеннеди. Как видим, сплошная политика. Но не только она одна. Была и культура. Был и спорт. В 1966 году, летом в город с концертом приехала знаменитая певица Эдита Пьеха. Концерт состоялся в Зелёном театре. И я, десятилетний мальчиконка, сидя в первом ряду, не мог оторвать от неё глаз. Стойная, в белом платье, она напоминала мне сказочную фею. А главное, пела с необыкновенным завораживающим акцентом. Я моментально, насколько позволяло мое десятилетнее сердце, влюбился в этот образ, и на долгие годы. Много было выдающихся исполнителей, но Эдита Станиславовна оставила глубокий след в моём понимании, что значит профессионализм, с которым нужно выступать перед зрителем, что значит обаяние и шарм. Чуть повзрослев, начал коллекционировать пластинки с песнями Эдиты Пьехи, а позже и других исполнителей Советской эстрады. Тем же летом 1966 года в Англии проходил Чемпионат Мира по футболу. Наша сборная достойно выступила на этом Чемпионате, дошла до полуфинала, но проиграла сборной ФРГ со счётом 1:2. Финальный матч состоялся на стадионе Уэмбли в Лондоне, где встретились сборные Англии и ФРГ. В основное время была зафиксирована ничья, а в дополнительное время

англичане забили 2 гола и стали чемпионами мира. Хоть и считается, что англичане являются родоначальниками игры в футбол, но тот успех 1966 года стал для них единственным. Да и сказать честно, английский футбол мне никогда не нравился. Больше по душе латиноамериканский. Взять, например, сборную Бразилии – пятикратного чемпиона Мира. Какие имена: Пеле, Гаринча, Тостао, Жаирзинио, Ромарио. А трёхкратный чемпион Мира Аргентина! Марио Кемпес, Пассарела, Марадона, Месси! Вот это имена! Вот это футбол! В том же 1966 году я впервые услышал песни английской группы Beatles. Как говорится – зацепило. И мелодичность композиций, и драйв, и голоса исполнителей. Со временем стал коллекционировать их магнитофонные записи и диски, заучивал слова песен и подбирал мелодии на акустической старенькой гитаре. В 1967-68-69-х годах тренировался на футбольной базе местной команды «Нистру». Один сезон, под руководством известного игрока В. Цинклера по прозвищу «Золотая ножка», участвовал во многих соревнованиях, в том числе на приз «Кожаный мяч». В 1970 году, наряду с тренировками по футболу, занимался велосипедным спортом. Крутил педали. Крутил неплохо. И накрутил на первый разряд. Выиграл гонку! В 1972 году вместе со многими шестнадцатилетними парнями и девчатами получил паспорт гражданина СССР. По-прежнему занимался спортом, коллекционировал музыку. В 1974 году мне исполнилось 18 лет. Я стал совершеннолетним. Замечательный возраст – 18 лет! Ты ещё довольно юн, но вместе с тем полностью отвечаешь за свои поступки. Возраст, который обязывает тебя жить по-взрослому, строить далеко идущие планы и эти планы осуществлять. Именно этот период жизни является основополагающим в становлении человека – его ха-

рактера, взглядов на происходящее вокруг, понимании целостной картины мира и его тенденций. Прекрасная пора! А дальше была учёба в пединституте и работа по специальности.

А ещё через 18 лет просыпаюсь я утром и по радио слышу, что такой страны – СССР – больше нет. Советский Союз прекратил своё существование. Что на это можно сказать? Я сказал бы следующее:

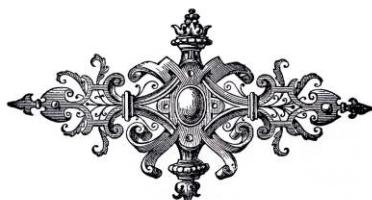
*Я жил во времена Советов,
Я видел всё и убеждён –
Для тружеников и поэтов
Прекрасней не было времён.
Я жил в стране социализма
И, взвесив все её дела,
Я понял, никогда Отчизна
Сильней и краше не была.*

Спустя, практически две восемнадцатилетки, наступило уже время сегодняшнее. Случается, охватит ностальгия и возникает вопрос: а было ли правильным всё происходящее тогда? Вернуть прошлое и что-либо в нём изменить или исправить просто абсурд. Но ведь можно строить что-то новое – светлое, прекрасное – вот в этом и есть суть человека созидающего. И в том самом прошлом это присутствовало – желание созидать.

Известный политолог, лидер движения «Суть времени» каждое своё выступление завершает фразой: «До встречи в СССР!» Фантазёр. Мечтатель. В положительном смысле. Вспоминается ещё один мечтатель, борец за права негров в США М.Л. Кинг. Он вскакивал на трибуну и восклицал: «I have a dream!» – У меня есть мечта, когда негры и белые будут жить в мире и согласии, не враждую и не притесняя друг

друга. Все о чём-то мечтают. Вот и у меня есть мечта – проснуться утром в мире, где человек человеку не корм, а друг, товарищ, брат. Где чтут заповедь: не убей, возлюби ближнего своего. Где взрослые уважают мнение молодых, а молодые с почтением относятся к старшему поколению. Где ценятся культура, образованность и преданность высшим идеалам.

До встречи в мире добра и любви!

(Кишинёв)

Мария Котляренко. Родилась в СССР в 1962 году. Моя Отчина – Хабаровский край. Молдавия стала вторым домом с 1970 года. В Кишинёве окончила педагогический институт имени Иона Крянгэ. 35 лет прослужила верой и правдой гражданам Молдовы в одном из отделов ЗАГС нашей столицы. Писать начала в зрелом возрасте и с 2017 года была принята в Союз писателей им. А.С.Пушкина Молдовы.

Горько!

*(Бывших сотрудников ЗАГС не бывает или
наша служба не опасна, но трудна)*

Первое слово, приходящее на ум, выплывающее из глубин сознания, лишь услышите аббревиатуру ЗАГС – слово «горько!». Горько, товарищи, что у простого обывателя именно это слово и всё, что с ним сопряжено: звон бокалов, сомкнувшиеся в поцелуе две пары губ и т.д. и.т.п., является определяющим такой важной, нужной и, я бы даже сказала, основополагающей структуры, название которой обозначили четырьмя знакомыми огромному количеству людей буквами – ЗАГС. А ведь даже не все с ходу раскроют эту аббревиатуру. Нет, серьёзно, без подсказки сможете? Слышу робкие голоса. Ну, смелее же! Правильно – Запись Актов Гражданского Состояния.

Встречаешь человека, он тебя спрашивает:

- Где ты работаешь?
- Я служу в отделе ЗАГС.

- Ха-ха-ха! Ну, какая же это служба?
- В былые времена начальниками отделов ЗАГС были офицеры НКВД, а милиционеры служили под их началом. С тех пор и повелось называть нашу работу службой.
- Когда это было?! А сейчас? Не служба, а сплошной праздник с утра до вечера. Конфеты, шампанское, невесты в белом, женихи счастливые и гордые, нарядные гости, музыка! Красота, а не работа, а уж тем более – служба. Да, мой дорогой читатель, не стану отрицать – всё это имеет место быть в стенах нашей организации. Но это лишь одна, самая праздничная часть в работе отдела ЗАГС. Праздничная для посетителей, пришедших в назначенный день и час разделить торжество с женихом и невестой, порадоваться за создание новой семьи и по завершении ритуала поднять бокалы с игристым напитком под то самое восклицание: «Горько!»

А чтобы праздник удался на славу, служащим отдела надо серьёзно и скрупулёзно поработать: проверить необходимые документы, уточнить, какую фамилию будут носить будущие супруги, внести данные и отпечатать (а до появления компьютеров аккуратным почерком, без помарок и исправлений заполнить в двух экземплярах) запись акта (помните, как расшифровывается ЗАГС?) о браке, подготовить свидетельство; составить, учитывая все нюансы, индивидуальный для каждой пары ритуал и многое-многое другое, рутинное и ежедневное. Ну, как вам такой праздник? А давайте-ка по порядку. Какие еще документы, выданные в ЗАГСе, вы можете перечислить? Не припомните? Ладно, подскажу. Когда в семье появляется малыш, куда направляются счастливые родители со справкой из роддома? Правильно, в отдел ЗАГС. И какой документ вручает сотрудник после регистрации наследника?

Ну, конечно – свидетельство о рождении! Подготовка в отделе к этому важному событию такая же, про которую вы прочли выше – скрупулёзная, серьёзная, внимательная.

Помните первый вопрос сотрудника в этот день? Напрягите память. А вопрос самый главный: как называли малыша? Вы же столько времени провели в размышлениях и спорах о том, какое имя лучше подойдёт вашему ребёнку. Пробовали «на вкус», произнося нараспев каждый вариант. Вслушивались в звучание имени в сочетании с фамилией, с отчеством. И, о чудо, наконец-то оно выбрано – то единственное, которое устроило всех – и родителей, и бабушек с дедушками с обеих сторон, и даже домашних питомцев, которым придётся теперь привыкать к новому жильцу и новому слову-имени, что будет произноситься в доме гораздо чаще прочих остальных. А ведь имя даётся человеку на всю жизнь. И носить его он должен с гордостью, и откликаться на него с радостью. Вот об этом тоже говорят сотрудники отдела ЗАГС с будущими или новоявленными родителями. И ещё о разном, не менее важном. Вот, к примеру, как поступить, если у родителей разные фамилии? А если ребёнок родился за пределами страны? А если папа, третий в роду мужчина, носящий имя Иван, решил сыну дать имя Иван IV? А мама, насмотревшись, будучи в положении, мультфильмов, хочет назвать дочь Чебурашкой? А если кто-то из родителей находится в другом браке? Если нет одного из родителей? Если пропустили срок для регистрации? Если утешена справка о рождении? Как видите, сложных вопросов очень много. Вопросы не праздные и далеко не праздничные. И на все ответят вам сотрудники отдела ЗАГС.

Конечно, Google вам в помощь, драгоценные мои читатели, решившие всё-таки поинтересоваться, чем же ещё занимались и занимаются ныне служащие отделов

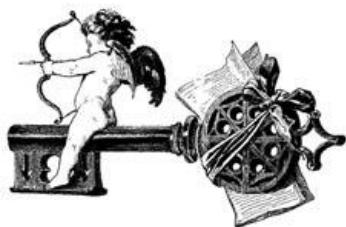
Записи Актов Гражданского Состояния, и что он, собственно говоря, собой представляет – этот самый ЗАГС.

Вы прочтёте массу информации важной и полезной. Узнаете, какие есть ещё акты гражданского состояния. Что-то поймёте, что-то останется загадкой. Сухой и чёткий язык Закона или Инструкции не бывает увлекательным. Он даже, напротив, скучен и отнюдь не интересен непрофессионалам. Как, в общем-то, любой другой Закон. Получить же доступное объяснение на «человеческом» языке можно только при личном общении со специалистами.

Скажу вам откровенно: ЗАГС – это удивительный мир. Мир, в котором трудятся неравнодушные люди. Каждый отдел – не только коллектив, это семья, где все относятся с уважением, пониманием и любовью друг к другу и к посетителям, что доверили решение своих непростых проблем, семейные тайны, переживания, радости и горести. По сути – свою жизнь. Здесь уютно, душевно и тепло, как дома. Есть пословица «Не выноси сор из избы». Вам, конечно же, знакомо её значение: всё, что делается в твоём доме, в твоей семье – не для чужих глаз и ушей. В ЗАГСе эквивалентный этой пословице закон: всё остаётся в стенах организации и оглашению не подлежит. Можете быть спокойны: ваша тайна за семью печатями. Даже та, когда вы решили сменить имя на Дева Мария или Господь, а фамилию на Пушкин или Грозный. Это тайна ваша и только ваша. Главное, умейте сами держать язык за зубами.

Жизнь не стоит на месте. Всё течёт, меняется, совершенствуется. Изменилось немало и в деятельности органов ЗАГС. Но всё, что за многие годы было хорошего и важного, навсегда поселится в сердце каждого сотрудника отдела Записи Актов Гражданского Состояния, даже если он уже не состоит на службе. А бывших сотрудников ЗАГС не бывает. Это я вам заявляю с полной ответственностью!

Мы с вами обязательно когда-нибудь встретимся. И уже вы мне расскажете о своих впечатлениях от посещения замечательной организации с названием ЗАГС. Уверена, вам будет, что вспомнить.

(Москва)

Игорь Отчик. Родился в 1951 году в городе Мозырь Гомельской области. Образование высшее. Экономист-математик. Работал в организациях электроэнергетики Молдавии и России. Ветеран энергетики, заслуженный работник ЕЭС России. Проживает в Подмосковье. Прозаик, поэт, литературный критик, эссеист. Автор трех книг прозы и трех поэтических сборников. Многочисленные публикации в российских и зарубежных изданиях. Лауреат литературных премий. Член Российского союза писателей,

Обгон разрешен

Это был трагикомический случай. А произошел он на железной дороге. В конце семидесятых годов прошлого века я, после окончания московского института, работал в Молдавии. И как-то раз, под ноябрьские праздники, решил съездить в Москву, в гости, по памятным адресам.

Как положено, собрал две огромных коробки даров южной природы, канистру домашнего вина, да еще набралась пару сумок с подарками. В те, не слишком обильные годы, кишиневская кондитерская фабрика «Букурия» выпускала вкуснейшие конфеты в красивых коробках, в том числе, мой любимый виноград, заспиртованный в шоколаде. А еще я вез несколько огромных бутылок знаменитого «Букета Молдавии», сладкого и ароматного до умопомрачения. Этот крепкий, душистый напиток пользовался неизменным успехом в нечерноземной полосе России. Но было в сумках

и несколько бутылок качественного сухого вина «Каберне», «Негру де Пуркарь», «Рошу де Пуркарь», «Мерло», от которого в северных регионах СССР морщились, и называли кислятиной. А еще было мое любимое «Ляна», легкое красное вино на основе винограда «Изабелла». Когда бутылка открывалась, из неё выходил легкий парок, доносящий нежнейший аромат. Это было очень деликатное вино, хранить его нужно было в холодильнике и выпивать всю бутылку сразу.

Объективно говоря, самое лучшее вино – домашнее, крестьянское, которое держат в бочках, в подвалах и употребляют за один сезон. Именно такое вино порекомендовал молдавский президент российскому, когда тот спросил о самом лучшем вине. Купить настоящее деревенское вино без примесей и перегона можно было лишь по хорошему знакомству, но в тот раз мне это удалось. Понятно, что все это добро неслабо отягтило мой багаж, который составлял пять тяжелых предметов общим весом под пятьдесят килограммов. Я еле допер этот груз до вагона, перетаскивая его по частям, перебежками. Но все же на поезд успел, погрузился в вагон, распихал сумки и коробки, куда только можно, и вздохнул с облегчением.

Следует заметить, что выехал я накануне седьмого ноября, пассажирским поездом, который полз до Москвы чуть ли не сутки. А что делать? На фирменный скорый «Молдову» билеты под праздники разбирают заранее, а я это дело прошляпил. Настроившись на долгую дорогу, я сел у окна с каким-то журналом и погрузился в чтение. Но ненадолго. Меня все сильнее и сильнее стало доставать чувство голода. Я ведь с самого обеда ничего не ел и, пока бегал по рынку и

магазинам, стоял в очередях, волок все это витаминное добро на вокзал, страшно проголодался. А с собой никакой жратвы не взял. Бывает такое, в суматохе. А в этом убогом поезде ничего съестного не было. И у проводницы тоже, даже чая. Кипятка, правда, можно было набрать.

В это время другие пассажиры моего плацкартного купе попросили ненадолго освободить столик, чтобы перекусить. Меня всегда удивлял и смешил этот древний железнодорожный обычай: не успеет поезд отойти от перрона, как пассажиры начинают извлекать из сумок неимоверные запасы снеди и тут же ее поедать. Набор ее традиционен: вареная курица, крутое яйца, бутерброды с колбасой и сыром, огурцы, помидоры, домашние пирожки с капустой, картошкой, яйцами...

Правда, в этот раз у меня к вагонной еде негатива не было. Впрочем, от предложения попутчиков разделить легкую трапезу я из скромности и гордости отказался. Я отсел в сторонку и попытался спрятаться за журнал, но это не помогло. Я на слух безошибочно угадывал, что едят в данный момент. Постукивание о столик известило о яйцах вкрутую, которые заедали хрустящими огурчиками и ароматными пирожками с ливером. Я сглотнул тягучую слону. Желудок подводило. Когда резали жареную домашнюю колбасу, я почувствовал легкое головокружение. Её запах сводил меня с ума.

До этой поездки я считал себя крепким, волевым человеком, но шелест промасленной бумаги с курицей подорвал мою веру в свои силы. Какое-то время я ещё держался, стараясь не глядеть в ее сторону, но непроизвольно, боковым зрением, заметил её пленительную нежно-золотистую наго-

ту, оттененную оранжевой поджаристой корочкой. Чтобы не потерять сознание, мне пришлось выйти в тамбур. Сначала холодный воздух и грохот колес привели меня в чувство, но скоро голод с новой силой начал терзать мой желудок. Переждав еще минут пятнадцать, чтобы мучительное мероприятие в купе закончилось, я вернулся на свое место.

Ну ладно, думаю, попробую уснуть, а завтра на остановках чего-нибудь перехвачу. Там уже пойдут сытные места, где вдоль поезда бегают торговки с варениками, вареными яйцами, пирожками с разнообразной начинкой, беляшами неизвестно с чем, но очень вкусным, с горячей картошкой в кастрюлях, укутанных в тряпки, курицей, речной рыбой – жареной, копченой, вяленой... У-у-у! От этих мыслей еще больше свело живот, и стало ясно, что уснуть не удастся. Нет, не надо растревлять себя. Но что делать? Весь вагон уже спит, один я маюсь от голода. А время уже перевалило за полночь. Смотрю расписание движения: где ближайшая крупная станция, чтобы сбегать в буфет. Есть такая: Винница, стоянка двенадцать минут. Успеть можно.

И вот она, Винница. Не одеваясь, в одной рубашке, выскакиваю в сырую темноту ночи. Где вокзал? Вижу, что стоим на каком-то дальнем пути, а к вокзалу нужно бежать по верхнему переходу. Ладно, рванул. Часы на руке, время контролирую. Подбегаю к буфету, упрашиваю пропустить без очереди, хватаю бутылку кефира и пачку печенья, и бегом назад. Пять минут остается – успеваю. Мигом спускаюсь на свою платформу, и с ужасом вижу, что поезда нет. В чем дело? Как? Почему? Не верю своим глазам: может, ошибся и выскочил не на тот путь? Но добрые люди на платформе успокаивают, что не ошибся. А почему поезд

ушел раньше времени? Никто ничего не знает. Как потом выяснилось, машинист сократил стоянку на несколько минут, потому что поезд опаздывал. Несколько минут?! Для него пустяк, а для меня катастрофа. И никому ничего не докажешь. И вот я в одной рубашке стою под мелким ноябрьским дождиком на ночной платформе, с бутылкой кефира и пачкой печенья в руках. А весь мой багаж и вся одежда спокойно едут дальше по маршруту. В город-герой Москву. В теплом, уютном плацкартном вагоне. Но без меня.

Что делать? Бегу назад, к дежурному по станции. Он, как только увидел меня в рубашке и с кефиром, сразу все понял. Выслушав мои сбивчивые объяснения, он дал по связи команду снять мои вещи на ближайшей станции, а меня отправил в кассу за билетом. А в этих кассах под праздник толпы такие, что люди по головам к окошку лезут. Тогда дежурный сжался и посадил меня на какой-то проходящий поезд, до той самой станции, где должны снять мои вещи. Стоя в холодном тамбуре, я, наконец, съел печенье с этим проклятым кефиром. Это был самый поздний и отвратительный ужин в моей жизни.

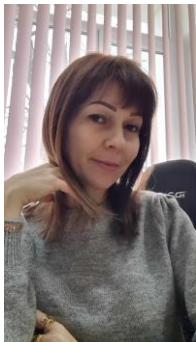
И вот, жую я это безвкусное печенье и представляю, что кому-то придется выгружать три пуда моей поклажи, да еще одежду, и мне становится дурно. Но делать нечего. Как только поезд остановился на станции, где должны были быть сняты мои вещи, пулей лечу к дежурному по вокзалу, а там никто ничего не знает, ни о каких вещах не слышали. Вот это да! «Вам же звонили, я сам видел и слышал!». А он разводит руками: ни слухом, ни духом. Сбивчиво объясняю, что отстал от такого-то поезда, кишиневского, вам должны

были сообщить по связи, а он говорит мне: да вот же он стоит, этот поезд, на третьей платформе! Неужели?!

В жизни так не бегал. Подлетаю: вот он, родимый! Заскакиваю в вагон, кидаюсь к своему месту, а там тишина, полумрак, тепло, и все мирно похрапывают. А вещи? Все на месте. И плащ мой спокойно висит. Ах ты, мой родной! Это была вспышка истинного счастья. Как выяснилось, меня подсадили на наш же кишиневский, но скорый поезд, который выходил на пару часов позже, а приходил в Москву раньше. Это была та самая фирменная «Молдова», на которую я не достал билет. А мой неспешный пассажирский его пропускал, и как раз на этой станции. Оказывается, поезда тоже умеют обгонять друг друга. Это меня и спасло.

Я взлетел на свою верхнюю полку и счастливо уснул. И только под утро кто-то дернул меня за ногу. Это пришли снимать вещи отставшего пассажира. Но я их им не отдал.

(Молдова)

Людмила Узакова. Родилась в городе Тараклия республики Молдова. Окончила филологический факультет и больше 15 лет работаю в Районной публичной библиотеке родного города. Пишу прозу и стихотворения. В сентябре 2024 года вышел в свет роман «Лабиринты судьбы». В октябре этого же года принята в союз писателей Молдовы им. А.С. Пушкина.

Как хорошо, что так всё вышло...

Все времена года хороши, но весна – сезон особенный. Он является временем пробуждения природы, рождения новой жизни, временем надежд и веры в лучшее. Отступили морозы, день стал длиннее. Глубокая синева зимнего неба сменилась прозрачной невесомой лазурью. Вступила в свои права пора, прокладывающая мост между зимой и летом.

В молодой семье Дмитрия и Екатерины царила огромная любовь и взаимопонимание. Дмитрий продолжал работать в полюбившейся лесополосе. Катю он отвозил на лекции в университет в центр города и, естественно, забирал домой. Он старался все свободное время отдавать ей, своей любимой девочке, готовящейся стать мамой. Бабушка Маня взяла на себя все домашние дела, освободив Екатерину от каких-либо нагрузок. Девушка возмущалась, но понимала, что таким образом близкие ей люди пытаются оберегать её от плохого. Ведь, действительно, с каждым месяцем Кате становилось немного труднее согибаться или делать что-то, требующее поворотливости или скорости.

К концу мая девушка удачно сдала годовые экзамены. Преподаватели пошли ей навстречу, избавив от дополнительных вопросов. В июне спровоцировали день рождения будущей мамочки и ждали появления нового человечка на свет. Это чудо должно было произойти совсем скоро, через каких-то пару недель, в середине июля. Но случай, произошедший раньше, решил все по-другому. Дмитрий, работающий по сменам, утром, как обычно, ушел на работу, заступив на сутки. И началась его рабочая смена с привычного обхода вверенного ему под охрану лесного участка. Молодой человек, надев экипировку и водрузив ружье на плечо, направился вглубь леса. Так как ночью шел дождь, трава в лесу была мокрой и очень скользкой. Проходя мимо крутого оврага, он услышал чей-то плач. Дима остановился, стал вслушиваться и всматриваться в глубину оврага. Ничего не увидев, он подошел поближе к краю и, поскользнувшись, скатился вниз. Падал он долго и болезненно. Острые выступы оврага и колючки от маслиновых кустов больно скребли его руки и лицо, причиняя нестерпимую боль. Наконец, Дмитрий приземлился. Его одежда была разодрана, лицо и руки были в ссадинах и царапинах. Но самым неприятным было то, что он чувствовал ужасную боль в локтевом суставе правой руки. Немного расстегнув камуфляжную куртку, молодой человек обнаружил, что она была порвана в нескольких местах, её качество оставляло желать лучшего. Хотя, по правде, такие камуфляжные костюмы должны быть сделаны из специализированной ткани, которая отличается прочностью из-за особой структуры плетения. Дима попытался снять куртку, но сильная боль не давала высвободить руку. Наконец, потихоньку её удалось вытащить из рукава. Молодой человек, дотронувшись до локтевого сустава и по-

чувствовав нестерпимую боль, понял, что это, скорее всего, перелом. В голове завертелись мысли о том, что нужно предпринять в таких случаях. Вспомнив курсы по оказанию первой помощи, он решил, что будет делать: фиксировать и не двигать. Но чем зафиксировать? Молодой человек нашупал ремень на камуфляжных брюках. Как же он был кстати! Дмитрий не любил его надевать, он был широкий и очень твердый. Но сейчас он был рад, что надел его. Подобрав подходящую корягу, которая должна была заменить шину, Дима зафиксировал пострадавшую руку второй левой рукой. Боль была невыносимая.

Успокоившись и приняв удобную позицию, он стал думать, как выбираться. Рацию он потерял при падении, телефон был сломан. Что же делать? Привыкнув к боли, молодой человек все же решил попытаться что-то предпринять. Он встал и попробовал карабкаться, удерживаясь здоровой рукой о мелкие ветки кустарников, но скользкая трава не давала ему возможности продвинуться вверх ни на метр. Он предпринимал попытки снова и снова, но все его усилия были тщетны, да и сломанная рука неизвестно болела.

Так, провозившись с попытками подняться наверх не менее двух часов, Дмитрий, обессиленный, лег на спину. Изнурившись, ослабев и расслабившись, он не заметил, как задремал. Тем временем Екатерина, не дождавшись телефонного звонка от супруга, решила позвонить сама. Его телефон был вне зоны доступа, отключен. Сославшись на то, что в лесной зоне такое бывает, не везде ловит сеть, девушка решила позвонить позже. Но с каждой минутой волнение нарастало. Катя стала набирать снова и снова. Но телефон Дмитрия был недоступен.

– Баб Мань, мне Дима не отвечает, телефон его не доступен... или отключен...

– А ты звони снова, девонька, – попыталась успокоить Миланья Егоровна. – Мало ли куда забрел Димка-то!

– Я уже полдня звоню, неспокойно мне. Что-то случилось..., с ним что-то случилось. Никогда не было такого, чтобы Дима мне не позвонил ни разу за столько времени!

– Успокойся, милая. Тебе нельзя волноваться.

– Тревожно мне, как тут успокоишься?!

– Думай о малыше, а с Димкой все хорошо, с ним все в порядке!

Пришлось Миланье Егоровне найти чем занять Екатерину, чтобы та перестала волноваться и думать о плохом, чтобы отвлеклась от дурных мыслей. Попросила её помочь разделить огромный клубок толстых коричневых двойных ниток по одной ниточке для того, чтобы получились два клубка. Один клубочек наматывала баба Маня, а второй – Катя. Это нужно было делать одновременно, иначе нить запутывалась, и приходилось делать все сначала. Пообедав, продолжили это занятие, беседуя о детских вещичках. Дальше, чтобы отвлечься, Катя взялась за очередной детектив. Читать она очень любила и при удобном моменте всегда ныряла в сюжет того или иного романа либо детектива.

Зазвонил телефон. На экране высветился незнакомый номер. У Кати перехватило дыхание. От неожиданности и предчувствия чего-то плохого, она уронила книгу на пол. Набравшись смелости, девушка ответила на звонок. По телефону ей сообщили, что её мужа, Тарасова Дмитрия Михайловича, везут на машине Скорой помощи в городскую больницу. Услышав эту новость, у Кати потемнело в глазах. Еле устояв

чтобы не свалиться в обморок, она схватилась за живот и, медленно сделав шаг, почувствовала, что что-то стекает по ее бедрам.

– Баб Мань, что это? – испугавшись, спросила девушка.

– Не волнуйся, милая, у тебя воды отошли. Малыш решил родиться, надоело ему в животе барахтаться.

– Боже! Что мне делать? Ведь рано еще ему рождаться....

– Родится тогда, когда нужно будет ему родиться, девонька, – ответила старушка. – Ты, давай ложись тихонько, а я сейчас позовню...

– Ой больно что-то..., больно что-то очень! – застонала Катя, скрючившись пополам.

– Так должно быть, Катенька, не пугайся, у всех женщин болит, потерпеть надо...

– Мамочки-и-и...

– Макарыч уже едет, милая, потерпи-и-и, – сказала Миланья Егоровна, собирая самое необходимое для больницы.

– Баб Мань, что с Димкой случилось? Почему его увезли в больницу? Что с ним?

– Не думай пока о нем, Макарыч сказал, что с ним все будет хорошо, страшного ничего нет. Тебе сейчас о себе и о малыше думать надо!

Сосед Макарыч с Миланьей Егоровной тихонько взял девушку с обеих сторон под руки, повели через двор и усадили в старенькую «Волгу». Быстро доехав до больницы, Макарыч передал девушку в руки докторов. Катю на каталке увезли в родильное отделение. Дмитрия же доставили в травматологическое отделение, с многочисленными ушибами и ссадинами. Большой проблемой оказался перелом локтевого сустава со смещением и несколькими осколками. Молодому человеку

предстояла операция высокой степени сложности. По рекомендациям врача до операции Диме желательно было соблюдать постельный режим и покой. Изнеможенный постоянной ноющей болью, он так и старался делать: лежать, не двигать сломанную руку и потихоньку заснуть, поддаваясь действиям обезболивающего. Тем временем, ближе к полночи того же дня, в родильном зале послышался громкий плач белокурого мальчионки, только родившегося и уже требовавшего к себе внимания. Роды прошли хорошо, Екатерина прислушивалась к советам акушерки, что и повлияло на благополучный исход. Малыш родился здоровым и крепким. Следующим утром молодая мамочка первым делом поинтересовалась о состоянии здоровья своего супруга. Кое-как поднявшись в отделение травматологии, которое находилось выше родильного, она задала главный для нее вопрос врачу:

– Жив ли мой Дмитрий?
– Не волнуйтесь вы так, мамочка! – улыбаясь, ответил врач. – Жив ваш Дмитрий! Конечно же жив! Правда сегодня ему предстоит операция...
– Что с ним, доктор?
– С ним все в порядке, вернее все части тела в порядке кроме руки.
– Что с рукой?
– Перелом у него..., с некоторыми осложнениями. Но вы не волнуйтесь, он у вас стойкий, храбрый боец! Я не знаю подробностей того, что с ним случилось в лесу, что произошло, но больше половины дня выдержать такую боль не каждый сможет. Еще и самому себе шину наложить..., это вообще— е-е!
– Да, он у меня такой! – согласилась Катя. – Доктор, вы говорите ... операция?

– Да, сегодня..., – посмотрев на часы, ответил врач. – До начала, кстати, минут сорок. Так что, спускайтесь на свой этаж, ни о чем не волнуйтесь. Вам есть кем заняться, кормить, пеленать...

– Спасибо большое! Я вам верю!

Тихонько спустившись на свой этаж, девушка прилегла и стала про себя молиться, желая успешного исхода операции. Прикрыв глаза, Екатерина с огромной теплотой вспоминала первые встречи с Дмитрием, их знакомство, поцелуй, объятья, слова любви, трепета и искренности в глазах любимого. Девушку переполняло чувство любви, благодарности и желание преподнести самый ценный в мире подарок – желанного сына. Она понимала, что в связи со случившимся с Димой в лесу, он не знал о рождении малыша. Ей очень хотелось его обрадовать.... Операция прошла успешно. Дмитрий отходил от наркоза. Врачу и персоналу пришлось затратить усилия, чтобы восстановить травмированную часть руки, вставить отколовшуюся часть кости на место. Операция была сложной и заняла несколько часов. За период, что Дима провел в лесу после травмирования, в месте, где произошел перелом, накопилось много кровяных сгустков. Медработникам пришлось вскрывать сустав, удалять всю накопившуюся ненужную жидкость и дальше уже заниматься самим суставом, костью, осколком. Наконец, полностью пришедшему в себя молодому человеку принесли легкий ужин и теплый некрепкий чай. Дмитрию есть не хотелось, он только выпил чай мелкими глотками, наблюдая за ходом капелек внутривенной капельницы, которая была введена в вену здоровой левой руки. Дотянувшись до тумбочки, положил пустую чашку и услышал стук в дверь. После стука дверь тихонько открылась и показалась голова

Екатерины. Дальше Катя тихонько вошла в палату с мирно спевшим маленьким кулечком.

– Любимый наш папочка, привет, – тихо прошептала девушка.

– Привет, дорогая моя девочка! – в недоумении уставившись на малыша, ответил Дима.

– Познакомьтесь! Малыш! Это твой папа... Папочка – это твой сынуля..., наш малыш...

– Катюш, да ты что?! Правда, что ли? – будто не веря в случившееся, спросил Дима. – В смысле? Как так? Когда?

– Вчера, милый, наш сын родился в двадцать три часа пятьдесят пять минут. Пяти минут, не дождавшись до полуночи.

– Боже мой! Как же я рад! Спасибо, родная, за сына! Только прости, что не был рядом в момент, когда это случилось! Прости!

– Да что ты! – попыталась успокоить Катя. – Не вини себя! Ведь ты ж не специально отсутствовал. Все хорошо, баб Маня с Макарычем помогли! Все хорошо-о-о.

– Покажи мне его..., дай я на него полюбуюсь...

Катя присела поближе к любимому супругу и показала малыша, сопевшего своим маленьким носиком, осторожно раскрыв его личико.

– Вот он, смотри на него...

– Уси-пуси, маленький..., какой же он маленький и смешной, беленькие кудряшки..., – с умилением посмотрел на сына Дмитрий, осторожно дотронувшись пальцем до щечки ребенка.

– Дим, как же мы его назовем? Я, честно говоря, как-то еще не думала над этим. Раньше срока родился наш мальчик, думала время еще будет, придумаем....

– Давай в честь кого-нибудь из наших предков!
– Давай! Только не в честь моего отца. Не хочу! В честь деда тоже не хочу, а прадеда я и не знала.

– Моего деда я помню, его звали Петром, а отца – Михаилом. Правда, деда я смутно помню. Он еще пожил после смерти отца года три точно.

– Так давай сыночка Мишуткой назовем! – воскликнула Катя. – Мне очень нравится! И как звучит – Михаил Дмитриевич! А?

– О-о, это да-а! Звучит отлично!

– Значит решено, понесу-ка я Михаила Дмитриевича в палату, пока никто из медперсонала не застукал нас здесь, – сказала девушка, поцеловав супруга и, с малышом быстро удалилась. Счастливый Дмитрий прикрыл глаза. Эмоции переполняли его всего. Ему хотелось громко кричать от радости.... Кричать громко-громко всему миру о том, как ликует его душа, о том, как он рад и безмерно благодарен Всевышнему за возможность стать отцом. Молодой человек вспомнил своего отца. Папа... Сколько теплых и светлых чувств вызвало у него это слово. Для Дмитрия папа — это не просто человек, приносящий деньги и играющий с ним. Нет... Его папа был его самым лучшим другом. Пусть Диме и было чуть больше шести лет, когда его не стало, но он запомнился ему веселым и забавным, заботливым и очень добрым. С ним никогда не было скучно. Он всегда шутил, придумывал смешные игры и всегда приносил какую-нибудь сладость для своего сына. Дмитрий дал себе слово, что сделает все возможное и невозможное для того, чтобы кроме финансового обеспечения, что немало важно, он обеспечит отцовской заботой и вниманием своего сына. Даст Михаилу все то, что не успел дать ему его

собственный отец. Он будет тем, с кем уютно и спокойно, рядом с которым тепло и надежно, кто вселит уверенность, силу, упорство и твердость духа.... Дима твердо решил быть таким... Анна Григорьевна, мама Димы с удовольствием согласилась приехать к молодым родителям и помочь с маленьким Мишуткой, пока Катя ездила ухаживать за Дмитрием. На свою маму девушка не могла рассчитывать, так как понимала, что отец не позволит ей ничего для них сделать, он был все таким же жестким и злым. Молодой человек быстро восстанавливался после операции. Ему предстоял курс реабилитации: массаж, упражнения. Этим всем он занимался уже дома. Уж очень сильно ему хотелось быть со своей семьей, слышать плач и смех маленького Мишки, видеть его смешные рожицы и качать на пуховой огромной подушке. Мама Дмитрия еще побывала у своих детей некоторое время. Помогала, чем могла, научила, как за малышом ухаживать, как купать, пеленать и делать легкий массаж. А Миланья Егоровна готовила обеды, ужины, сладости пекла и вязала свои изделия. Очень уставала, но не подавала виду. В последнее время ей чаще становилось плохо и она, чтобы никого не беспокоить, тихонько уходила к себе в комнатку, ложилась, прикрыв глаза и шепотом молилась. Однажды утром, проснувшись, Екатерина, не увидев бабу Маню на кухне, направилась к ней в комнату. Постучав и открав дверь, девушка увидела старушку, лежавшую с закрытыми глазами. Та не дышала. У Кати ёкнуло в груди. Совсем не испугавшись, девушка позвала Дмитрия и с грустью, и со слезами на глазах сообщила, что Миланья Егоровна отошла в мир иной. Дима, удостоверившись в случившемся, обзвонил всех, кому нужно было об этом знать. Вместе со Светланой, племянницей усопшей, приехали еще несколько человек из

немногочисленных родственников. Мама Дмитрия снова приехала с малышом посидеть. Она примчалась первым же автобусом, который ехал в сторону нужного городка. И с удовольствием взялась маленького Мишутку баюкать, пеленать, купать, пока остальные занимались приготовлениями похорон. Провели милую старушку Миланью Егоровну по всем местным правилам. Жаль было её, но с законами Вселенной не поспоришь. Люди рождались, рождаются и будут рождаться для того, чтобы умереть. А какой след после себя они оставят, это уже выбор каждого. Миланью Егоровну будут помнить, как доброго, отзывчивого, честного человека, всегда готового помочь, добрым словом встретить, нужный совет дать. На поминках племянница усопшей объявила о решении её тети, принятое ею за неделю до смерти. Миланья завещала свое имущество маленькому Михаилу и до его совершеннолетия дом и все хозяйство она оставила в дар Дмитрию.

— Правда? — не поверил Дмитрий. — Но почему она решила так сделать?

— По её словам, — объяснила Светлана, — Вы стали для нее родными, вы стали её семьей. Вы скрасили ее одиночество и старость! Вот почему!

— Мы тоже полюбили ее всем сердцем, — всхлипнула Катя. — Она действительно была для нас родным человеком, она многому меня научила, её будет очень не хватать.... Будем помнить о ней, она была замечательным человеком.

— Да, так и есть, — согласился Дмитрий. — Помогала..., когда не было денег, своим вязанием выручала, после смерти такой подарок нам преподнесла. Настоящий ангел, баба Маня. Вечная ей память!

– Как она быстро среагировала, когда воды отошли! Это было что-то с чем-то! Я просто не знаю, что бы делала, если бы не она. И Макарыча нашла, и меня успокоила, и все что нужно было собрала..., но о случившемся с Димой происшествии в лесу ничего не сказала, хотя наверняка знала всё.

– Да, ты права, девочка, – согласился сосед Макарыч. – Не стала она тебя волновать еще больше, знала, что нельзя, о последствиях думала.

– Может быть, – задумалась Екатерина. – Слушай, Макарыч, так я так и не знаю подробностей того происшествия.

– Катюш, ну зачем вспоминать-то об этом? – стал возражать Дмитрий. – Ну было и было...

– Мне ж интересно, Макарыч, расскажи!

– Да что рассказывать-то?! Димка твой поскользнулся, свалился в овраг. Овраг был глубокий...

– И? Это все я знаю. Что дальше было? Именно как Дима в больницу попал?

– Ох, Катерина..., ну и любопытная же ты!

– Макарыч! Димку кто нашел? – не отставала девушка.

– Не поверишь, Димку твоего нашли те, которые должны были бежать от него.

– Это кто?

– Это те, от которых он наш лес охраняет!

– Браконьеры, что ли?

– Да, они! Ребятки выбирали себе подходящие деревца для сруба.

– Ничего себе..., как так получилось?

– Трое ребят прокрадывались мимо оврага, в котором находился твой Дмитрий. Один из них поскользнулся и кубарем покатился вниз. Упал прям на Димку. Увидел, что тот в

камуфляже, стал его дергать, понял, что с рукой беда... Не наблюдая никакой реакции, этот человек понял, что Димке хреново, был в отключке, но главное – живой. Стал звать своих дружков на помощь. Те, придумав, как вытащить находившихся внизу людей, немедленно принялись за дело. При помощи толстой веревки, имеющейся у них с собой, они по очереди вытащили вначале Диму, после и своего подельника.

– Дим, ты почему мне не рассказал? – стала возмущаться Катя. – Страшное с тобой случилось, а ты со мной даже не поделился...

– Не сердись на меня, милая, просто не хотел тебя огорчать еще больше...

– Так вот, Кать, – продолжил Макарыч, – Несмотря на то, что эти люди занимались нехорошим делом, они оказались человечными, кое-как Диму в чувства привели, помогли до трассы добраться, вызвали машину «скорой помощи» и даже дали Димке телефон для звонка домой.

– Ох, значит баб Маня всё знала?! Получается, если бы я не подняла трубку, когда со «скорой» звонили, я бы и не знала, что муженька моего в больницу везут...

– Да, так получается! Егоровна с Димой говорила, когда ей дали телефон и обещала не расстраивать тебя, но кто знал, что со «скорой» будут звонить... – вздохнув, закончил рассказ сосед.

– Ничего себе, ну и дела! – воскликнула девушка. – То, что баб Маня не сказала, чтобы не расстраивать, это понятно.... Но, получается, что, даже узнав, что Дима лесничий, эти люди все равно помогли ему, не бросили в беде, вытащили.... Это круто-о-о!

– Да, так получается! Среди злых людей встречаются и добрые! – подытожил Дмитрий. – Пусть они и совершают нехорошие дела, но со мной поступили по-человечески. Без них я бы и не выбрался наверное..., может, и выбрался бы, ключевое слово – может!

– Лёш, как же хорошо, что так все вышло! Спасибо большое этим людям, которые вытащили моего любименького! – обнимая супруга, сказала Екатерина.

(Россия)

Сергей Белкин. Родился в 1950 году в Ярославле, с 1958 по 1992 год жил и работал в Кишиневе. Окончил физический факультет Госуниверситета, кандидат физико-математических наук. С 1992 года живет в Москве. Член союза писателей России.

When I was seventeen

Не открывая глаз, старик попробовал определить кото-
рый теперь час: «Пять, наверное»... Глянув на зеленоватые
светящиеся цифры, убедился, что так оказалось и на этот раз:
четверть шестого. Он нередко просыпался среди ночи, чаще
всего в это время. Часы светились на радиоприемнике, кото-
рый работал всё время: старик любил спать под тихую музы-
ку. У него было две любимые станции. Одна с классической
музыкой – «Радио Орфей», другая – «Радио джаз». В этот раз
он уснул под джаз и проснулся под какой-то тихий блюз на
саксофоне. Старик повернулся на другой бок в надежде, что
поспит ещё. После саксофона зазвучало нежное вступление
гобоя к знакомой песне, и Фрэнк Синатра чарующим «кру-
ном» нараспев проговорил: «When I was seventeen It was a
very good year...». «Хорошо бы под это задремать», – поду-
мал старик.

When I was seventeen, когда мне было семнадцать. Это, стало быть, лето 1967 года. Я окончил школу и поступал в ин-
ститут. Любил физику, Битлз и одну девушку. Девушка и фи-
зику разрешали мне быть вблизи, но вглубь не допускали. А
вот Битлз и в себя впустили и в меня вошли. В тот год вышел

великий альбом Sgt. Pepper's – «Сержант»! Новая музыка звучала для нас – фанатов Битлов – неожиданно. Это было совсем не похоже на предыдущие забойные песни. Под эти их новые композиции, пожалуй, что и танцевать было как-то не с руки... Вернее – не с ноги. Впрочем – танцевали, всё равно. Не все этих «новых Битлов» приняли. Старик же помнил, что ему «зашло» сходу. Английские слова ни он, ни его друзья не понимали, но в этом не было никакой необходимости: мы и в тексты остальных песенок не вслушивались. Музыка такие вихри поднимала в наших организмах – буквально, физиологически – что смыслы текстов значения не имели. Это было царство эмоций, безраздельно властвовавших эмоций! Два чувства были близки нам: томление плоти, не находившее выхода, и в полной мере реализованное стремление шутить: рассказывать анекдоты, остроумно реагировать буквально на всё, смеяться по любому поводу и без него. When I was twenty-one, It was a very good year, – продолжал мурлыкать старина Фрэнки.

Лето... Лето начиналось цветением акаций и завершалось цветением астр. Лето начиналось с наступления каникул, но с их окончанием вовсе не завершалось: в наших краях сентябрь такой, каким у многих бывает июль. Лето предвещало встречу с морем: до него было недалеко, несколько часов на машине, автобусе или на поезде. Благодатное, любимое Чёрное море, – тот его край, где оно встречается со степью, подмывает красноглинистый берег, образуя высокие обрывы, края которых время от времени обрываются вниз. Встречались и другие берега: плоские, песчаные, с удобными пляжами. Там обустраивали базы отдыха, в которых мы проводили свои законные две недели: стандартная длительность профсоюзной путевки. Можно было заявиться и без путевки, как я

однажды сделал, приехав к друзьям в студенческий лагерь в Затоке. Приехал в полночь и уснул у них в домике на надувном матрасе. А утром мне принесли украденный в столовой завтрак, после чего мы отправились на пляж. Мои друзья – назову их для рассказа Толян и Игорь – обратили внимание на девушку ослепительной, прямо скажем, внешности, которая уже лежала на своем коврике посередине пляжа: «Глянь! Баба, конечно, ого-го... Только никого к себе не подпускает, так одна всё время тут и лежит. Мы пробовали знакомиться, но она отшила». Я глянул на «ого-го-бабу» и узнал свою знакомую. Назову её для рассказа Викой. Знаком я с ней был, но не в том смысле, который реализуется через гормональную систему: в этом смысле она была знакомой моих знакомых. О чём мы с ней оба помнили, и это обусловило откровенный характер отношений. Я сказал:

– Вы просто с девушками знакомиться не умеете. Щас покажу, как это делается.

Оставил возле друзей рубашку и обувь, но не снял свои замечательные белые брюки – модные, сшитые на заказ с горизонтальными кармашками, под которыми, как запасный полк, ждали своего часа плавки – тоже не абы какие: японские, из синтетики, половина ярко желтая, половина – синяя (между прочим – подарок двоюродного брата из Одессы, служившего в торговом флоте). Голый по пояс, босиком, но в белых брюках, я приблизился к лежащей ничком Вике, любуясь её безупречными формами, а когда она подняла голову, знаком показал ей: «Тихо!» Потом пояснил:

– Значит так: мы не знакомы, я подвалил, чтобы тебя «снять». Подыграй.

Она согласилась, – сперва узнав, перед какими пацанами я выпендриваюсь. Через две минуты Вика уже поднялась на своих длинных стройных ногах во весь свой умопомрачительный рост, позволила обнять себя за талию, и так мы под изумленные взоры приятелей подвалили, чтобы знакомиться. Из этого очень быстро разгорелся бурный роман. Даже два романа. Или три – если за отдельный считать амур-де труа в составе Толян-Игорек-Вика. Через четверть века идиоты будут утверждать, что «секса в СССР не было»: а вы, идиоты, как на свет появились?..

When I was thirty-five, It was a very good year, – продолжал кручиниться Синатра. Старик вернулся на прежний бок: на том задремать не удалось, может, на этом получится... Тридцать пять лет? Ну, тут у нас с тобой, американец, пущи-дорожки расходятся. Тебе вспоминаются какие-то богатые тетки, лимузины с личными водителями... Мне такое вспомниться не может. Сорвать что-то такое я смог бы запросто...

Но кому нужна эта фантазия. От такой фантазии уж точно не уснешь. В тридцать пять у меня уже была семья, дети. Была работа, которая складывалась как-то беспорядочно и бесцельно. Развод с физикой назревал и вскоре состоялся. Семья же стала спасительным ковчегом, который нещадно бился об острые рифы быта. Но – выдерживал. И теперь, когда прошла вечность, можно утверждать: выдержал всё. Что там Фрэнк продолжает напевать? – But now the days are short I'm in the autumn of the year... Про осень жизни – верно.

Но дни короче не становятся. Мелькают быстрее – это так. Но каждый день по-прежнему насыщен, переполнен делами. А вот ночи – да, изменились.

И по форме и по содержанию. Сон – короток, воспоминания – длинны. А вот дальше у него (не у Фрэнка Синатры, а у автора слов и музыки Эрвина Дрейка) сказано хорошо: моя жизнь, как вино, выдержанное в старых бочках, наполняет их до краев и изливается прозрачной и сладкой рекой.

Верно, верно... Сладка струя моей жизни! От воспоминаний собственной жизни – такой, как моя, – можно и захмелеть, и возбудиться, вновь проживая пережитое. А вот заснуть – не получится. Да и вставать пора: дел впереди полным-полно! Какой там по счету день настает? Двадцать семь тысяч сто шестьдесят шестой? – Нормально, движемся дальше.

(Кишинёв)

Елена Ковальски, 1962 г.р. Высшее экономическое образование. Публицист, общественный деятель. Ведущий автор газеты «Русское слово», многочисленных публикаций в местной прессе, России, Белоруссии, Болгарии, Австралии и др. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Бог есть?!

Тонька сидела возле больничного лифта, ожидая встречи с мужем. Расстались они в приемном покое, куда их вместе привезла «скорая». У Димы случился инфаркт, его должны были срочно прооперировать. Какой-то ушлый медик, врачом его назвать нельзя, требовал у Тоньки срочной оплаты операции. Муж Дима сам был хирургом, всю жизнь спасал людей. Самым дорогим гонораром была бутылка марочного коньяка. Да и то, всего несколько раз. Муж выбрал специальность по душе и считал недостойным брать взятки. Поэтому и жили скромно, по совести. В трудные для семьи времена Дима подрабатывал на «скорой помощи», спасал всех пациентов в соответствии с данной когда-то, при получении диплома врача, пресловутой «клятвой Гиппократа». Мзду не признавал принципиально. И вот теперь Тоньке надо было решать, как поступить. Денег в семье не было, но можно было занять у знакомых. Медик стоял возле растерянной женщины и твердил: деньги надо дать сейчас, перед операцией... У Тоньки перед глазами мелькали картины из её счастливой семейной жизни – надежный любящий супруг, который все делал для своих дев-

чонок. А ещё в голове женщины сами собой рождались строки молитвы о здравии. Тоня очень долго была убежденной атеисткой. В её детстве не было икон, хотя воспитывала детей, в основном, бабушка. В доме всегда пеклись куличи и красились яйца на Пасху, но в церковь не ходили. Отец был секретарем парторганизации, мама вообще никогда не поддерживала тему религии, стояла твердо на позициях марксизма – ленинизма, привитого ещё в советской школе. Когда Тоньке исполнилось тринадцать лет, бабушка как-то в беседе за завтраком, который всегда готовила своим домочадцам, провожая в школу и на работу, упомянула о душе. Девочка была активисткой в школе, председателем совета дружины пионерской организации и, конечно, тут же заявила любимой бабушке, что души нет. Растревявшаяся женщина начала возражать, приводить примеры из песен, стихов, подтверждающие тонкую душевную организацию человека. Бабушка была малограмотной, закончила всего четыре класса, и то уже, будучи замужем. Но её всегда очень трогали стихи, она знала наизусть многое из А.Пушкина, С.Есенина, М.Лермонтова. Соседи любили бабушку Тони за её отзывчивость, доброе сердце, житейские советы. Непримиримая пионерка Тоня в споре с бабушкой стояла на своём – нет души, как и нет Бога. Идеологическая схватка закончилась слезами бабушки и полной победой (так думала тогда Тоня) политически подкованной шестиклассницы. Родители в спор благоразумно не вмешивались. Тоня росла, продолжала свою интересную общественную работу. Вместе с подружкой как-то зашли на кладбище в пригороде. Дело было после Пасхи, любопытные девчонки нерешительно переступили порог сельской церкви. С интересом рассматривали иконы, незнакомую ранее обстас-

новку, разложенные на столе праздничные подношения. Следующее посещение церкви у Тони случилось через пару лет. С экскурсией побывала в Киеве в знаменитом Владимирском соборе, увидела красавицу Софийскую церковь. Всплыл в памяти случай во Владимирском соборе: он был ещё действующим, и все посетители подходили к выставленной чудотворной иконе, целовали ее. Тоня икону рассмотрела внимательно, но не крестилась и, разумеется, не целовала. Да, тут помимо атеистических взглядов девочки, сыграло и опасение с точки зрения гигиены и здоровья. Кроме Тони, так поступили и ещё несколько девушек – туристок. К ним подошла пожилая прихожанка и резко отчитала за непочтение к святыне. Так у Тони закрепился еще один негативный опыт, связанный с церковью. А еще в жизни Тони – подростка произошло однажды другое важное событие. К лучшей подруге Оле приехал из Львова на каникулы двоюродный брат Владимир. Они все сразу сдружились, вместе гуляли по городу, побывали в музеях, театрах. Между Владимиром и Тоней завязалась оживленная переписка. Юноша был старше на пару лет, отличался серьезным характером, много читал, увлекался историей. Тоня с нетерпением ждала новой встречи со своим другом. Но Ольга сказала, что родители больше парня в поездку не отпустят. Поводом для такого решения стало то, что Володя нарисовал икону (а он был из семьи верующих) с женским образом и лицом Тони. Позже он признался Оле, что влюбился в девушку, но так как её взгляды на религию совершенно не совпадали с устоями его семьи, решил прекратить всякое общение. Икона же со временем была подарена сестричке Оле, и Тоня была поражена, узнав себя в творении юного иконописца. Об этом случае девушка рассказала бабушке, которой доверялись мно-

гие девичьи секреты. И тут услышала историю о том, как у матери Антонины старшей (девочку назвали в честь бабушки) и у нее самой складывались непростые отношения с религией. Семья была большой – пятнадцать детей. Жили на заимке, имели крепкое хозяйство, все работали дружно, помогая поднимать младших детей. Мать Марфа была очень религиозна, как, впрочем, и большинство населения Украины конца девятнадцатого века. Несколько раз она совершила паломничество в Иерусалим. Надо понимать, что простая крестьянка вместе с другими паломниками проходила большую часть пути пешком. Ни муж, ни дети не могли стать препятствием в этом святом пути к Богу. Но однажды... произошедшее с ней полностью изменило жизнь. Как-то по дороге к святым местам Марфу застал ночлег на постоялом дворе. Так как денег у нее не было, хозяин пустил ночевать в хлеву, на соломе. Уставшая женщина, скромно перекусив хлебом и водой, помолившись, собралась спать. Вдруг в хлев зашла красивая пара – молодая дама и офицер. Мужчина держал в руках сверток. Марфа подумала, что они супруги, приметила их вместе в гостевом доме. Женщина – из благородных, – хоть и одета в дорожное платье, была бледна и встревожена. Её спутник что-то тихо ей говорил, успокаивая. Вдруг сверток зашевелился и раздался детский плач. Молодая мать приняла дитя на руки и стала кормить грудью. Марфа была маленькой, худенькой, ворох соломы позволил ей оставаться незамеченной. Отец ребенка терпеливо ждал, пока малыш насытится. После кормления он взял ребенка из рук жены, (сомнений об их супружестве у крестьянки не возникло) и вдруг, резко размахнувшись, ударил ребенка головой о деревянный столб, удерживавший крышу сарая. Мать ребенка дико вскрикнула, но мужчина за-

жал ей рот рукой. Страшный удар повторился. Молодая мать потеряла сознание, дитя ее, без сомнений, погибло. Марфа от пережитого потрясения онемела, но зрелище жуткого жестокого убийства лишил ее инстинкта самосохранения и, шумно выдохнув, паломница выдала себя. К ней тотчас устремился офицер, отбросив трупик младенца. Схватив перепуганную жертву, молодой красавец выволок Марфу из укрытия.

– Ты кто такая? Что тут шпионишь? – заорал убийца.

Издавая невнятное мычание, Марфа, дрожащая от ужаса, сбивчиво поведала мучителю, что она идет поклониться Гробу Господнему. Разгневанный мужчина, не выпуская из рук, принял душить несчастную. Мать ребенка очнулась, истерически рыдая, забилась в угол сарая. Марфа уже теряла сознание от страха и удушья, но вдруг ее палач словно одумался, разжал пальцы на шее жертвы, словно принял новое решение. Он потребовал, чтобы невольная свидетельница его преступления поклялась навсегда забыть увиденное, и тогда он ее оставит в живых. Перепуганная женщина только нервно кивала головой в знак согласия. Офицер объяснил, что должен был так поступить с незаконнорожденным ребенком, чтобы спасти честь благородной дамы, своей любовницы.

– А теперь клянись, что унесешь эту тайну в могилу. Ешь землю! – велел убийца.

Марфа в полуобморочном состоянии, задыхаясь от ужаса и с молитвой в голове, начала есть сырую землю. Мысленно просила пощады у Всеышнего. Ведь у нее дома осталась большая семья. Видимо, мужчина, сохранив себя в христианской вере, не смог совершить второе убийство. Он оставил свою жертву коленопреклоненной, с размазанными по лицу землей и слезами. Подхватил свою рыдающую любовницу, он

покинул хлев. Марфа лишилась чувств. Едва рассвело, женщина незаметно ушла дальше по своему святому пути. Достигнув Иерусалима, она молилась о загубленной невинной душе младенца, без имени и крещения, и о своей семье. Емельян, муж Марфы, был озадачен необычным скорбным видом своей жены – паломницы и той радостью, с которой она обнимала и целовала детей и мужа по возвращении. Больше свой дом женщина не покидала. А вскоре погиб и её красавец муж Емельян, так и не узнав истинную причину внезапной оседлости жены. Семья разводила лошадей. Глава семьи завёл для расплода знатного жеребца. Но конь был норовист и по дороге сбросил наездника. Емельян долго бежал знойным днем по пыльной дороге за своим равным жеребцом, и все-таки догнал его, захомутал. Изможденный преследованием, разгоряченный, мужчина окатил себя холодной водой из колодца в родном дворе и жадно припал к ведру с живительной влагой. Вот тут и случилась трагедия: сильный, крепкий сорокачетырехлетний мужчина упал замертво на глазах семьи от разрыва сердца. Потеряв кормильца, семье стало намного трудней жить. Взрослые дети отделились, создали свои семьи, а Марфа с двумя младшими дочками, «последышами», отправилась жить в город. Поэтому четырнадцатилетнюю Антонину отдали в услужение семьи местного батюшки. Девушка, воспитанная в строгости, хотя росла предпоследним ребенком в семье, была любимицей отца. На подворье у священника Тоня с утра до ночи выполняла любую работу – и убирала, и за животными смотрела, и шила, и готовила. К трудолюбивой девушке относились хорошо. Как-то во время поста матушка послала работницу в подпол отнести молоко. Каково же было удивление девушки, когда она увидела, как батюшка слизывает

сливки с крынок. Об этом она немедленно рассказала матушке. На что та, строго взглянув на юную батрачку, ответила:

— Батюшка помолится, и все ему проститься, он Божий человек. А ты забудь про то, что видела и молись о своих грехах.

Со временем произошло еще одно незабываемое событие. Тоня была девушкой, не по годам физически развитой, красивой и видной — в отца. Как-то в церкви после службы, батюшка исповедовал, накрыв по обряду расшифтым покровом кающуюся молодую прихожанку. Вдруг Тоня почувствовала, что руки святого отца гладят её плечи и мнут молодую упругую грудь. В этот день Антонина повзрослела, врезала батюшке, куда положено, и ушла из батраков. Матери все рассказала без утайки, та её не осудила. С тех пор Антонина всю жизнь верила Богу и людям, а храм и его служителей не признавала, хотя все дети её были крещены. Тоню младшую никто верить в Бога не заставлял: атеизм в годы её детства и юности был основной верой. Девушка вышла замуж, родила ребенка. Свекровь настойчиво учила молодую невестку соблюдать устоявшиеся ритуалы. Тоня все принимала в штыки.

— Как это не стирать по воскресеньям и религиозным праздникам, когда маленький ребенок? — возмущалась она. В спорах со свекровью Тоня всегда выдавала свой главный аргумент — «Бог любит тех, кто работает, и это не грех». Свекровь только вздыхала и просила не нарушать правила, которые люди соблюдают веками. А потом начались какие-то странности. Когда Тоня на Пасху привычно затеяла стирку и включила стиральную машинку, ее внезапно дернуло током, а машинка сломалась. Затем вышли из строя пылесос и миксер, хотя были куплены недавно. Часто болел маленький ребенок.

И молодая мать стала задумываться о существовании Высшего. В три года ребенка по настоянию мужа и свекрови, наконец, окрестили. В тот же год Тоня неожиданно забеременела, хотя первый ребенок появился только через девять лет после замужества. Тоня изменилась, она допустила в свое сознание существование Высшей Силы и в трудные моменты стала с молитвой обращаться к ним. И вот теперь, в больнице, когда она подписала бумагу о том, что согласна на операцию мужа, в голове стучала только одна мысль: «Господи! Спаси и сохрани!». Так же она молилась и несколько лет назад, когда болела ее мама. И потом, когда несколько раз оперировали верного друга и члена семьи – собаку. Тоня понимала, что вера ее какая-то не совсем правильная, ведь она молится истово лишь в кризисные моменты, когда случается беда. Но помочь приходит. Женщина почувствовала какое-то жжение и одновременно горячую волну в груди. Голова была тяжелая и отказывалась думать. И только толчками пульсировала самая главная и единственная мысль: «Господи! Спаси и помоги!» Операция прошла успешно. Дима постепенно восстанавливался. Во время его болезни чуть не погибла верная собака, она слегла, и Тоня разрывалась между больницей и требующим заботы четвероногим другом. Женщина словно преодолела какое-то невидимое внутреннее препятствие. К ней пришло новое видение мира. Её подруга часто говорила, что все в мире держится на Любви и Благодарности. Неожиданно эти слова стали приняты и Тоней. Осознаны не только разумом, а где-то внутри, рядом с сердцем. Каждое утро, открывая глаза, Тоня искренне благодарила Господа за новый день. Она учились любить людей, независимо от их поведения. Нелегко было научиться прощать. Прощать даже тех, кто предал. А их

было немало, в том числе, близких и любимых. Но самым трудным было – поверить в чудеса. Атеизм и материализм крепко закрепились в сознании. Тоня слушала лекции, читала духовную литературу, пробовала применять к себе популярные практики... Постепенно, что-то стало меняться вокруг. Прежде скованная в проявлении эмоций, Тоня научилась улыбаться совсем незнакомым людям. И получала ответный заряд доброжелательной радости. Неожиданно стали сбываться желания, открылись ранее неведомые способности. Конечно, это всё еще надо было осмыслить и принять. Но в жизни женщины случилось главное. Она поняла силу Любви и Благодарности. И еще одно открытие свершилось у Тони. Раньше она слышала фразу «Бог есть?» только с вопросительным знаком. Стоило поменять свой взгляд на мир, и у привычной фразы радикально изменился смысл. Из вопросительного – в утвердительный и восклицательный – «Бог есть!»

(Кишинёв)

Маргарита Репаловская. Родилась в 1986 году в г. Кагуле, проживает в Кишинёве. Автор стихов и прозы. Член Союза писателей Молдовы имени А.С. Пушкина. Лауреат премии «Золотой Паркер» за 2021 год.

О чём я жалею больше всего

Отдыхающие собрались небольшой тёплой компанией на природе, у костра. Все они были из разных городов и случайным образом встретились здесь сегодня. Ненадолго свела их судьба этим вечером. Горячее южное солнце уже село, купаться было холодно, а им очень хотелось общения. Выбрав небольшую поляну возле палаточного лагеря, они организовали пикник у костра.

Алкоголя было много, закусок тоже. Говорили обо всём, от выпитого развязались языки. Уже давно стемнело, часть компании разбрелась по палаткам спать, у костра остались четверо. Трое мужчин и одна женщина. Обсуждать начали поездки за границу. Компания была тёплая, тихая и мирная. Внезапно один из мужчин начал свой рассказ:

– Когда я первый раз поехал в Москву, устроился на работу нелегально, проработал примерно полгода, и вдруг всех приезжих уволили. Ждали какую-то налоговую проверку. Денег на съёмную квартиру не осталось, а новую работу ещё не нашёл. Из квартиры выгнали, пришлось бомжевать. Так что я три недели фактически жил на улице. Тогда я часто бывал на Арбате, дружил с местными неформалами. То и дело меня звали в гости, чтоб я мог принять душ и постирать одежду.

Однажды познакомился там с одним парнем. Он был модно одет, ходил с дорогим телефоном и явно не был стеснён в деньгах. Мы с ним выпили, разговорились, узнав мою историю, он просто сказал:

– Поехали ко мне домой, родители на даче. И мне, не так скучно, и тебе будет где переночевать.

Приехали к нему, он меня угостил дорогим алкоголем, напились и легли спать. Не знаю, что тогда в меня вселилось, но об этом поступке я жалею всю оставшуюся жизнь. Сейчас никогда бы так не поступил, да и раньше того случая никогда так не делал. Лежу в темноте, слушаю его дыхание. Дождался, когда он крепко уснёт. Тихонечко встал, взял со стола два новеньких телефона, наручные часы, вытащил деньги из его бумажника и, тихонько закрыв за собой дверь, бросился бежать, куда глаза глядели.

Мужчина продолжил свой рассказ:

– Вы не представляете, как мне стыдно потом было: человек протянул мне руку помощи, а я его ограбил. Теперь у меня у самого взрослый сын, и я бы сам прибил парня, который бы посмел так с ним поступить! Это поступок, который я никогда себе не прощу, даже думал позднее вернуть ему какие деньги, да только никаких его данных у меня не сохранилось.

У костра ненадолго повисла пауза. Первым заговорил другой мужчина немного старше предыдущего оратора.

– У меня тоже есть поступок, который много лет мучает меня, может даже тем, что уже ничего не исправишь. – заговорил другой мужчина, – Произошло это тоже за границей, когда я был в Европе на заработках. Работал водителем у директора крутой фирмы. Была поздняя ночь, я ужасно устав-

ший, за весь день, даже толком поесть не успел, шеф нагружал разными заданиями, так что в туалет сходить некогда было. Наконец отвёз его домой, возвращаюсь к себе. Часа два ночи, машин почти нет, еду мимо лесополосы, вжал педаль в пол и лечу в мечтах об ужине и тёплой постели.

Мужчина тяжело вздохнул:

– Откуда вылетел этот мужик, я не знаю! Слышу удар о правый бок, секунда, его испуганные глаза, и он отлетает к обочине. Я начал тормозить, сердце застыло, перед глазами в долю секунды возникла полиция, тюремная камера, а на родине жена и дети остаются без куска хлеба. Смотрю внимательно, он не встаёт, вижу, руку приподнял, ждёт помощи. Я как ударил по газам. Унёсся оттуда с такой скоростью, что едва смог взять себя в руки и остановиться у дома. Ещё полгода читал все новости, боялся, что он запомнил номера машины, что у меня будут проблемы. Но нигде ничего не написали, будто и не было этой истории, и я никого не сбивал. С тех пор прошло лет десять, надо мной многие шутят, что я слишком осторожничаю за рулём, мол, так за свою жизнь переживаю. А я до сих пор не знаю, что стало с тем человеком, может он остался калекой, может долго лечился, а через год умер. Какую боль я принёс его семье, проклинившей козла, который сбил главу их семьи, и скрылся, чтобы защитить свой трусливый зад. Жалею. Конечно, жалею, сейчас бы я, во-первых, не гнал, как пришибленный, во – вторых, – не дай Бог что, никогда бы не бросил сбитого одного на дороге ночью.

Дрова в костре догорали, а люди думали каждый о своём. У каждого был в жизни поступок, о котором они жалели больше всего. Такой поступок каждому вспомнился безошибочно и сразу, будто каждый знал, что рано или поздно насту-

пит подобный разговор. Плохих поступков у всех накопилось хотя бы несколько штук за плечами, но самый большой из них, подобно рюкзаку набитому булыжниками, невозможно было отменить или как-то исправить, загладить вину перед тем, кого обидел.

— У меня тоже есть такой поступок, — сказала женщина.
— Была у нас одноклассница, девчонки над ней подшучивали, всё время старались ударить или унизить. Она будто притягивала злобу, самые тёмные стороны в людях. Однажды девчонки решили преподать ей урок, мол, заведём в лес и немного проучим, чтоб умнее была — её считали дурочкой. Пошли мы с ней в лес, по пути встретили мальчишек, не все были знакомыми, да и ладно. Когда вышли на поляну, её окружили, самая задиристая одноклассница начала её обзывать и унижать. Я почувствовала, что ситуация выходит из-под контроля, когда девчонки начали её бить. Мальчишки смотрели с недобрый любопытством.

Она плакала, закрываясь от ударов, но никому не было дела. Тогда я сказала, что иду домой, она бросила на меня последний взгляд, в глазах мелькнула надежда. Жили мы в соседних подъездах, и с её родителями я была знакома. Не помню, как дошла до дома, на душе — будто мороком всё затуманено. Родителям ничего не сказала, поела, посмотрела сериал и легла спать, как всегда рано. Что стоило мне тогда забежать к её родителям и всё рассказать?! По щекам женщины потекли слёзы. Никому из нас девчонок не пришло в голову, чем всё это закончится.

А на следующий день, мы узнали страшную новость: девочку чуть не убили. Одноклассницы побили её и разошлись по домам, а мальчишки оставшись с ней наедине, коллективно

изнасиловали. В школе был настоящий скандал, многих из тех, кто был в лесу, с позором исключили из школы. Некоторых из насильников посадили, но не всех, у кого родители были при деньгах, откупились. Девочке этой сломали жизнь – ни за что, ни про что – из-за моей трусости.

Костёр дрогорел, почти все покаялись и теперь с любопытством уставились на оставшегося мужчину, который молчал. Свою историю он вспомнил сразу, как и все остальные. Но говорить об этом вслух сил не хватало. Его подбодрили, что бы там ни было, все совершали ошибки, да и не Боги здесь собирались, а просто люди из плоти и крови.

– Мне было восемнадцать, другу пятнадцать, – начал мужчина свой рассказ, ещё сам не веря, что говорит это вслух.

– Тогда мы все зависали в квартире у друга, мать которого уехала за границу. Пили, курили травку, в какой-то момент начали баловаться наркотиками. В тот вечер кто-то принёс таблетки, решили с пацанами «кайфануть».

Мужчина, сильно нервничал, было видно, как тяжело давалась ему эта исповедь.

– Короче, все приняли вначале по две, потом ещё по одной таблетке и разбрелись по комнатам «ловить мультики». А мы с другом остались. Какой чёрт меня дёрнул тогда сказать: «А давай ещё по одной», он отказывался, ссылаясь на то, что ему хватит. Но я не отстал, уговаривал до тех пор, пока он не сдался.

Мы оба поплыли и вскоре провалились в глубокий сон. Утром я долго валялся в постели напротив него, думаю: спит и спит, окликнул, не отвечает. Подошёл начал тормошить, а он холодный, как лёд, лежит с бессмысленным выражением лица. Ему было всего пятнадцать. Только потом я узнал, что у

него порок сердца, и ему ни в коем случае нельзя было ставить такие эксперименты с запрещёнными веществами. С тех пор я завязал с наркотиками, потому что эта дорога в один конец! Всю жизнь думаю: если бы я тогда не уговорил его на ту последнюю таблетку, остался бы он в живых или нет?

История повергла всех в шок, каждый прочувствовал боль рассказчика. Его старались успокоить, как могли. Говорили о том, что жизнь продолжается и никому ещё не удавалось прожить её вообще без ошибок. Говорили, что парень, зная свой диагноз, должен был заботиться сам о своём здоровье, а также, что от судьбы не уйдёшь. Понять Божий замысел, а также силу, толкающую человека на ту или иную ошибку невозможно. Быть может, всё, что происходит – неизбежно, человек же просто инструмент в чужих руках. А, может, наоборот, у всего есть свой сакральный смысл.

Стало совсем прохладно, и люди, попрощавшись, разошлись по палаткам. И вроде бы ничего нового не произошло в их жизни, но на душе каждого стало полегче.

(Молдова)

Надежда Танова. Директор районной публичной библиотеки г. Тирасполь, образование высшее. Член Научного общества болгаристов Республики Молдова.

Писатель-поэт, издан сборник стихов «Рифмы жизни» в 2022 году. Стихи опубликованы во многих Международных альманахах.

Путь к Свету

Урок истории в средней школе в одном из городов России начался, как обычно: звонок, гул учеников в классе в ожидании встречи с любимым учителем Львом Петровичем Бессоновым, который был для многих из них не просто учителем, но человеком, способным зажечь интерес к жизни. Сегодня, однако, урок обещал быть особенным. Лев Петрович недавно вернулся из долгого путешествия по Тибету, о котором он мечтал последние 5 лет. Как историка его интересовала не только история и культурные ценности разных стран, но и вопросы духовности. Слухи о его необычных историях уже облетели всю школу, он поделился своими коллегами о впечатлениях и новом видении на мир. Он зашел в класс, поправляя очки, и начал говорить, не открывая учебника:

— Друзья мои, сегодня я расскажу вам не столько о датах и событиях, сколько о том, что объединяет всех нас, независимо от времени и места. Что делает нас людьми.

Журчащий голос Льва Бессонова звучал как-то умиротворяюще. Ученики 10-го класса, уже привыкшие к нестандартному подходу учителя, замерли в ожидании.

— В Тибете, — продолжил он, — я видел монастыри старше нашей страны, в которых монахи проводят жизнь в размышлениях. Они задаются вопросами, которые, возможно, и вы себе задаете: «Кто я?», «Зачем я живу?», «Что важно в жизни?».

Лев Петрович начал рассказывать о монахах, сидящих в тишине высокогорных храмов, о мантрах, что звучат, словно эхо вечности, о бескрайних просторах, где каждое дыхание напоминало о значимости самого факта жизни.

— Они изучают буддийскую философию, но в этом нет противоречия с христианством. Все великие религии говорят о любви, о сострадании, о том, как важно смотреть внутрь себя, чтобы найти истину.

Ученики слушали, затаив дыхание. Один из старшеклассников поднял руку:

— Лев Петрович, вы хотите сказать, что все религии — это как кусочки одной мозаики?

Учитель улыбнулся:

— Именно так. Каждый народ добавляет в общую картину что-то свое. Но суть остается неизменной: человек должен искать смысл не вовне, а внутри.

Девушка, сидевшая на передней партой, слушала затаив дыхание, боясь, как бы не нарушить столь важный диалог, впрочем, как и все ученики в классе. Он сделал паузу, давая ученикам переварить услышанное.

— Истинная вера — это не догмы и не своды правил, придуманные людьми.

Он задумался на мгновение и добавил:

— Все религии, как я уже говорил, похожи на кусочки мозаики. Идея, что все религии являются частью одной общей картины, подчеркивает их единство и взаимосвязь. Разные

традиции могут предлагать уникальные пути к пониманию Бога или высшего смысла, и каждая из них дополняет общую «мозаику» человеческой духовности. Для христианства, к примеру, Иисус Христос — это, один из самых ярких её элементов, тот, что помогает многим людям найти дорогу к свету. Главное — не путать Бога с теми, кто говорит от Его имени, но поступает иначе. Учитель сделал паузу, всматриваясь в лица учеников, ему было приятно, что какая важная тема их заинтересовала. В классе начался небольшой гул. Ученики начали обсуждать услышанное. Но тут один из учеников, лидеров класса, встал и попросил.

— Лев Петрович, прошу вас, дайте нам совет, как нам разобраться в таком сложном и важном вопросе, когда даже не все взрослые задумываются о глубине вопроса духовности. Я, к примеру, читал некоторые рассказы Льва Николаевича Толстого вне школьной программы. Безусловно, роман «Война и Мир» — это шедевр в мировой литературе, у него такое богатое наследие. Я прочел рассказ "Крейцерова соната", в котором затрагивает вопрос о смысле жизни, и меня очень заинтересовала эта тема. История жизни Льва Николаевича Толстого и его богатое литературное наследие меня потрясли в хорошем смысле слова.

— Олег, я очень рад, что ты углубился в творчество Льва Николаевича Толстого. Это один из любимых моих авторов. Лев Николаевич, один из величайших русских писателей и мыслителей, посвятил значительную часть своего литературного творчества размышлениям о смысле жизни. В его рассказах, романах и философских сочинениях он исследовал глубокие вопросы о сущности человеческого бытия, нравственности и духовности. Толстой также изучал религиозные и фило-

софские аспекты смысла жизни. Он не только задавал вопросы о смысле и целях человеческой жизни, но и предоставлял читателям глубокие и многогранные ответы на эти вопросы. Его произведения оставляют после себя богатое наследие, которое по-прежнему вдохновляет и провоцирует мысли читателей в поиске истины и смысла в мире. На лице у учителя появилась светлая улыбка. Он молчал, казалось, в этот момент его что-то осенило и вдохновило. Он понял важность этой беседы, ведь молодые люди, которые сидят перед ним и внимательно слушают — это будущее страны. Именно им продолжать этот нелегкий и ответственный путь под названием жизнь в осознанности. Важно только пробудить в них интерес, он понял, что ему это под силу, и он продолжил.

— Рекомендую — читайте книги. Это очень важно! Во многих из них заложена мудрость человечества. Знания, которые передаются через книги, часто становятся мостом между человеческими душами. Они служат источником вдохновения, утешения и пробуждения, позволяя читателю заглянуть внутрь себя, осознать свою истинную природу и найти ответы на вечные вопросы.

— Если позволите, я дам вам несколько советов, тем более меня об этом попросил Олег. Да, тема духовности сегодня особенно важна для всех живущих людей. Как нам следовать подсказкам души, как развить в себе благие качества, пробудить осознанность и стать на путь духовности:

— Слушайте своё сердце, прислушивайтесь к внутреннему голосу, его называют интуицией. Я хочу подчеркнуть важность внутреннего голоса как источника истины. Я верю, что Бог или Творец может говорить с каждым человеком напрямую, через его совесть или интуицию.

– Будьте честным перед собой — это основа духовного роста. Без самопознания и искренности сложно достичь гармонии.

– Вера и любовь являются ключом к достижению внутреннего спокойствия и счастья. Любовь к себе и к окружающим также открывает путь к внутренней гармонии и внутреннему благополучию. Когда человек любит себя и других, он становится более открытым, менее агрессивным, более терпимым и готовым к самопожертвованию. Такой человек, как правило, находит мир и радость в своей жизни. Заповедь о любви к себе и ближнему, как основная заповедь Иисуса Христа и Творца, является важнейшим моральным ориентиром. Любовь к себе и другим людям объединяет духовность и мораль, она помогает человеку найти свой путь к истинному благополучию и гармонии с миром. Этот принцип важен как в религиозном, так и в практическом аспекте жизни каждого из нас. Это путь к истинной гармонии и просветлению. В классе повисла тишина. Кажется, слова Льва Петровича задели что-то глубокое в каждом из присутствующих. За окном зашумел ветер, как будто природа поддерживала эту важную беседу. Неожиданно зазвенел звонок, урок закончился, но ученики не спешили уходить. Лев Петрович искренне поблагодарил всех учеников за заинтересованность и попрощался.

...Ученики покидали класс, молча, как будто не желая разрушать хрупкую атмосферу, созданную минуту назад. Кто-то задумчиво поправлял шарф, кто-то искал телефон в кармане, но глаза у всех были какими-то другими — будто светились вопросами, на которые они только начали искать ответы. Лев Петрович смотрел в окно, наблюдая, как порывы ветра теребят голые ветви деревьев. Его мысли возвращались к то-

му, что он сказал. Он чувствовал, что это был не просто урок, а момент, когда души учеников хоть немного приоткрылись навстречу чему-то большему. Может, это и есть истинное призвание учителя, — подумал он, — не просто давать знания, а будить душу.

Он подошёл к окну. Внизу, на школьном дворе, группка ребят что-то обсуждала, но теперь их разговоры звучали иначе — глубже, серьёзнее. Лев Петрович улыбнулся. У него было ощущение, что произошло что-то важное. Через день, после уроков, на учительском совете, поднялся разговор о методах Льва Бессонова.

— Он отвлекается от программы, — сухово заметила завуч школы, Мария Ивановна.

— Зачем нашим ученикам его тибетские истории? Мы готовим их к экзаменам, а не к жизни в монастырях!

Директор, пожилой мужчина с уставшим взглядом, поддержал:

— Школа — не место для философии. Мы здесь для того, чтобы давать знания, а не рассуждать о смысле жизни.

Лев Петрович пытался объяснить:

— Разве история — это только даты и события? Разве мы не должны учить детей думать?

Но коллеги не слушали. Обстановка накалялась, большая часть педагогов поддержали директора и вскоре стало ясно: Бессонову придется покинуть школу. Увольнение не стало для него трагедией. В глубине души он понимал и никого не винил, ведь каждому необходимо осознанно прийти к этим знаниям и разбудить в себе голос истины и стать на путь просветления. Он твердо знал это не конец его пути, как педагога, а скорее начало просветительского пути. В один из солнечных

осенних дней Лев Петрович собрал рюкзак, денег у него было мало, но он был уверен, что его будет вести неведомая сила, которая поможет и в решении этого вопроса. Он снова отправился в дорогу.

Лев Петрович шел легко, с чувством, будто невидимая сила действительно ведет его. Его душу наполняло удивительное спокойствие и предвкушение новых открытий. Каждый шаг он воспринимал как приближение к пониманию чего-то важного, что не поддавалось объяснению словами, но было близко сердцу. Первым делом он отправился подальше от города, его душа хотела умиротворения. И вот он нашел прекрасное место – тихую деревушку, затерянную среди холмов. Перед ним открылся пейзаж, который заворожил своей простотой и красотой. Поля золотистых осенних оттенков простирались до самого горизонта, где тонкая линия леса сменяла мягкие холмы. Домики с терракотовыми крышами выглядывали из-за деревьев, создавая ощущение уюта и спокойствия. Лев Петрович медленно шел по узкой грунтовой дорожке, ведущей к центру деревни. Воздух был наполнен свежестью, пахло опавшими листьями и дымком из печей. Вдалеке виднелась старенькая церковь с покосившимся куполом, которая словно хранила память о прошлых временах. Журчание небольшого ручейка сопровождало его шаги, добавляя в картину еще больше умиротворения. Вскоре он подошел к небольшому дому, который ему порекомендовали добрые люди, встретившиеся на его пути в деревне. Домик пустовал, он был скромным, но крепким: деревянные стены, побеленные рамы окон, перед крыльцом – небольшой палисадник с сиренью, георгинами и кустами крыжовника. Позади дома начинался сад, где яблони, облепленные последними плодами, склоняли

ветви к земле. Он сел на траву, и взгляд его остановился на старом колодце, стоявшем в углу сада. Колодец выглядел заброшенным: веревка потемнела от времени, а деревянный сруб оброс мхом. Но в этом уголке, окруженному яблонями и тишиной, было что-то умиротворяющее. Легкий ветерок донес аромат спелых яблок, смешанный с запахом хризантем и влажной земли. Он прислушался: вдалеке доносился звон колоколов – казалось, весь мир слился в гармонии звуков и красоток. Здесь, вдали от городской суеты, он ощутил гармонию, которую давно искал.

Утром, выйдя на крыльце, он увидел соседей, живущих неподалеку. Это была пожилая пара, она приветливо помахала рукой, приглашая зайти на чай. Лев Петрович почувствовал, что оказался в месте, где время словно остановилось, где можно было жить в гармонии с природой и самим собой. Здесь, среди тишины и красоты, ему хотелось начать новую страницу своей жизни, чтобы найти силы и вдохновение для своего пути и труда. Он обосновался в этой тихой деревне, привел в порядок дом и посетил местную школу. Он много гулял и восстанавливал силы на лоне природы. Здесь, среди тихих полей и древних лесов, позднее, когда пришла весна, он стал обучать детей, которые приходили к нему в гости, простым истинам: любви к природе, взаимопомощи и радости в познании мира. Уроки он проводил прямо на траве, среди деревьев. Лев Петрович не жаловался на холод или дождь, считая, что природа сама по себе – лучший учитель. Местные сначала с опаской смотрели на "чудного городского", но дети потянулись к нему. Они с интересом слушали его рассказы и вопросы, которые заставляли их думать не шаблонно, а по-настоящему.

Однажды к нему пришел старый деревенский дед, считавшийся местным мудрецом. Он сел рядом с Львом Петровичем и, внимательно разглядывая его, сказал:

— Ты не от мира сего, учитель. А знаешь, это хорошо. Нашим ребятишкам таких, как ты, давно не хватало. Эти слова укрепили в Льве Петровиче уверенность, что его путь — правильный. И так он жил, путешествуя от одной деревни к другой, всегда находя новых учеников и новых друзей. А он продолжал свой путь, всё так же с рюкзаком за плечами и открытым сердцем, зная, что истина многолика, а поиск её — бесконечен. Его влекли родные просторы с её глубокими традициями, где он находил отражения той же истины в русской литературе, в истории и фольклоре. Только бы успеть всё познать самому и помочь людям. В каждом новом месте он встречал людей, которые становились его единомышленниками. Это были монахи, ученые, художники и даже простые труженики, говорившие о природе и ее мудрости. Его путешествия длились годами, и в какой-то момент он перестал быть просто человеком в поиске. Он сам стал учителем для тех, кто хотел понять, как стать лучше и в чем предназначение людей. И вот однажды, когда он стоял у подножия горы, его озарило, он наконец нашел ответы на все вопросы. Он понял: путь к истине — это путь к самому себе. А Любовь и Доброта — это и есть путь к свету!

(Кишинев)

Светлана Шепелевич. Родилась и живу в Кишинёве. По образованию я инженер-энергетик и много лет проработала в этой сфере. Но затем моё увлечение астрологией переросло в мою новую профессию. Сейчас я консультант по восточной астрологии. Рассказы пишу давно, но они пока «в столе».

Петля Времени

К обеду головная боль стала просто невыносимой. Таблетки не помогали. Помогал стакан – я прикладывала его поочередно ко лбу и вискам, и холодное стекло как будто немножко уменьшало боль. Начальница, которая ждала от меня готовый отчёт, недовольно поглядывала на меня. Но ни работать, ни даже делать видимость, что я работаю, не было ни сил, ни желания. В конце концов, она нехотя промолвила:

– Ладно, иди уж домой!

На остановке до меня вдруг дошло, что надо было вызвать такси. Но как раз подошёл троллейбус. Сев к окну, я приклонила свою несчастную больную голову к стеклу, и впала в какое-то забытьё. Из него меня выдернул звонкий мальчишечий голос:

– Здравствуй, тёти Ир!

– Здравствуй, Антошка, – пробормотала я, с трудом приоткрыв глаза.

Но через мгновение я подскочила, и мои глаза широко открылись. Я с недоумением уставилась на мальчика, сидевшего напротив меня. Без сомнения, это был Антошка. Та же

копна темных кучеряевых волос, те же большие карие глаза за очками. Но... этого не могло быть. Потому что Антону было уже больше 30 лет. Я давно его не видела – он вырос, женился и переехал жить в другой город. Лида говорила, что у него есть сын. «А-а-аа», – вздохнула я с облегчением, это, наверное, и есть его сын, и, наверное, как пошел в школу, Лида взяла его к себе. Ум – это такой товарищ, который всегда и всему найдет объяснение. «Только откуда он меня знает?», – подумала я, но это уже не казалось таким важным, и мои глаза снова начали закрываться.

– Тетя Ира, а можно я вечером приду к вам поиграть с Димкой?», – спросил мальчуган. *Тот* Антошко был старшим товарищем моего сына. Я в замешательстве смотрела на мальчика. На правом стекле его очков была трещина. Она появилась вчера, когда дети играли во дворе. Так... Вчера или 30 лет назад? Я вспомнила рассказы Лема про петлю времени. Достала из косметички зеркало, посмотрела в него. Мне по-прежнему было 55 лет. А Антошке, сидевшему напротив – 7. И это был он, и в этом сомнений не было. Мальчик был смущен моим поведением, он поёрздал на сиденье и уточнил:

– Нууу, когда Дима из садика придет.

– Да, можно, – сказала я в полном ступоре и пошла к выходу.

Дверь в дом я открывала с опаской: что я увижу за ней? Тот дом, что я оставила утром или тот, что был 30 лет назад? Прихожая была та же, и комнаты вроде тоже. Не в силах объяснить произошедшее в троллейбусе, я пообещала себе, что подумаю об этом позже. Потом, когда посплю. Меня разбудил настойчивый телефонный звонок на домашний телефон. Уже просыпаясь, я поняла, что он много раз звонил и раньше. Я

сняла трубку и услышала возмущенный голос воспитательницы моего сына:

– Ирина Васильевна! Мой рабочий день закончился уже час назад! Вы собираетесь прийти за ребенком?

– Сейчас, – ничего не понимая, сказала я и на деревянных ногах вышла из дома. Садик был через дорогу, идти до него было несколько минут. «Только ни о чем не думай, а то сойдешь с ума!», – заклинала я себя по дороге.

Я вошла в группу и, игнорируя недовольство воспитательницы, во все глаза смотрела на маленького мальчика, рисующего за столом. Без сомнения, это был он, мой малыш!

– Мама! – обрадовался Димка и кинулся мне на шею.

Я обняла его, с трепетом ощущая тепло маленького тела, вдыхая его запах.

– Мам, посмотри, что я нарисовал! – сын с гордостью протянул мне рисунок.

Ну, конечно же, там был нарисован самолет.

– Молодец! – похвалила я его, и извинившись, наконец, перед обалдевшей воспитательницей, мы отправились домой. Выйдя на улицу, я тут же взяла малыша на руки.

Вообще-то в свои 4 года он превосходно топал сам. Но так восхитительно было снова ощутить эту сладкую тяжесть и кольцо его ручек вокруг своей шеи, что я не могла отказать себе в этом. Дома я быстро напекла блины. И потом, подперев щёку рукой, млея, смотрела, как Димка с аппетитом уплетает их со сметаной и вареньем. И столько счастья было в этих минутах, что я гнала всякую мысль о том, что происходящее неправильно и невозможно. И вдруг малыш, потянувшись за очередным блином, опрокинул на себя чашку с чаем. Его нужно было срочно переодеть. Промокнув мокрую одежду полотенцем, с чувством, что у меня едет крыша, я пошла в

комнату, которую по-прежнему звала детской. Я четко знала, что в шкафу нет вещей сына, тем более детских. Сын давно жил отдельно, женился, у меня рос внук. Я открыла шкаф. В шкафу были сложены детские вещи... Почему-то мысль позвонить сыну на мобильный мне показалась опасной. Я не знала, что происходит, и вдруг я что-то нарушу? Вдруг нельзя смешивать две реальности? Я позвоню, а по этому номеру не будет моего взрослого сына... А потом я войду на кухню, и там его маленького там тоже не окажется ...

Утром, просыпаясь, я услышала стук молотка во дворе. «Самолёт мастерит!», – не то подумала, не то вспомнила я, улыбаясь сквозь сон. Стук прекратился. Я знала, что будет дальше. Меня сдуло с постели, я выбежала во двор, но я не успела. Мой малыш стоял посреди двора и отчаянно, во весь голос, ревел. Рядом с ним на земле лежал самолёт. Горе Димки было таким сильным и таким искренним! У меня, как и 30 лет назад, защемило в груди.

– Что случилось? – присев на корточки и обнимая его, спросила я. Впрочем, ответ я знала.

– Он не взлета-аа-ет!!!, – с трудом прерывая плач, выговорил мой сын.

– Послушай меня, – сказала я, – мы сейчас пойдем туда, где тебя научат делать такие самолеты, которые умеют летать.

– Сейчас, прямо сейчас? – спросил мой сын с надеждой, ещё всхлипывая по инерции, но глаза уже засияли, и слезы стремительно высыхали.

– Нет, сначала мы позавтракаем, – улыбнулась я.

Тогда, много лет назад, я не догадалась повести его в авиакружок. Я просто не знала о нём. Но как-то, гуляя в парке, я случайно наткнулась на площадку, вокруг которой стояли мальчишки с пультами в руках. Высоко над площадкой летали

сделанные ими самими самолеты. И столько счастья было в их глазах, устремленных в небо, столько упоения, мальчишеской гордости! Я долго стояла и смотрела на них. Стояла, и остро сожалела, что в свое время я не привела сюда своего сына. Порой молодые родители о многих важных вещах не догадываются... Не хватает мудрости, жизненного опыта, а самое главное – неважные дела заслоняют важные... И только спустя много лет приходит понимание ошибок, упущенных возможностей... Кто-то тряс меня за плечо. Это была кондукторша.

– Женщина! Женщинааа! Вам когда выходить? Через одну остановку конечная!

– Сейчас, – сказала я, и вышла.

И пошла домой к сыну. Мой сон – если можно назвать сном то, что было со мной, был таким явственным, что мне просто необходимо было увидеть сына прямо сейчас.

– Мамулечка пришла, вот здорово! – улыбаясь, сказал сын, открыв мне дверь.

Из гостиной выбежал мой внук Мишка, такой же белобрысый вихрастик, каким был мой сын в 4 года.

– Бабушка! Посмотри, что папа купил! – захлебываясь от счастья, сказал он, протягивая мне модель самолета. – Он летает, бабушка! – внук стремительно повернулся к сыну:

– Пап, покажи!

В руках у сына я увидела пульт от самолета. Присев, чтобы глаза малыша оказались с моими на одном уровне, я обняла его и спросила:

– А хочешь, мы пойдем туда, где тебя научат делать самолеты, которые летают?

– Да...а! – восторженно закричал Мишуля, обвивая мою шею своими маленькими ручками.

* * *

(Кишинёв)

Алина Мрий Родилась 14 октября 1978 года в с. Незавертайловка Слободзейского района МССР. В 2003 году окончила Государственный университет Молдовы, юридический факультет. Сейчас являюсь руководителем отдела охраны здоровья и безопасности труда в автомобильной компании г. Кишинев.

Путь без пути

Пробуждение из мира сна и иллюзий побудило во мне написание этой книги и положило начало моего осознания того, что все в этом мире приходит и уходит, а я всегда существую. И это есть реальность. Всё остальное является иллюзорным восприятием, как и иллюзия прошлого и будущего, да и всего времени, которого, вообще, на самом деле не существует. А «Я» всегда есть. Я – чистое сознание. И присутствует только осознание настоящего: здесь и сейчас. Мой основной вопрос из того детства, в котором я себя помню, был один: если я и моя жизнь прервётся и моего тела не станет, буду ли я продолжать себя осознавать? Ведь тело — это как иллюзия, материя, которая появляется, длится, растворяется и исчезает. А мои эмоции, чувства, осознанность всего существования ведь не являются материей. Как это всё может испариться и просто исчезнуть? Это всё нельзя ни видеть, ни осязать. Да, хороший вопрос самой себе...

Но, по мере продвижения моего физического существования, он отходил на задний план. И весь информационный накопитель, начиная с моего рождения до момента осознанно-

сти, наполнялся разного рода убеждениями ума, сводившегося к тому, что жизнь – это сплошная борьба за место под солнцем, которое, по моему размышлению, для всех светило одинаково. Вот только люди почему-то с разными судьбами под ним ходили, приобретая свои опыты. И оценка этого опыта у каждого своя. Ну, вот и я – одна из них... В данном повествовании всё изложено на реальных событиях в точности, кроме имен, которые были заменены на другие, чтобы не затронут чувства других указанных в рассказе персонажей. Также по этой же причине здесь не указаны точные наименования местностей. Родилась я по счету первой в семье моих родителей. Хотя у отца была другая семья до воссоединения с моей матерью, в которой родилась дочь Ольга. Также и у мамы был недолгий брак с первым мужем и дочь Татьяна. Конечно, дочь от первого брака матери жила после их развода с нами. Поскольку Татьяна по возрасту была старше на несколько лет, наше детство особо не переплелось.

Мой отец бы спортсменом от Бога – мастер своего дела и одаренный педагог. Обладал красивыми внешними данными и крепким физическим телосложением, поэтому и продвигался по жизни в спорте: вольная борьба, бокс и плавание, чему и посвятил всю свою жизнь. Помню, как я гордилась своим отцом и его достижениями в спорте. Эти часто проводимые соревнования по борьбе в праздничные и будние дни, поездки по спортивным лагерям, где я чувствовала себя королевой. Ведь мой пapa там был главным. Вот только всё, что проходило за порогом нашего дома, а точнее, в рабочей атмосфере моего отца, никак не соответствовало тому, что проходило в нашей семье. Ведь дома всё было по-другому. Всё, что я помню в кругу моей семьи – это жизнь чужих между собой лю-

дей, наполненных разочарованием. Обвинения друг друга во всех бедах стало уже такой нормой в семье, что я всегда чувствовала себя виноватой без вины. Часто я задавала себе вопрос: почему мама и папа несчастны, где же то семейное счастье? Все это никак не могло собраться в один пазл и вызывало во мне негодование. Спустя два года после моего рождения на свет появился мой брат Иван. Вот с ним-то по возрасту и воссоединилось мое детство.

Моя бабушка – мама отца, была одарена не маленьkim потомством, поэтому в моем родстве было достаточно дядей и тетей, а также двоюродных братьев и сестер. Больше всего я любила встречаться с двоюродной сестрой Светланой, с которой я делились своими мечтами о будущем, которое всегда выглядело счастливым. Ниже я расскажу о моих жизненных этапах в поисках. На каждом из них я осознавала, что я ищу не там, где нужно искать. Да и нужно ли вообще искать. В подростковом возрасте я глубоко осознавала, что невиданная внутренняя сила всё контролирует в моей жизни и помогает во всем. Но что это? Или кто это? Вопрос – тупик... Снова вопрос – и снова тупик... Так начались мои поиски чего-то или кого-то. Периодически я вела наблюдения за людьми со стороны. Каждый человек, независимо от возраста, был в разном настроении, которое имело связь непосредственно с их состоянием. Но самое важное: я понимала, что абсолютно все хотят быть счастливыми. И счастье каждого из них каким-то образом имело связь с их состоянием. Таким образом, чтобы человеку стать счастливым, надо что-то иметь или где-то с кем-то находиться. Еще в детском саду я особо наблюдала за воспитателем, который, почему-то, к нам изо дня в день приходил в разном настроении. А оно, в свою очередь, влияло на даль-

нейшее положения дня. Каждый возрастной момент жизненного этапа говорил мне о том, что все события, которые происходят в жизни человека, являются его путем, который ему необходимо было пройти. И дальнейший ход событий определяло его восприятие или, если сказать по-другому, своего рода реакция на них. Как же мне хотелось с кем-то поделиться своими размышлениями об этом и узнать, что же он думает по этому поводу... Но мне лишь оставалось быть в размышлениях наедине с собой.

А вот и школа, новые поиски познания себя ...

И снова, здравствуйте вопросы. Новые темы для размышления, новые предметы, люди, отношения, как с одноклассниками, так и с учителями. И новое знание о себе. Точнее, знание о себе от окружающих. Тут я столкнулась с новым пониманием того, что люди, особенно подростки, воспринимают чужие мнения о себе, как свои. Полных подростков унижали свои же ровесники, над худыми посмеивались те же. С теми, кто одевался в одежды подороже, больше дружили, чем с теми, кто одевался поскромнее. Кто придумал все эти правила? Что надо быть таким или таким, это хорошо, а это плохо... Я наблюдала за всем этим и точно понимала, что они живут на самом деле по чужим выдуманным правилам. Поэтому никто не знает, кем он является на самом деле. В том числе и я. Чтобы уйти от этих размышлений, я часто уходила в спортзал отца, где он с ребятами проводил тренировочные занятия по вольной борьбе и боксу. От этих нескончаемых суждений мне также помогала отдаляться и работа на ферме моего отца по выращиванию пушных зверьков с ценным мехом под названием ондатра. И теперь каждый день нам приходилось с братом работать на этих вечно требующих еды

грызунов. Поначалу папин бизнес процветал и, безусловно, являлся для нашей семьи неплохим источником дохода. Мы, конечно, не были в восторге от каждодневной работы без отдыха. Но продолжали работать из страха перед отцом. Я часто задумывалась о том, почему я должна делать то, чего не хочу делать, что не приносит мне радость и внутреннее удовлетворение. Ведь я очень любила танцевать, и желание мое было заниматься танцами и посещать их уроки. И да. Я посещала их, но втайне от отца после школы. В виду чего приходилось обманывать его, убеждая в том, что у меня было большое количество уроков и дополнительных занятий в школе, чтобы как-то попасть на занятия по танцам.

Старшей сестре Татьяне буквально повезло. Папин бизнес начал развиваться в тот период, когда она стала студенткой института другой страны. Поэтому поработать ей на ферме не пришлось. Помню, отец уверял нас, что деньги зарабатываются с трудом, что надо пахать, как ломовая лошадь, чтобы жить хоть немного лучше. Я верила в это, как и все члены нашей семьи. И, как ни странно, всё так и происходило. В свои 15 лет я познакомилась с парнем по имени Эдуард. Это случилось в очередной из походов в хлебобулочный магазин, куда мне приходилось ходить каждый день за покупкой хлеба для пушистых грызунов. У нас пытались завязаться отношения, но из-за строгого контроля моего отца им пришлось прерваться. Однако настойчивый Эдуард не оставляя меня в покое. Карабулил меня везде, где можно, давая понять, что у него ко мне настоящие чувства и что он намерен жениться на мне. А я? Любила ли я его? Не знаю... Особых чувств я к нему не испытывала. Всё же наши встречи с Эдуардом закончились. По причине того, что я влюбилась в другого парня, с которым

я познакомилась случайно, находясь в поле дикорастущей травы, которую мы с отцом заготавливали на зиму для наших пушистиков. Ну, хоть какая-то для меня от них была польза. Там я встретила свою любовь. Наши отношения закрутились после второй встречи на местной дискотеке, куда я попала случайно, и по прошествии трех лет стали приближаться к нашей свадьбе. О, как я радовалась, что обрела свое счастье, к которому я так упорно тянулась. И вот он тот, кто поможет мне стать счастливой. Я жила этой любовью к нему, ведь он был для меня драгоценным изобилием счастья всей моей жизни. В то время я была уже студенткой юридического факультета в университете соседней страны. Да, дорога домой была не столь длинной – три часа на общественном транспорте. Но расставание с моим любимым, почти уже мужем, было для меня адскими муками. И я все чаще стала приезжать домой, чтобы быть с ним, начиная постепенно забывать об учебе, о своей жизни и о самой себе.... В этот период всё еще иногда напоминал о себе Эдуард, который просил возобновить с ним отношения. Он уверял меня, что любит меня и не представляет дальнейшей жизни без меня, и предлагал заключить с ним официальный брак. Но это было бессмысленно, ведь я полностью утонула в отношения с другим, с которым готовилась идти под венец. Крах, как гром среди ясного неба, не знаю, как более подходяще назвать это событие, пришел внезапно, свадьба не состоялась, мы расстались... Не буду рассказывать сейчас о причине нашего расставания, потому что суть моего рассказа не в этом. То, о чем я обязательно отражу ниже и ту истину осознания всего, связаны непосредственно и с этим. Но даже если бы в тот период у меня были отношения с кем-либо из других ребят, их разрыв был бы также неизбежен.

Мечта в моей жизни о создании семьи с любимым мужчиной потерпела поражение. А вместе с ней и я, полностью потеряв интерес к своему существованию. Я искала счастье и любовь, и вот, дотянулась до них, а они просто выскользнули из моих рук. Незаметно для себя я возобновила снова отношения с Эдуардом, чему он был очень рад и через короткий срок мы зарегистрировали официально свои отношения. Что я помню – это то, как я шла в загс. Сказать, как это выглядело со стороны? Кто видел, как ведут на убой ягненка? Он идет покорно, не понимая толком, что он делает, но продолжает послушно следовать за ведущим его. Думаю, это отличное сравнение со мной в тот момент. Так я вышла замуж и пробыла в этом иллюзорном браке 17 лет, убеждая себя в своей любви к мужу, которого я ненавидела все годы совместной жизни. У Эдуарда было много плюсов, на самом деле. У него были и «золотые руки», и достойный заработок и всё то, что присуще было мужскому достоинству и качествам. Однако его отношение ко мне было аналогичным, как и моё к нему, несмотря на его признания в любви и уговоры о том, что нам суждено самим Богом быть вместе. Но, глядя на своего мужа, я смотрела в зеркало на свое отражение. Ведь он проявлял свое отношение ко мне ровно настолько, как я относилась сама к себе. Супруг попросту отражал меня, при этом страдал от понимания того, что я не люблю его. Наши семейные отношения превращались в какой-то замкнутый круг. Чтобы реже видеть своего мужа, я постоянно задерживалась на работе, куда и трудоустроилась с этой целью. Это была служба в органах внутренних дел в следственном отделении. Этому поспособствовало также и мое высшее юридическое образование. Работа мне нравилась, ведь здесь и власть, и новые связи, в том числе и возможность

самореализации. Но чем более я углублялась в работу, тем более я утопала в мир преступлений, расследований, отдаляясь от себя и своей дочери. Продлив свою службу до майора полиции, я прервала свою трудовую деятельность в этой сфере, доведя себя до нервного срыва. На восстановление нервной системы понадобилось некоторое недолгое время. Через пару месяцев я уже работала в муниципалитете своего города, получив функцию руководства всей его инфраструктурой. И снова власть, связи и ношение маски успешной и счастливой леди, будучи при этом полностью опустошенной и разбитой, заблудившейся в поисках счастья. Муж к этому времени был настолько увлечен алкоголем, что видеть его трезвым для меня и дочери было уже редким явлением. Два разных мира существовали в одной семье. В итоге супруг просто ушел из дома жить своей жизнью с алкоголем в другую квартиру, которая относилась к нашему совместному нажитому имуществу. Думаю, что это был лучший вариант для нас всех, поскольку неизвестно, чем бы закончилось наше пребывание с супругом под одной крышей. После чего мы беспрепятственно расторгли наш брак официально в судебном порядке.

Моя дочь – моё утешение и моя радость. Это и красавица, и отличница в школе, и благодарность учителей за нее. Мое основное внимание, счастье и забота были в ней. Но чем дальше, тем я более ощущала одиночество, продолжая искать блики счастья в мужчинах и в работе.

Поиски, конечно же, были затронуты и познанием Бога в разных религиозных деноминациях, где я как будто что-то обретала на некоторое время: покой, необъяснимую радость, друзей. Но это было ненадолго. Все куда-то впоследствии исчезало, оставляя осадок разочарования. В конце концов, по

окончании школьного образования дочери, мы решили, что дальнейшее обучение она будет проходить в том же университете, в котором училась и я. Это решение было подтверждено всеми сложившимися событиями в то время. Это и золотая медаль дочери, и ее прохождение по конкурсу на бесплатное обучение в университете, ну и, наверное, один из важных указанных факторов, начало моих новых отношений с молодым человеком. Это были многообещающие отношения, которые повлияли сильно на наш переезд в город соседней страны. Я уверена была, что здесь начнется другая жизнь, учеба дочери, её самореализация в другом городе, а главное – я смогу стать счастливой. Плюс ко всему – многообещающая помошь от нового избранника.

Так, без колебаний, я уволилась из местного муниципалитета. И, отпраздновав выпускной дочери, мы с огромной надеждой переехали в другую соседнюю страну, где я без труда нашла работу, и мы взяли в аренду двухкомнатную квартиру. Вот оно, начало счастья. Дотянулась все-таки... Далее опишу кратко. Молодой человек, который многообещающе собирался поддерживать нас и всячески помогать финансово, оказался зависимым от азартных игр. В результате чего мы подверглись разным неприятным ситуациям из-за его пристрастия. Я с дочерью осталась без денег, без жилья. Отношения с виновником этих событий сошли на «нет». Истощенная стрессом я, словно из горячей печи вырвавшись наружу, снова начала учиться дышать. Конечно, мы сняли в аренду другую квартиру, практически без труда нашла новую работу. Тут же и дочь устроилась на период летних каникул в качестве бариста в кафе, где и встретила своего будущего мужа. Впоследствии они переехали на постоянное место жительства в дру-

гую страну по месту работы её супруга. Здесь важно отметить, что на новом рабочем месте я познакомилась со своим коллегой, который также почти сразу со дня знакомства проявил ко мне симпатию, и у нас начались отношения, которые длились два года, пока мой возлюбленный неожиданно для меня уволился и, ничего не объяснив, уехал в другую страну. Информацию о том, что он переехал на постоянное место жительства в другую страну, я чуть позже узнала от его друзей и от него самого по телефону. Я поняла, что он не был готов к семье и побоялся ответственности. Ну и родной брат, ко всему, предложил переехать с ним для лучшей жизни. Я снова не дотянулась до счастья...

Дочь в это время с супругом уже проживала на территории другого государства. А я остаюсь одна в чужом городе... О да, у меня было достаточно времени, чтобы полностью погрузиться в себя. Ночь – я одна, утром на работу, вечером – с работы – одна, снова ночь – одна, утром – одна. Как будто какая-то внутренняя сила хотела мне что-то этим сказать. Часто я просто лежала с закрытыми глазами. Если глаза открывались, то я оставалась находиться вниманием в себе, не видя перед собой буквально ничего. Так продолжалось почти пять месяцев. Я учились быть в тишине и покое, наблюдая, как ко мне поступали мысли и какие-то чувства. Они длились некоторое время, а после растворялись и исчезали. Затем снова появлялись, длились и исчезали. И вот в этом промежутке между мыслями я внутренне ныряла в этот покой и тишину.

В этой тишине я глубоко осознавала, что каждое явление не нуждается в названии и имени. Оно просто существует без какого-либо названия. Солнце ведь не знает, что оно солнце, дождь не знает, что он дождь. И эти явления не нуждаются в

каких-либо названиях. Как любой предмет, так и тело не нуждаются в наименованиях, они просто есть. А слова человечества всего лишь состоят из сочетания букв, входящих в состав слов, придуманных умом. Я стала понимать, что всё происходит само по себе. Слово «сердце» существует в том звучании, в котором оно звучит для русского населения. Английское слово «heart» звучит так для английского населения. И так на многих других языках. Но само сердце не нуждается ни в каком названии, ни на каком языке. Сердце само бьется, как и дыхание само дышится. Все происходит само и само о себе заботится. Как и нет ничего правильного и неправильного. Потому что то, что для одного – правильное, для другого может быть неправильным. Отсюда и все страдания, которые возникают от нашего восприятия. И чтобы изменить свою реальность, необходимо изменить свое восприятие того или иного явления. В этот момент тишины я глубоко осознавала то, что быть счастливой или несчастной – выбирать мне. И всё в мире существует только потому, что я есть, и я это свидетельствую. Если нет меня, то и ничего нет. А, значит, всё происходит из меня, потому что я являюсь одним целым со всем, что есть. В то время я приняла все события, которые происходили в моей жизни, я отпустила все ожидания от кого-то или чего-то, и растворилась вся моя иллюзия. А «Я» осталось. Осталось только «Я», которое есть чистое Сознание...

Трудоустроившись на должность руководителя отдела администрации холдинга, который включал в себя 17 компаний, функционирующих по многим регионам страны, я погрузилась в работу. Хоть она мне и нравилась, но постоянное увеличение её объёма привело меня к физическому и моральному переутомлению. Затем возникли недопонимания с руко-

водителем, и мое желание продолжать работать здесь стало потихоньку уменьшаться. Сказать, что я переживала о том, что я останусь без работы, нет. Проработав в холдинге несколько лет, я твердо решила сменить место работы. В это время на аналогичную должность меня приглашали и в другие компании. Я ощущала какой-то необъяснимый внутренний покой. Как будто внутренняя неизвестная мне сила говорила мне: «Не волнуйся всё хорошо и разворачивается так, как надо». Да, мысленно страх пытался мне намекнуть, что ты одна и как ты будешь дальше... Но внутренняя сила оказалась сильнее и мыслям со страхом не удалось одержать победу. Я была абсолютно спокойна, будучи уверенной в том, что у меня все всегда к лучшему.

В последний, как я тогда считала, рабочий день, мне надо было поехать по служебной необходимости в другой город в один из филиалов холдинга. Мой путь туда был сопровождаем одним из сотрудников моей компании – экспедитором по имени Виктор. По истечении шести месяцев он стал моим любящим и любимым мужем, который заботится обо мне во всех смыслах этого слова, подтверждая свою любовь не только словами, но и поступками. Этого супруга я очень люблю. С этим человеком я узнала себя как любимую и любящую женщину, преобразовавшись в нежный, драгоценный цветок, который расцветает каждый миг и никогда не вянет, потому что любовь супруга не перестает поливать его. Сейчас это настоящий момент моей жизни. Всех людей объединяет только одно – это желание быть счастливым. Потому что это самое важное, главное и единственное желание человека. И от непонимания этого желания рождаются иллюзорные желания. Когда человек желает что-то иметь или что-то получить, что-

бы что-то решилось. Он все это желает, чтобы просто быть счастливым. Но счастливым человек может быть только в моменте «здесь и сейчас». И не пребывая в моменте «здесь и сейчас», человек рождает страдания и болезни, видит проблемы. Поэтому пребывайте в моменте «здесь и сейчас» и будьте счастливы. В процессе жизни человек ведет поиски счастья и всего того, что оно включает в себя, ведя поиски вовне: в других людях, в работе, в отношениях, постепенно теряя самих себя. Это как искать свою вторую руку, которая всегда при себе, пытаясь пришить к себе чужую. В итоге, жизнь превращается в непрекращающуюся борьбу за поиски счастья. А настоящий момент, в котором мы находимся всегда, теряем, как и пропадает наслаждение настоящего. Так мы сами себе не позволяем быть счастливыми.

В моем прошлом до настоящего момента я была всегда ищущим человеком, постоянно пребывая в позиции искателя счастья. По укоренившимся во мне убеждениям системы ума я верила, что мое внутреннее состояние зависит от кого-то или чего-то. Как я уже рассказала выше, я испытывала счастье от сложившихся отношений, от должностей, от наличия финанс. Так я перекладывала свою ответственность на обстоятельства и людей. А когда что-то не совпадало с моими ожиданиями, я винила других. Мое внутреннее состояние зависело от внешних источников, которые всегда видоизменялись. А я оставалась сама с собой. И только внутренний вопрос периодически спрашивал меня «Кто я?» В конце концов, пребывая на пороге истощения от поисков во внешнем, я сдалась самой себе, своему сознательному «Я» или Богу, впрочем, это одно и то же. Я осознала, что источник всего всегда находился внутри меня, поэтому приняла решение принять себя и позволить себе

быть счастливой. Мое желание просто радоваться абсолютно каждому событию, которые незаметным для меня образом стали меняться в моей жизни. Круг моего общения начал постепенно меняться. Ко мне притягивались наполненные радостью люди, которые делились этой радостью. Я перестала черпать негативную информацию из разных источников. В один миг я поняла, что «я» и есть всё то самое прекрасное, что я искала всю жизнь. И чем усерднее я это делала, тем дальше отдалась себя. Поэтому всё, что было в моей жизни, в том числе и вышеописанные длившиеся некоторое время отношения, испарялись и исчезали. Но, как только я перенесла свое внимание вовнутрь себя и поняла, кто я, тут же «я» это все нашла. Выходит, вс это время я была в поисках себя, проходя этот путь без пути. Найдя себя, больше ничего искать не нужно.

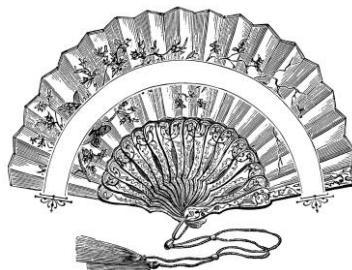
Конечно, о многих событиях в моей жизни, которых достаточно много, можно рассказывать долго и даже стоит написать об этом многотомную книгу. Уверена, что и режиссеру было бы интересно поработать над сценарием фильма по ней. Я обязательно так и сделаю.

Как я указала выше, сейчас я замужем. Благодаря своему новому отношению к самой себе и самопринятию как источника всего, с моим мужем у меня складываются отношения в любви, потому что он отражает моё отношение к самой себе. Работу я сменила с благодарностью за приобретенный опыт на любимое дело. Всё, что происходит внутри меня, отображается во внешнем мире. Если ты чего-то хочешь, знай, что ты этим уже являешься и имеешь всё то, чего ты хочешь, будучи в позиции имеющего, а не хотящего.

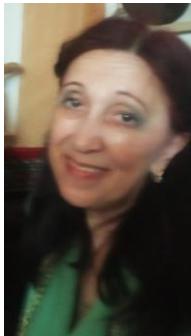
Хотите мой рецепт счастья? Так вот, рецепт счастья – это отсутствие какого-либо рецепта вообще. Счастье должно

быть без условий. Когда все условия для него исчезнут, останется только счастье. Но если появляются какие-то условия для него, то они его гасят, потому что счастье не нуждается в условиях. Оно есть само по себе, свободное от всех условий. Но если ваше счастье зависит от них, от того, какими будут отношения, как себя будут вести те или иные люди, или от того, как ты будешь выглядеть, будешь ли ты здоровый или больной, если счастье зависит от всех этих условий, то его не видать. Оно будет появляться только на короткие мгновения, когда условия будут выполнены. Но затем будут появляться новые условия для счастья. И человек становится радостным не от того, что исполняются его желания, а от того, что освобождается от них на какой-то миг, от того, что желания исчезают. И так поиски счастья не закончатся никогда.

Можете мне не верить, но попробовать стоит, чтобы познать это на своем опыте! Я желаю вам каждого прекрасного момента. До встречи...

(Кишинёв)

Виорика Пуриче. Родилась и выросла в Кишинёве, училась в аспирантуре и защитила диссертацию в МГУ имени М. Ломоносова в Москве. Преподавала в Тираспольском университете и преподаю в университете имени Стере в Кишинёве «Автор двух сборников стихов – «Высочество» и «Когда течёт из горла речь». Публиковалась во многих литературных журналах. Победительница международных конкурсов.

Вега

На подоконнике стоял высокий брюнет и возле освещённой форточки помахивал полотенцем, надетым на руку. Он раскачивался из стороны в сторону и что-то при этом приговаривал. Прохожие в недоумении останавливались. Как никак – аспирантское общежитие. Впрочем, ничем не лучше, чем студенческая общага. То концерты под гитару из него доносятся. То собираются домочадцы общаги на крыше смотреть футбольный матч. Республиканский стадион с высоты просматривался, как на ладони, и хоровой возглас басом «Гол!!!» будоражил всю округу... А ещё, говорят, что аспиранты – будущие учёные...

– Папа, ты напрасно в тряпочку луну ловишь, это солнце горячее, а луна холодная. Она раньше была солнцем, а потом остыла, как бабушкин пирожок, который мне не разрешили съесть сразу.

– Ну, даа. А вдруг обожгусь. И не жалко тебе будет папу?

– Вот, вот она! – полотенце с размаху, как сачок, накрывало луну, а очередная ложка творогу незамедлительно попа-

дала в открытый от изумления рот. Мама не была настроена столь игриво, но знала наверняка, что во время простуды отвлекающая терапия – самое то, чтобы воспрянуть духом и подкрепить силы.

– Папа, папа, смотри! Луна похожа на золотую ложку...

– А где же ручка? – не понял папа.

– Так ты её держишь в тряпочке и кормишь творогом звёзды.

– Это снегом, что ли? – догадался папа. – Ты сама-то свою порцию съела? А то, смотри, не доешь – не вырастишь.

Викуся любила высоту с детства, а потом и глубину полюбила. Ведь глубина – это ни что иное, как высь, увиденная в форточку, или высь в зеркале, перевёрнутая вверх тормашками. Викуся тоже любила заглядывать в зеркало, чтобы выяснить: мамина помада на губах ярче, чем сорванная тайком и съеденная клубника, и насколько она взрослея, надев мамины туфли на шпильках и став выше аж на две ладошки...

Выше, выше вздымаются пометки на дверях, сверяющие Викусин рост. Они тоже наполняют её решительностью. Когда переходишь перекрёсток, на котором нарисованы точно такие полоски, держа маму за руку, то даже машины от удивления останавливаются. Видят, какая ты взрослая. И ты подмигиваешь зелёному глазу светофора. Ведь мы со светофором знаем, что придёт весна, и мир тоже станет зелёным. В так называемом вьетнамском саду, рядом с общагой, не останется ни одного дерева, которое ты не испробуешь на ощупь: можно ли на него залезть, а если тебе это удастся, то можно показать оттуда забияке Мишке язык, чтобы он это увидел и пригрозил: «Ничего, спустишься – я тебе покажу...»? Пусть видят все, что высота и ты – не разлей вода. По листьям, что фейервер-

ком раскинули свой зелёный салют, наперегонки пустились вскачь солнечные зайчики. Викуся вздрогнула от неожиданности и глянула вниз. Незнакомый мальчуган, явно не из их общаговского двора, таращил на неё глаза. Он был одет с иголочки. Щегольская в клеточку рубашка не была разодрана об колючки и коряги. Его коленки не были подбиты и на руках – ни единой царапины.

– Ты что, Маугли? Здесь не джунгли, а ты сидишь на дереве, – заметил он, продолжая разглядывать Викуся.

– А ты что заблудился? Шёл к себе домой и в джунгли завернул? Смотри, как бы тебя родители не заругали… – и добавила, – кстати, а ты кто? Раньше тебя вообще тут не было, – не переставая болтать ногами с насиженной ветки, как бы вскользь, поинтересовалась Викуся.

– Я – Андрей. Мы только вчера переехали сюда. Слазь. На месте познакомимся. Тебя как звать?

– Я – Вега, – почему-то сделав лицо значительным, выпалила сверху Викуся, которая недавно узнала от мамы, что есть такая звезда влюблённых и поэтов и решила поразить незнакомца своей загадочностью.

– Звёзд днём не бывает, а сидящих на дереве и кривляющихся, тем более.

– А ты садись рядом, и я тебе докажу, что бывает, – великодушно предложила Викуся, пропустив мимо ушей язвительную часть реплики. Почему-то их сразу объединила высота. Сверху неприятное, мелкое не бросается в глаза. Зато как на серебряном блюдечке, по которому катится наливное яблочко солнца, проступают новые очертания города. Мамочки, вышедшие на прогулку своих деток, напоминают синичек, опекающих своих птенцов. Апрель растормошил ароматы, побеги на

клумбах. Яблони и те будто прислонились к млечному пути, отчего стали белыми. На них так и остались отпечатки звёзд.

— А ведь тётя мне так и не поверила, когда я ей сказала, что у неё спина белая, — вспомнила Викуся.

Первое апреля для неё был самым заманчивым днём в году, когда, не боясь прослыть врушей, можно было фантазировать. Они потом, Андрей и Вега, часто забирались на ветки деревьев, крыши, каменные возвышенности, уступы стенок и развалы кирпичей. А звёзды днём даже виднее. Просто при их свете из невидимой ещё взгляду ночи обыденные вещи обретают новый цвет, запах и даже смысл.

— Ветка, как маленькая планета, населённая нами. Сверху небо, на нём кольщутся другие планеты и облака. Мы обязательно спустимся вниз. Иначе как мы попадём обратно в свой дом?

— А потом мы будем сюда возвращаться, — подхватил Андрей, — И даже если меня не будет рядом, ты знай, я гляжу вверх и вспоминаю тебя — звезду поэтов и, как ты сказала, влюблённых. Просто надо смотреть на неё такими же глазами...

— Влюблёнными, — пояснила Вега-Викуся серьёзно.

Папа Андрея тоже был аспирантом. Но среди болельщиков на крыше общаги его никто не заприметил. Он не принимал участие в кухонных застольях под гитару. И вообще с утра отправлялся в читальный зал библиотеки писать диссертацию и оттуда, как снег, который минул водообразное состояние, испарился. Говорят, он повстречал там студентку, по которой сначала сох, а потом просто поменял место жительства. Его жену с шестилетним сыном не стали выдворять из аспирантского общежития. Напротив, пытались всячески

окружить вниманием. А на что оно им? Мама Андрея решила оградить сына от несуразностей окружающего мира музыкой, вручила ему скрипку. Андрею полагалось раза три в неделю пересекать с ней двор, отправляясь на музыку к педагогу и обратно. Ноты, извлекаемые смычком, походили на ступеньки. Которые тоже влекли ввысь.

— А давай втащим твой инструмент вверх, — пришла как-то в голову Веги идея, которую она нетерпеливо огласила сверху, когда Андрей очередной раз шагал по двору, помахивая футляром со скрипкой.

— Это ёщё зачем? — не понял он.

— Ты будешь играть мне свою сонату, я буду удерживать вас со скрипкой, а слушатели внизу будут думать, что это прорезался голос у дерева. Забавно, правда?

Это был занимательный концерт. Даже мама Андрея, выглянув из окна, улыбнулась: растёт сын. А это выросла музыка. Она стала вровень с веткой дерева, на которой промостились скрипач и его удивлённая слушательница. Ноты, извлекаемые из скрипки смычком, тоже были на удивление высоки. Они походили на невидимые ступеньки в небо. Каждая окликала нежность, радость и массу ёщё других непонятных чувств. Их-то на звезде Вега, наверняка, испытали уже её обитатели И потом, спустя пять лет, когда Андрей и Викуся целовались на крыше дома, то отлично понимали, что с крыши им ближе до звёзд, и поэтому поцелуи на крыше пахнут юным апрелем. Их не покидало убеждение, что вся жизнь — это планета поэтов и как их там...

— А был ли мальчик, а, может, мальчика никакого и не было? Просто мама перед сном прочитала Викусе сказку?

— Я здесь, подними голову, — окликнул её такой родной незнакомый голос.

Луна, наконец-то пойманная в зелёное полотенце лиственных крон, поблескивая из него, уверяла: Любая сказка имеет продолжение. Любая мечта — свою рифму. Нельзя оседлать ветку, но можно обжить планету. И тогда уродливые пристройки не заслонят небо, и дерево, пустившее в небо корни, не даст себя спилить.

На крыше общаги больше не собираются болельщики, чтобы посмотреть футбольный матч, потому что и стадиона того больше нет, как и нет больше Вьетнамского садика. Но есть где-то планета поэтов, влюблённых и...конечно, музыкантов. И даже если её уже нет, то её свет ещё долго будет настигать и будоражить землю. Всё-таки поцелуй на губах вкуснее клубники и горит жарче маминой губной помады. Правда, Андрей? Они встретились вновь так же неожиданно, как и в первый раз. — Вега! — изумлённо воскликнул Андрей, когда она, сидя в парке под раскидистой ивой измеряла взглядом расстояние от земли до самой раскидистой ветки. Высь, точно кувыркнулась через голову и кубарем скатилась по кроне к ним в объятия. Они вдвоём с разных сторон, как ребёнка, подхватили её на руки, запеленали поцелуями. Это была их, родная, близкая с детства высь. Хорошо быть Маугли в родном городе!

(Кишинёв)

Александра Кармански. Родилась 26 декабря 1999 года на севере Молдовы, живу в Кишиневе. По первому образованию – медицинский работник. По второму образованию – психолог, окончила Славянский университет Молдовы и институт Практической Психологии и Психотерапии Москвы.

Между дружбой и любовью

В одном из небольших городков, зимним вечером четверга, молодая девушка Полина быстрыми мелкими шагами, хрустя каблуками сапог, направлялась к дому бабушки. Она любила частенько к ней захаживать на чашечку чая и слушать её истории, которых было бесконечное множество, а если они и повторялись, Полина слушала их с тем же замиранием сердца, что и в первый раз, ведь всякий раз бабушка Василиса добавляла в них новую деталь. Вот и сегодня, казалось бы, старая история о её друге, приобрела совершенно новый окрас.

– Как там Миша, по-прежнему в статусе «друзья»? – поинтересовалась бабушка, снимая вскипевший чайник с плиты.

– Угу, – кивнула Полина, поморщив свой маленький носик, – я порой его совсем не понимаю, такое впечатление, что он сам не знает, чего хочет, – возмутилась девушка.

– Ну, а ты сама, чего хочешь?

– Я? – призадумалась девушка, вглядываясь в пустоту зимней ночи, освещаемую фонарями, – Ну..., мне нравится с ним гулять, ставить свою озябшую руку в его карман, смот-

реть фильмы, положив голову ему на плечо, ходить в кафе и слушать, как он болтает без умолку... Но, бабуль, как понять, любовь ли это или лишь призрачная иллюзия, за которой я так отчаянно гонюсь? Ведь я так боюсь, что он скажет мне «нет», — сжимая чашку горячего чая, продолжила Полина, — что, если для него такое поведение — это норма, а я придаю ему гораздо большее значение? Что, если я в желании обрести нечто большее, потеряю то, что у меня есть сейчас? Но я так устала, я так устала от этой неопределенности! Если я ему нужна, почему он мне не скажет об этом, к чему все эти игры, ведь я из-за него не замечаю других парней, которые могут дать мне то, о чем я так мечтаю. Да, Полина, как и все девушки её возраста, мечтала о чистой и нежной любви, которую так старательно описывают авторы любовных романов. Но в реальности всё совсем иначе, и её бабушка это прекрасно знала, ведь слушая с каким трепетом её внучка отзывается о Михаиле, она невольно вспомнила свою давнюю историю любви.

— Делать выбор всегда сложно, — ответила ей бабушка, — в моей жизни тоже был когда-то человек, в которого, как мне казалось, я была влюблена. Как сейчас помню тот декабрьский зимний вечер. Я ехала в автобусе с университета домой. Зачитавшись, чуть было не пропустила свою остановку, выбегая из автобуса, не заметила, как обронила кошелек.

— Девушка, — окликнул меня вылетевший вслед парень. — Вот держите, это Ваше, — улыбнулся он, а затем, немного погодя, добавил: Василий.

Знала ли я, что стоит мне назвать ему свое имя, как мы начнем с ним общаться? Определенно, откуда?

Не знаю, — пожала плечами бабушка, — интуиция что-ли?
И я ответила: Василиса.

— Здесь на углу есть замечательное кафе, не хотите ли составить мне компанию, пока я буду ждать следующего автобуса, до него ещё сорок минут? — предложил паренёк.

Мы пили с ним чай и ели блинчики с клубничным вареньем («Таких больше уже нигде не готовят», — с некой грустью отметила она).

— Это был молодой и перспективный парень, — продолжала бабушка, — немного старше меня, из интеллигентной семьи, студент факультета внешней политики и международных отношений. Мы сознавались с ним каждый день, а по выходным выходили гулять в город, ходили в кино или в полюбившееся нам кафе. Вечерами перед сном он рассказывал мне сказки, которые сочинял сам специально для меня. Она вдруг встала и вышла на минуту, а когда вернулась, протянула внучке старенький потрёпанный ежедневник, открыв который Полина начала мельком читать быстрый, но аккуратный бабушкин почерк, здесь были отмечены даже даты написания этих сказок.

— Как это здорово! — изумилась Полина, совершенно оригинальному и, можно даже сказать, необычному подходу парня, которого встретит не каждая девушка. Он создавал для нее целую вселенную, в которой она была королевой, это был призрачный мир, который он бросал к её ногам, каждая сказка была о ней, о её бабушке, и в каждой было сказано, какой она замечательный и добрый человек, он восхвалял её и, казалось, другой такой в мире более не существует.

— Мы были с ним больше, чем просто друзьями, — продолжила Василиса, — но меньше, чем влюбленная пара. Он словно корнями врос в меня, я просыпалась с мыслью о нем и засыпала с ней же. Потом он уехал учиться на два года, полу-

чать второе высшее. Мы продолжали сознаваться и переписываться. За весь период нашего с ним знакомства мы прошли через многое: недомолвки, ссоры, пустые детские обиды, поддержка, понимание, принятие и вера. Однажды до того дошло, что мы чуть не разошлись с ним, так сильно он меня обидел, но время исцеляет, жаль только, что оно не способно делать за людей выбор, который они так отчаянно боятся совершать. Я устала ждать, устала надеяться, я не хотела больше думать, нравлюсь ли я ему или нет. Поэтому, когда он вернулся, на одной из наших встреч я решила взять на себя ответственность и сделать этот выбор за нас двоих. Я спросила его прямо:

— Ответь мне, кто я для тебя? Ты видишь во мне просто друга или нечто большее?

И он ответил:

— Мне хочется, но я не могу быть с тобой, моя жизнь полна неопределенности, я не хочу обрекать человека, который будет рядом, на переживания и тревогу обо мне. Я должен определиться с работой, это сейчас важнее, это мой приоритет, а девушка — это ответственность. Ты работаешь, учишься, устраиваешь свою жизнь, тогда как моя не имеет для меня ясного представления.

Он струсиł! Он просто взял и струсиł, побоялся ответственности! Я приводила тысячи аргументов, говоря, что работа — это всего лишь работа, что всё будет, просто нужно немногого подождать, за неудачами всегда следует успех, и у него он обязательно будет, но, наверное, этого было мало... Очевидно, он меня не любил настолько, чтобы строить свои планы вместе со мной, а те слова, которые он мне говорил: «Ты мне подходишь, в тебе есть все те качества, которые я бы хотел видеть в своей будущей жене», — были пусты и безжизненны.

— Как же ты смогла? — всматриваясь в выцветшие, но по-прежнему яркие, голубые, бабушкины глаза, Полина сдерживала переполняющие её слезы обиды. Она не могла поверить, что человек способен отказаться от возможности быть с тем, кого любит, из-за глупых предубеждений.

— Если вовремя не отпустить, — продолжала рассуждать бабушка, — ты рискуешь потерять шанс обрести нечто большее, поэтому я отпустила. Этот разговор для меня стал точкой в наших отношениях, тогда как для него это послужило многоточием, что ещё раз показывает его трусость и нерешительность. Он захотел всё вернуть, когда получил отличное распределение на работу, но было слишком поздно, я на тот момент окончила университет и встретила твоего деда. Увидев его, сразу поняла, что это тот человек, которого мне так не хватало. Я была сильной, но он был сильнее. Он всегда знал, чего хочет и шел к своим целям непоколебимо, держа меня за руку. Василиса смахнула рукой медленно скатывающуюся слезинку и добавила: ведь вместе мы — сила.

— А что с ним сейчас, ты знаешь? У него тоже есть семья, дети? — поинтересовалась девушка.

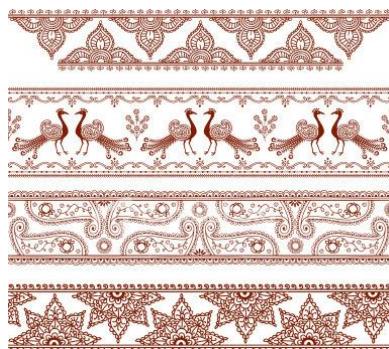
— Он так и не женился, у него нет детей, — Василиса тяжело вздохнула, а затем добавила, — но всё же он стал послом, как и мечтал, правда, долгое время жил вдали от дома.

— Я дома, — раздался в прихожей слегка хрипловатый мужской голос, — что обсуждаете на этот раз? — слегка подмигивая внучке, спросил дедушка.

— Да вот рассказываю Полине, как впервые тебя увидела, — улыбнулась ему Василиса.

— Я помню этот день, — подхватил эту мысль дедушка, — мы умудрились с ней сразу же поругаться. У твоей бабушки в

молодости был отвратительный характер, но именно тогда я понял, что это та девушка, которая мне нужна. Полина смотрела на своих дедушку с бабушкой и радовалась их счастью. Она наблюдала за тем, как бабушка разогревает ужин и с любопытством расспрашивает дедушку о том, как прошел его день, и за тем, с каким энтузиазмом он ей об этом рассказывал. Рассказанное бабушкой вызвало в душе Полины бурю эмоций. К ней пришло осознание, что разговор с Михаилом неизбежен и важен в первую очередь для неё. Несмотря на его исход, она сможет обрести то счастье, о котором так мечтает.

(Кишинёв)

Светлана Бахрушина. Родилась в Подмосковье, станция Москварецкая. Актриса. Член Союза театральных деятелей Молдовы. Член Ассоциации русских писателей в Молдове, член Международного сообщества писательских Союзов, член Союза писателей Молдовы имени А. С. Пушкина, Секретарь Союза писателей

Белые халаты

Дни и ночи смешались в одно серое и вязкое вещество. Оно обхватило её своими цепкими щупальцами, терзало тело и душу. Единственное чувство пылало внутри мощным кратером – безмерная любовь к сыну, который сейчас там, за белой стеной. Все остальные атрофировались. И, кажется, режь её живую на части, она не издаст ни звука и не заметит даже. Беспрерывно туда и обратно, по небольшому коридору, сновали люди в белых халатах, матери, родственники. Примостилась на стуле у двери, за которой находился мальчик. Когда дверь открывали, она вскакивала и пыталась его увидеть. Раза два оттуда вынесли два маленьких свёртка и каждый раз, смутно догадываясь что там, у неё сжимало сердце.

– Как сын? Что с ним? – бросалась она к каждому, кто оттуда выходил.

– Нормально. Спит. Ест. Послезавтра начнём колоть антибиотик.

– Но, это уже третий, нет, четвёртый!

Позади были и парез кишечника, и острая сердечная недостаточность, ребёнок таял на глазах...

В тот день, а это был день её рождения, она неподвижно лежала, глядя в потолок, и все её мысли были о сыне. Вдруг какая-то необъяснимая сила заставила её подняться. Она быстро оделась, помчалась в больницу. Настояла, чтобы сыну сделали рентген. Легкие были чисты. Никакой пневмонии. А ведь лечили его именно от неё. Лечили от того, чего не было...

Одевала она его в кабинете заведующего реанимацией. Личико сына покрылось пятнами от лопнувших сосудов. Грудь провалилась в худенькое, ослабевшее тельце, и его мутил беспрерывный сухой кашель.

Входившие зло и недовольно косились. Кто-то бросил:

– Что эта тут делает! Пусть идёт в коридор.

Она не обращала ни на кого ни малейшего внимания. Ей хотелось одного: скорее уйти из этого злополучного места. Унести мальчика подальше от этих людей, которые почему-то носят белые халаты.

...Дома, постепенно прия в себя, она вспомнила, что, когда входила с ребёнком в больницу, у самого подъезда, взглянула на него – он испуганно закричал.

*Победитель премии
«Золотой Паркер» – 2024г.
(альманах №6)*

Ольга Борисова
Рассказ «Така любовь»

Лауреаты премии 2024г.:

Наталья Явилина – рассказ «Макарона или цветок счастья»
Людмила Колбасова – рассказ «У разбитого корыта»
Анатолий Лабунский – рассказ «Кутя»
Светлана Лозинская – рассказ «Тяжелое обещание»
Александр Луканин – рассказ «Часовых дел мастер»

Специальный диплом конкурса

Вера Тудос – за рассказ «Солдат войны»
Вадим Кокоц – за рассказ «Футбол без границ»

Председатель жюри конкурса Алла Аркадиевна Коркина

Гл. редактор альманаха Николай Семенович Еленин
25 мая 2024г.

ТРИУМФ КОРОТКОГО РАССКАЗА

*Главный редактор и учредитель
Еленин Николай Семенович*

*Редакционная коллегия и члены жюри конкурса
«Золотой Паркер»*

Балан Е.Ф.

Маслоброд С.Н.

Джос Н.В.

Райлян В.А.

Коркина А.А.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
--------------------------	---

Рассказы о войне

Оксана Соснина. Смотритель маяка.....	6
Дмитрий Воронин. Заруська.....	24
Юрий Москаленко. Михайлов день.....	28
Юрий Табачников. Рахель.....	36
Наталья Елфутина. Пасха 1943г.....	50
Николай Еленин. Ирмина	53
Игорь Безрук. Призрак из прошлого.....	69
Лариса Кеффель. Николай Святой и Николай простой.....	80
Шерзод Артиков. Весенне воскресенье.....	87
Ольга Борисова. Письмо из прошлого.....	98
Наталья Науменко. Родина.....	103
Наталья Явилина. Оберег Надежды.....	105
Сергей Маслоброд. Разговор с отцом.....	116
Вера Тудос. Зенитчицы.....	126
Надежда Смирнова. Партизан.....	131
Лариса Коробчану. Благодарная память.....	133
Ирина Чернова. Рыжая.....	137

ПРОЗА наших дней

Геннадий Царегородцев. Земля нас кормит.....	143
Михаил Тимофеи. Исток.....	150
Александр Халупторных. Конфликт с шабашниками.....	152
Федор Каунов. Грешница в городке Италии.....	157
Людмила Колбасова. Богатство старости.....	159
Надежда Савчук. Мой Гамлет.....	171
Владимир Едапин. Нас двое в комнате.....	178

Светлана Лозинская. Десять золотых монет.....	181
Нина Джос. Печник с улицы долгожителей.....	192
Елизавета Азвалинская. Коронная фраза.....	197
Юрий Лашевский. Формоза.....	206
Нина Авидон. Живое тесто.....	209
Вадим Кокоц. Жизнь моя. Судьба моя.....	215
Мария Котляренко. Горько.....	220
Игорь Отчик. Обгон разрешен.....	225
Людмила Ушакова. Как хорошо, что так все вышло.....	231
Сергей Белкин. «When I was sewenteen».....	345
Елена Ковальски. Бог есть!	250
Маргарита Репаловская. О чем я жалею больше всего.....	259
Надежда Танова. Путь к свету.....	265
Светлана Шепелевич. Петля времени.....	274
Алина Мрий. Путь без пути.....	279
Виорика Пуриче. Вега.....	294
Александра Кармански. Между дружбой и любовью	300
Светлана Вахрушина. Белые халаты.....	306

Николай Семенович Еленин

Литературный альманах Триумф короткого рассказа

Гл. редактор: Н.С. Еленин

Редакторы: С.Н. Маслоброд, Н. Джос, А.А. Коркина

Художественное оформление: Е.Ф. Балан

Подписано в печать: 17/02/2025.

Формат 148/210мм. Гарнитура «Times New Roman»

Печать офсетная. Бумага тип. 80г.

Тираж 100экз. Заказ №-----

Техредактор: Рошка Кристина

Препресс: Garomont Studio

Tipografia SC Garomont Studio SRL

str. Alba Iulia, 75. Tel.: 076 706 287; 060 53 60 53

E-mail: garomont@promovare.md,garomont_print@promovare.md

DESCRIREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII DIN REPUBLICA MOLDOVA

ISBN

CZU

Т

© Еленин Н.С., 2025